

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 4 (101) октябрь – декабрь 2020 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 4 (101) October – December 2020

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гимон Т.В., Мельникова Е.А.

Повседневно-практические тексты в средневековой Скандинавии
и Древней Руси 9

Головнёв И.А.

Кинодокументы по этнографии айнов в коллекциях музеев
и архивов Сахалина 24

ЭКОНОМИКА

Архипова М.Ю., Сиротин В.П.

Подходы к изучению качества и уровня жизни населения в России 34

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л., Фадеева Т.А.

Восточный вектор — приоритетное направление демографического развития России 45

Попова В.С., Пушкарский А.Г., Сироткина Л.С.

Феномен логической культуры в России: прошлое и современность 55

Дмитриев И.С.

Извилистые тропы научных карьер 69

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Зыкова И.В.

Идиоматика русского авангарда сквозь призму лексикографии 80

Калугина О.В.

Границы реализма: к проблеме терминологии 92

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Логинова Н.А.

Новые страницы истории Петербургской психологической школы 101

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Соловьёва Е.А., Гнездилова И.С., Нестеркина А.Л., Соловьёв А.И.

Изучение погребальных памятников эпохи палеометалла Корейского полуострова
и Японских островов 113

КОНФЕРЕНЦИИ

Красноженова Е.Е.

Третья Международная научно-образовательная конференция «СССР
во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти»
(Санкт-Петербург, 15–16 октября 2020 г.) 129

Багдасарян В.Э., Федорченко С.Н.

- Всероссийская онлайн-конференция с международным участием
«Исторические итоги Второй мировой войны в актуальной повестке современности»
(Москва, 9 сентября 2020 г.) 135

МИР КНИГИ РФФИ**Шохин Л.И. —**

- Б.Д. Греков. Письма (1905–1952 гг.) / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли,
2019. — 504 с.: ил. 141

Павлов А.П. —

- Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв.
СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. — 568 с. 144

Тульчинский Г.Л. —

- Золян С.Т. Юрий Лотман: О смысле, тексте, истории. Темы и вариации.
М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 320 с. — (Studia philologica) 148

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ.

- ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В 2020 Г. 152**

CONTENTS

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Gimon T.V., Melnikova E.A.

Everyday Practical Texts in Medieval Scandinavia and Ancient Rus' 9

Golovnev I.A.

Documentary Films on the Ethnic Studies of the Ainu People in the Collections
of Sakhalin Museums and Archives 24

ECONOMICS

Arkhipova M.Yu., Sirotin V.P.

Approaches to Studying the Quality and Standard of Living in Russia 34

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Rybakovsky L.L., Rybakovsky O.L., Fadeeva T.A.

The Eastern Vector – Priority Course of Russia's Demographic Development 45

Popova V.S., Pushkarskiy A.G., Sirotkina L.S.

Logical Culture Phenomenon in Russia: the Past and the Present 55

Dmitriev I.S.

Winding Paths of Scientific Careers 69

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Zykova I.V.

Idiomatics of the Russian Avant-Garde from the Perspective of Lexicography 80

Kalugina O.V.

Boundaries of Realism: Terminology Issues 92

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Loginova N.A.

New Chapters in the History of St. Petersburg School of Psychology 101

FIELD RESEARCH

Solovyova E.A., Gnezdilova I.S., Nesterkina A.L., Solovyov A.I.

Studies of Paleometallic Era Burial Monuments on the Korean Peninsula
and the Japanese Islands 113

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Krasnozhenova E.E.

The Third International Scientific and Educational Conference –
“USSR in the Second World War (1939–1945): Historical Memory Issues”
(St. Petersburg, October 15–16, 2020) 129

Bagdasaryan V.E., Fedorchenko S.N.

- All-Russian Online Conference with International Participation –
 “Historic Outcomes of the Second World War in Terms of Current Issues”
 (Moscow, September 9, 2020) 135

THE RFBR BOOK WORL**Shokhin L.I. —**

- B.D. Grekov. Letters (1905–1952). / Ed. by V.G. Buchert. Moscow:
 Historical Thought Memorials, 2019. – 504 p.: ill. 141

Pavlov A.P. —

- Dmitrieva Z.V., Kozlov S.A. Taxes and Wars in Russia in 16–18th Centuries. St. Petersburg:
 Historical Illustration, 2020. – 568 p. 144

Tulchinsky G.L. —

- Zolyan S.T. Yuri Lotman: On Meaning, Text, History. Themes and Variations. Moscow:
 YASK Publishing House, 2020. – 320 p. – (Studia philologica) 148

- LIST OF ARTICLES PUBLISHED IN THE “RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC
 RESEARCH JOURNAL. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES” IN 2020. 156**

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 9.94

ГРНТИ 03.09.25, 03.23.07

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-9-23

**Т.В. ГИМОН,
Е.А. МЕЛЬНИКОВА***

Повседневно-практические тексты в средневековой Скандинавии и Древней Руси

Статья посвящена сравнительному анализу скандинавских бытовых рунических текстов (на деревянных стержнях, костях и других дешёвых материалах) конца XI–XIV в. (среди которых основное место занимают находки из Бергена) и древнерусских берестяных грамот XI–XV вв. (главным образом из Новгорода). Авторы сопоставляют состав видов и разновидностей документов, а также их удельный вес в двух корпусах. При сходной, в целом, картине наблюдается ряд существенных различий, важнейшим из которых является почти полное отсутствие в скандинавском материале деловых документов, обильно представленных в Новгороде. Объяснение этому авторы находят как в плоскости различных истоков бытовой письменности в Скандинавии и на Руси (дохристианские и «личные» истоки рунического письма vs. важная роль христианства и княжеской власти в распространении письма на Руси), так и в плоскости различных исторических условий в средневековых Бергене и Новгороде (в жизни последнего, в отличие от первого, значительную роль играла коммуникация с обширной периферией).

Ключевые слова: Древняя Русь, Скандинавия, Новгород, Берген, письменность, руны, берестяные грамоты, компаративистика

* **Гимон Тимофей Валентинович** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель проекта «Бытовые рунические тексты Скандинавии и древнерусские берестяные грамоты: Сравнительное исследование» (18-09-00519а).

E-mail: guimontv@mail.ru

Мельникова Елена Александровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: melnikova_2002@mail.ru

Обычно чем древнее эпоха, тем меньше сохранилось документов. Однако бывают исключения, которые, как правило, связаны с археологической удачей — хорошей сохранностью в определённой местности текстов на определённых носителях. И в таком случае историки получают для изучения сотни, а иногда тысячи и десятки тысяч повседневных документов отдалённых эпох. Например, в распоряжении учёных имеются многие тысячи глиняных табличек, создававшихся на Древнем Востоке с конца IV тыс. до н.э. Подобной же археологической удачей является обнаружение в Египте множества папирусов античного времени, а в Виндоланде — небольшой римской крепости на севере современной Англии — сотен латинских документов на табличках из заболони (наружного слоя древесины) рубежа I–II вв. н.э. (см. обзор подобных находок: [1]).

Для средневековой Европы имеются как минимум два подобных примера: древнерусские берестяные грамоты и бытовые рунические надписи скандинавов.

Эти два комплекса были открыты в 1950-х гг. В 1951 г. во время раскопок

в Новгороде учёные обнаружили первую берестяную грамоту (рис. 1). К настоящему моменту число новгородских грамот перевалило за 1130; ещё около сотни подобных текстов обнаружены в других городах Руси. В ходе масштабных раскопок в Брюггене, портовом районе норвежского Бергена, после пожара 1955 г. был открыт богатейший комплекс — ок. 670 деревянных стержней и плашек, на большинстве из которых вырезаны рунические надписи и знаки (из них ок. 160 содержат отдельные руны или руноподобные знаки и признаны нечитаемыми) (рис. 2). Немало стержней, костей, бытовых предметов с надписями по преимуществу на народных, редко — на латинском языках, но написанных руникой, обнаружили и в других городах — как в Скандинавии (в Тронхейме, Лёдесе, Сигтуне, Лунде и др.), так и за её пределами, в местах расселения скандинавов (всего, включая Бергенский «архив», ок. 970)¹.

Общие сведения

Главная черта сходства этих двух комплексов — использование дешёвых, почти бросовых материалов для письма.

Рис. 1. Новгородская берестяная грамота № 1 (ропись доходов с нескольких сёл, конец XIV в.)

¹ В рамках проекта Е.А. Мельникова готовит полное, насколько возможно, описание корпуса скандинавских рунических надписей за пределами самой Скандинавии — на островах Северной Атлантики (Оркнейских, Шетландских, Фарёрских, в Исландии и Гренландии), на Британских островах, в Ирландии и континентальной Европе (опубликована пока первая часть этого исследования [2]; см. также свод рунических надписей из Восточной Европы [3]).

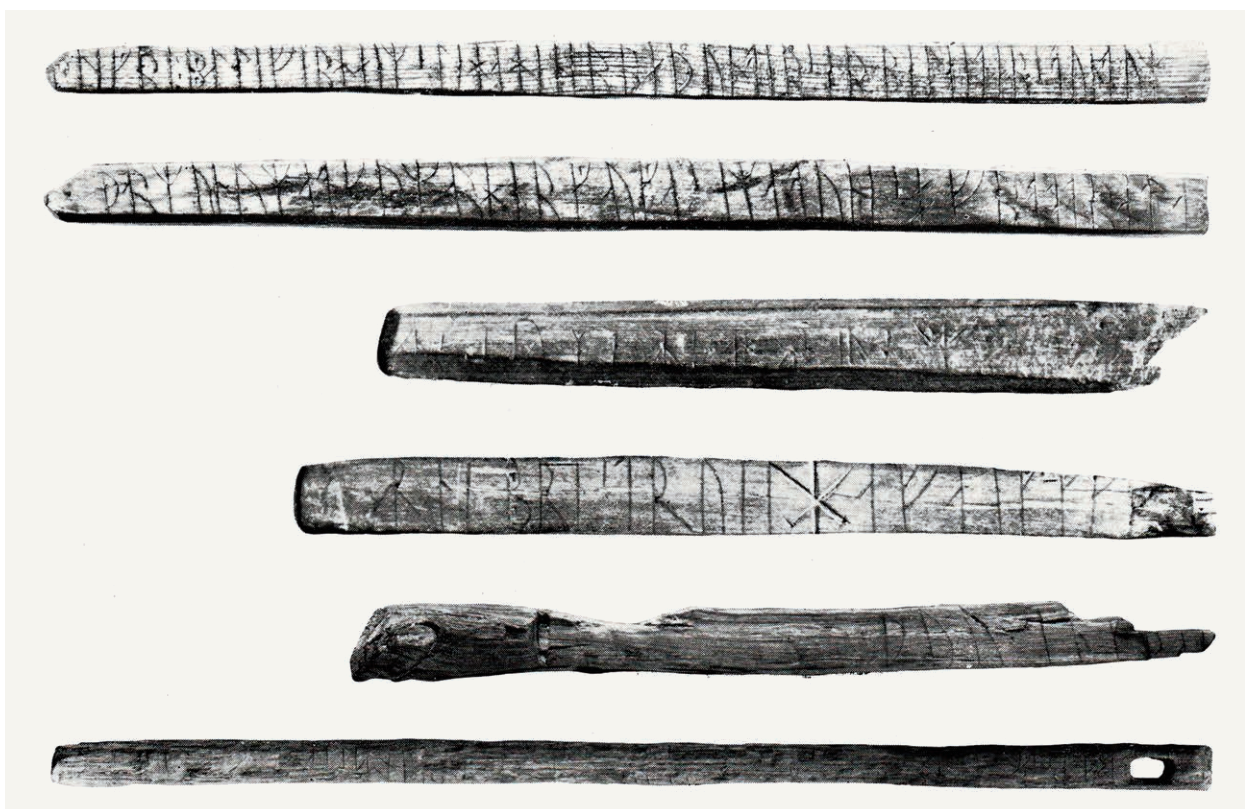

Рис. 2. Стержни с руническими надписями (Брюгген, Берген)

В то время как для богослужбных книг, литературы и важных документов использовался дорогостоящий пергамен, повседневные записи на Руси осуществлялись на бересте (также имеются два

примера аналогичных текстов на свинцовых пластинках) (рис. 3), а в Скандинавии — на деревянных стержнях (т.е. палочках, грани которых были срезаны для создания ровной поверхности), костях

Рис. 3. Свинцовая грамота № 1 (Новгород, конец XI – начало XII в., письмо о денежных делах)

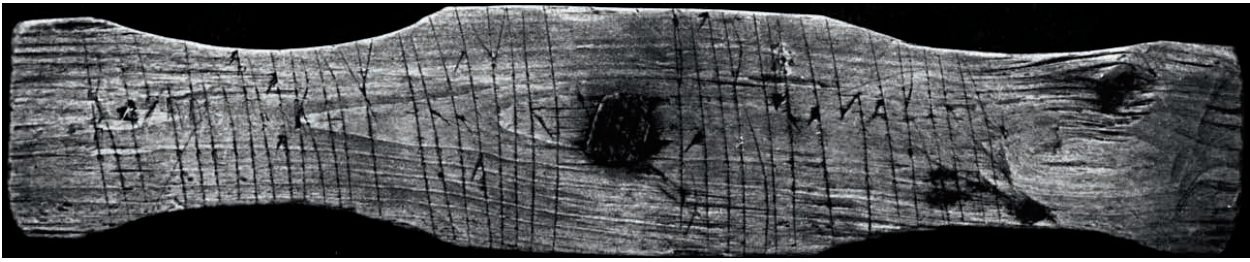

Рис. 4. Надпись на латинском языке:
«Rex Judæorum in nomine Patris Nazarenus» (Брюгген, Берген, B005)

животных, свинцовых пластинках и т.п. В обоих случаях писали, процарапывая (вырезая) текст острым предметом (стилосом-писалом? ножом? гвоздём?), за исключением нескольких берестяных грамот, написанных чернилами.

Схожи и хронологические рамки этих комплексов. Все древнерусские берестяные грамоты датируются XI–XV вв. Абсолютное большинство скандинавских бытовых надписей относится к концу XI–XIV в. (основная масса — к XIII–XIV вв.), хотя есть примеры очень ранних текстов на деревянных стержнях (из Хедебю и Старой Ладogi), датирующихся IX в.

Отчасти схожа ситуация с языками и системами письма в средневековой Скандинавии и Древней Руси, хотя здесь параллели не следует преувеличивать. В Скандинавии мы имеем дело с сосуществованием двух систем письма (латиницы и традиционного для германских народов рунического алфавита) и одновременно разных письменных языков (древнескандинавских и латинского), причём были возможны все четыре комбинации: тексты на латыни, записанные латиницей, тексты на скандинавских языках, записанные как латиницей, так и руникой, и даже рунические надписи на латинском языке (рис. 4).

На Руси дело обстояло несколько проще. При наличии двух славянских алфа-

витов, глаголицы и кириллицы, в основном использовался второй из них. Определённый круг знатоков глаголицы, очевидно, имелся [4]: об этом свидетельствуют глаголические граффити и записи на книгах (которых, впрочем, несоизмеримо меньше, чем кириллических). Среди берестяных грамот, однако, ни одной глаголической нет. Что касается языка письменности, то здесь ситуация очень тонкая: языком богослужения и высокой книжности на Руси был церковнославянский; в некоторых деловых документах отразился так называемый стандартный древнерусский язык; большинство же берестяных грамот написано на местных диалектах (в первую очередь, древненовгородском), хотя есть и церковнославянские тексты на бересте. В любом случае все эти языковые страты (в отличие от латыни и древнескандинавского) были близкородственными, взаимопонимаемыми и взаимопроникаемыми¹.

К сопоставительному анализу древнерусских берестяных грамот и скандинавских бытовых надписей исследователи уже не раз подступали [5; 6, р. 82–85, 89–92; 7, р. 250; 8, р. 204–208; 9, р. 161–162; 10, р. 2–8, 17–19 ff.; 11], однако до сих пор на этот счёт высказывались лишь самые общие — хотя иной раз весьма точные — соображения.

¹ А.А. Зализняк указал на две возможные (впрочем, нестрогие) параллели: роль латыни может быть сопоставлена с ролью церковнославянского языка; роль руники (как системы письма, противостоящей латинице) может быть сопоставлена с бытовой орфографией берестяных грамот (по ряду параметров отличающейся от книжной орфографии) [5, с. 23].

Виды документов

Здесь обнаруживаются как сходства, так и различия. Так, в обоих комплексах представлен такой вид текстов, как письма (послания). В обоих случаях они многообразны — от сугубо деловой до семейной и любовной переписки. Однако удельный вес этой категории текстов среди всех находок различается радикально. Около половины всех берестяных грамот (635, по нашему подсчёту) являются посланиями¹; что касается рунических писем, то их менее сотни.

В берестяном корпусе, причём уже с XI в., обильно представлены деловые записи (реестры долгов, повинностей, сметы расходов, описи товаров, краткие записки о размерах какой-либо выплаты, и т.п. — всего 157 текстов) (рис. 5); в ру-

ническом корпусе подобные документы единичны (см. ниже). С другой стороны, такая категория текстов, как бирки с именем владельца либо названием товара, в берестяном корпусе представлена меньше, чем в руническом (26 против ок. 60 документов) (рис. 6 и 7).

Наряду с бирками на большом количестве как деревянных плашек, так и бытовых предметов разного назначения вырезана владельческая формула «Х владеет [мною]» («X á [mik]», ок. 50) (рис. 8). Среди берестяных грамот (правда, только сравнительно поздних²) имеются акты-документы (завещания, расписки, договоры и др. — всего 24 грамоты), а также формальные документы судопроизводства (6 документов XV в., а также один очень ранний³); в руническом корпу-

Рис. 5. Список должников, в котором вычёркивались уже взысканные долги (Новгород, XIII в., № 218)

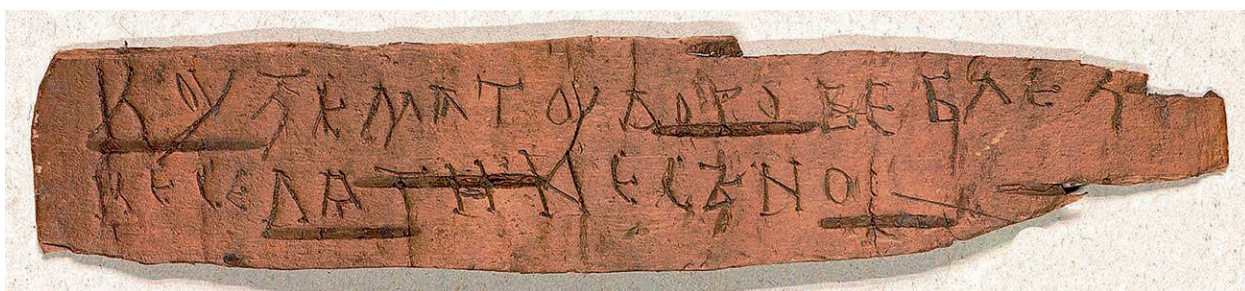

Рис. 6. Ярлычок «Кузьма, Тудоров свойственник, Селятин сын» (Новгород, XII в., № 632)

¹ Вероятно, доля писем в реальности ещё больше: большинство фрагментов, жанр которых, строго говоря, определить невозможно, с высокой вероятностью являются фрагментами писем.

² Несомненные примеры актов на бересте относятся к XIV–XV вв., но некоторые грамоты конца XII–XIII в. (№ 141, 197, 198, 343, 818, Ст. Русса 43) могут быть охарактеризованы как прото-акты.

³ Недавно обнаружен фрагмент предположительно судебного протокола второй половины XI – первой половины XII в., грамота № 1121 [12, с. 31–33].

Рис. 7. Бирки с личными именами (Брюгген, Берген)

се подобных текстов нет. 27 берестяных грамот (XII–XIV вв.) представляют собой перечни личных имен, назначение которых может быть различным (церковное поминание, заказ на иконы, вызов свидетелей в суд и др.); в руническом корпусе таких текстов не менее 30.

Совсем другая картина вырисовывается при анализе религиозных, фольклорных, (квази)литературных текстов, а также азбук. Так, порядка 150 бытовых руни-

ческих надписей содержат молитвы или их фрагменты, чаще на латинском языке (например, *ave maria Ave Maria, ave Ave* или лигатуру из этих трёх – *ave* – или четырёх – *avem* – букв). Некоторые из списков имён являются перечнями святых. В берестяном корпусе религиозные тексты единичны (7 собственно молитвенных грамот и ещё 10 связанных с богослужением – конспекты служб, фрагменты песнопений, перечни церковных праздников и пр.).

Заговоры и заклинания содержат до 10 рунических надписей и 6 берестяных грамот. К категории азбук и силлабариев относятся ок. 160 рунических надписей (ок. 70 в «Бергенском архиве») (рис. 9 и 10) и всего 21 берестяная грамота (рис. 11).

Кроме того, среди берестяных грамот имеются 4 фрагмента поучений (№ 317, 507, 893, Торж. 17), дразнилка (№ 46) и не-

сколько других текстов, которые можно отнести к числу литературных или фольклорных. В руническом корпусе встречаются скальдические стихи (4 или 5; на одном стержне вырезана стихотворная строфа на древненорвежском языке и цитата из Вергилия на латыни: B145) (рис. 12), надпись о достоинствах конунга (идеального? – SI34) (рис. 13); 5 или 6

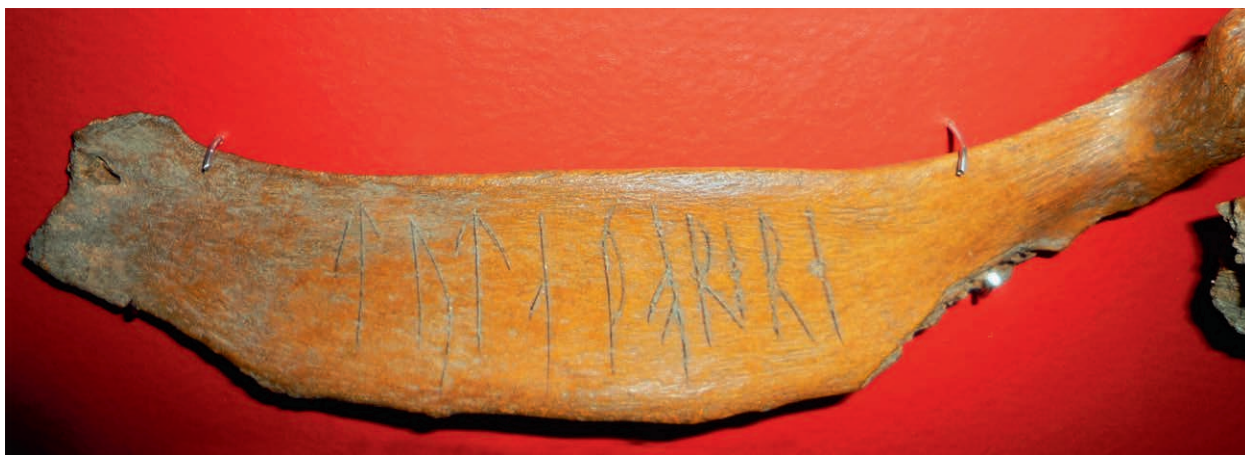

Рис. 8. Владельческая надпись «Тута Торир владеет» (кость, Лунд, Швеция)

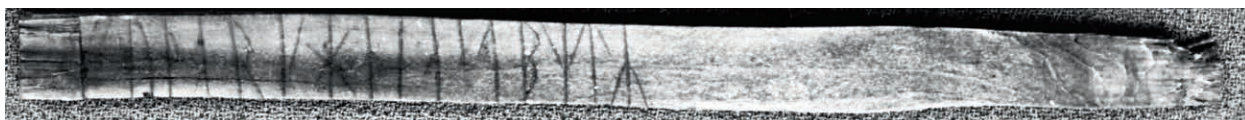

Рис. 9. Рунический алфавит (кость, Лунд, Швеция, XII в.)

Рис. 10. Часть рунического алфавита (кость, Новгород, XI в.)

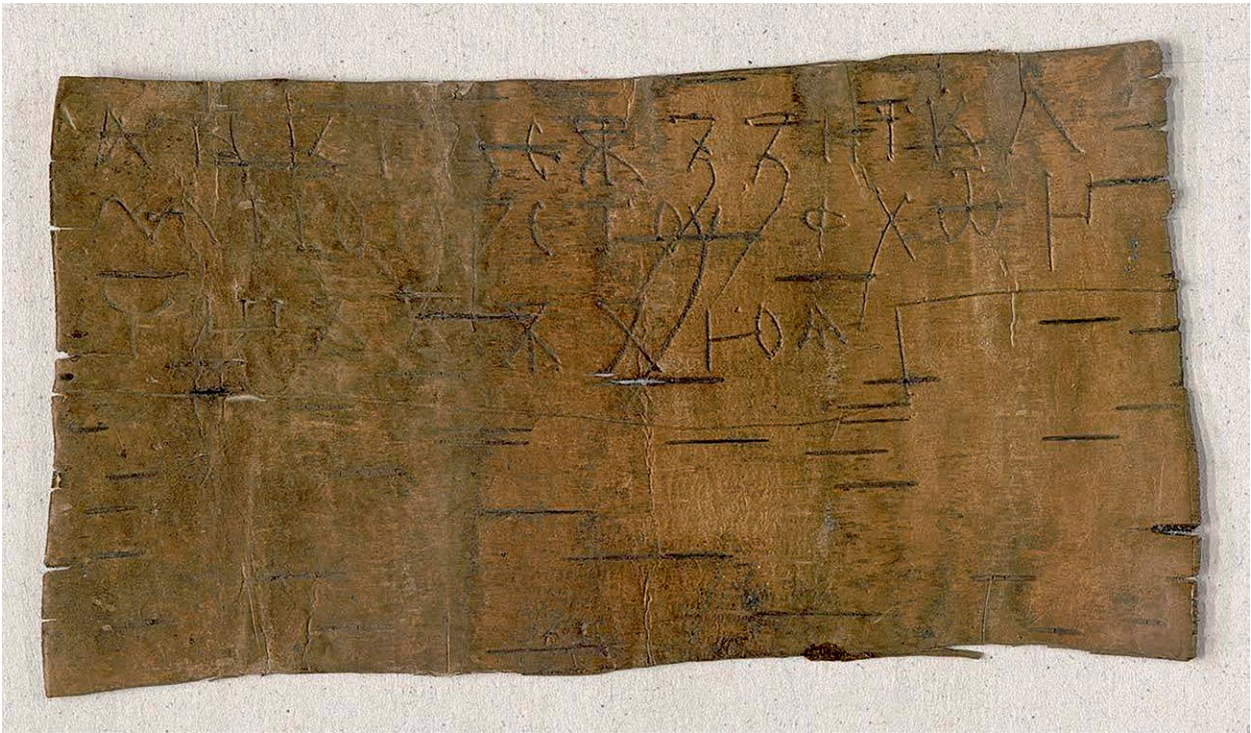

Рис. 11. Кириллическая азбука (Новгород, начало XIII в., № 778)

Рис. 12. Стержень со стихотворной надписью (Старая Ладога, IX в.)

надписей из Бергена носят обценный характер.

Итак, при явном сходстве мы видим целый ряд существенных различий. Прежде всего, удельный вес текстов, которые можно условно обозначить как деловые, в берестяном корпусе несравнимо больше, чем в руническом. Руническое письмо почти не использовалось для деловых записей (кроме бирок) и совсем не использовалось для формальных документов; существенно более редки деловые послания. Как отмечает Й.Схакен, берестяная письменность в Новгороде играла ключевую роль «в организации и функционировании общества», чего нельзя сказать о бергенских материалах [8, р. 207]. Среди бытовых рунических текстов, на-

оборот, намного больше владельческих надписей, азбук и силлабариев, молитв. Как уже отмечал Й.Схакен, некоторые рунические тексты находят себе больше параллелей в древнерусских граффити на стенах церквей, нежели в берестяных грамотах. Речь идёт о молитвах и текстах, отражающих некое состояние или переживание писавшего и не имеющих очевидного адресата [8, р. 207]. Заметим, что приводимые Схакеном [8, р. 207, note 19] примеры таких рунических текстов — о желании чаще посещать трактир (В308), о любовных переживаниях (В390, В644) — находят себе параллели не только в древнерусских граффити, но и в записях на полях богослужебных книг (см. особенно: [13, с. 180–192]).

Вероятные причины различий

Во-первых, причины различий могут лежать в истоках повседневной письменности в Скандинавских странах и на Руси, и эти истоки действительно несходны. Руническое письмо возникло в среде германских племён в самом начале нашей эры и изначально было «личным» (personal)¹, т.е. используемым в личных целях (будь то личное имя, обращение к богам, подпись мастера и т.п.), таковым оно оставалось, несмотря на расширение его функций (прежде всего, включение меморативной функции), на протяжении всей эпохи викингов и вплоть до его столкновения с латинской письменностью после принятия христианства в XI в.

Латинская письменность, которая в XI–XII вв. использовалась почти исключительно церковью (на первых порах вместе с латинским языком), была по своему характеру прежде всего «общественной» (communal), т.е. служила для удовлетворения общественных нужд, спектр которых существенно расширился после приспособления к концу XI в. латиницы для записи текстов на скандинавских языках:

богослужбных, правовых, воплощающих коллективную память (историописание, саги) и т.п.

Таким образом, руническая письменность не была вытеснена «на периферию» латинской, как принято считать: она просто продолжала функционировать в традиционной для неё – «частной» – сфере, дополнив её в некоторой степени функцией переписки – передачи информации от одного лица другому. Вот почему так многочисленны молитвенные надписи, алфавиты (которые, как считается, использовались в магических целях [16]), число же писем невелико, а деловые документы почти отсутствуют. Эта особенность средневековой рунической письменности особенно ярко проявляется в её употреблении скандинавами-переселенцами на острова Северной Атлантики: среди примерно 300 надписей (на разных носителях) нет даже посланий, не говоря уже о деловых записях [2].

О письме на Руси до принятия христианства (т.е. до конца X в.) говорилось много, и, несомненно, некоторыми сегментами общества в некоторых ситуа-

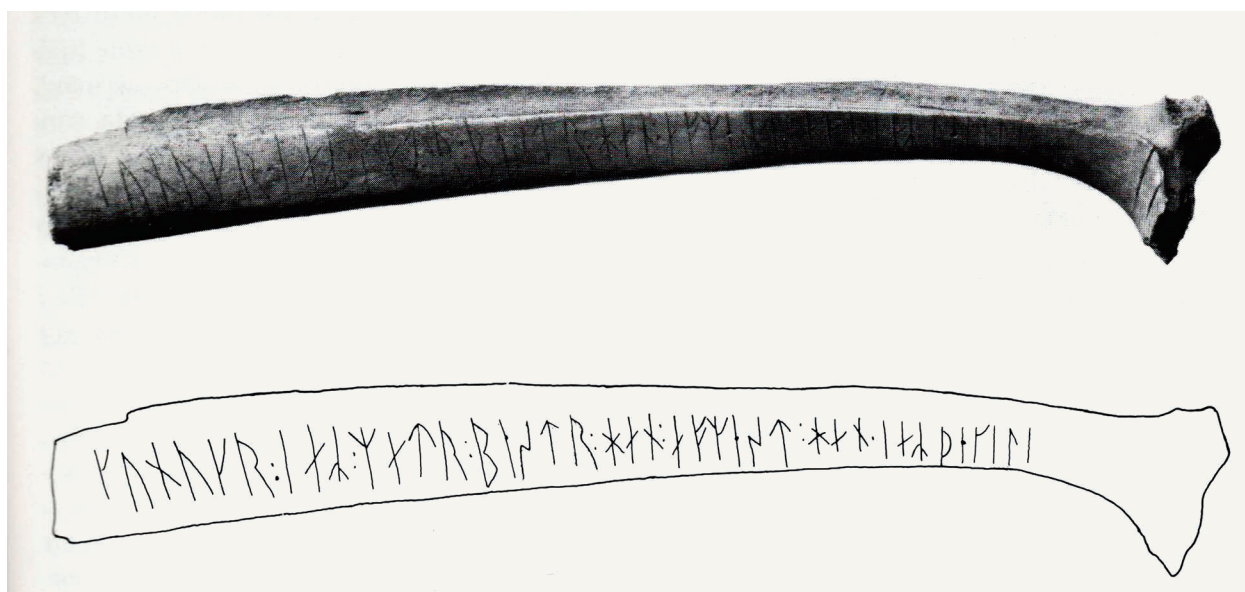

Рис. 13. Руническая надпись «Конунг самый щедрый на пищу, он милостив...»
(Сигтуна, Швеция, XI в.)

¹ О противопоставлении «личной» (personal) и «общественной» (communal) письменности см.: [14; 15, р. 80–81].

циях письмо использовалось¹. Однако вряд ли до конца X в. есть основания говорить о сколько-нибудь важном значении письма в жизни древнерусского общества и тем более о его проникновении в повседневную жизнь. Отправной точкой развития древнерусской письменной культуры по праву считается принятие христианства (987 или 988 г.); письменность, таким образом, была воспринята в первую очередь как «общественная».

Вместе с тем в середине – второй половине XI в. мы застаём уже укоренившуюся традицию использования кириллического письма для решения некоторых повседневных задач: берестяные письма (административные донесения, требования вернуть деньги, образцы переписки родственников), деловые записи (списки должников и др.), записи, связанные с церковной службой, а также надписи на деревянных цилиндрах-пломбах. Хотя почти все находки происходят из Новгорода, некоторые данные (в частности, берестяная грамота № 246, присланная откуда-то из-за пределов Новгородской земли) (рис. 14) позволяют говорить о распространении повседневного письма как об общерусском явлении.

До сих пор выдвигались в основном три гипотезы относительно причин столь раннего распространения этих письменных практик: оно связывалось с развитием торговли и денежных отношений; оно объяснялось тем, что письмо на Руси получило распространение ещё задолго до принятия христианства; наконец, оно признавалось побочным продуктом церковного школьного обучения. В рамках

проекта нами обоснована новая гипотеза: Владимир Святой и Ярослав Мудрый (может быть, кто-то один из них, но, скорее, оба) стремились, по образцу Византии, создать на Руси слой грамотных управленцев. Настоящей бюрократии в домонгольской Руси так и не сложилось, однако возникла прослойка грамотной светской элиты, в первую очередь лиц, связанных с управлением и княжеским хозяйством. В этой среде и возникла привычка писать друг другу деловые (и не только) письма и делать записи для памяти, которая впоследствии, в XII в., распространилась на более широкие круги городского населения (см. подробнее: [21]).

Различие в истоках повседневного письма в Скандинавии и на Руси могло сказаться на сферах его использования². Если, как мы предполагаем, на Руси начальный толчок к распространению письма в среде мирян был связан с попыткой княжеской власти организовать на новом уровне государственное управление, то это могло способствовать применению письма в деловых целях. Типологически сходными были причины внедрения латинского письма (на латинском языке, позднее – на скандинавских языках) в Скандинавских странах, которое длительное время распространялось в общественной, а не в частной сфере³. Традиционная же руническая письменность, изначально «личная», сохранила это своё качество, в результате чего во всех Скандинавских странах сложились два функционально чётко разграниченных и дополнявших друг друга вида письменности при общем для них языке – древнескандинавском (ла-

¹ См. наиболее взвешенные обзоры данных: [17, с. 24–32; 18, с. 230–255; 19, с. 151–152, 201–202, 208–215]. См., однако, о неоднозначной интерпретации некоторых ключевых артефактов: [20, с. 184–188].

² Ср. мысль А.А. Гиппиуса о том, что сама форма документов — деревянные стержни vs. берестяные листы — отражает различие в истоках: руническое письмо издавна использовалось на твёрдых материалах, тогда как кириллица ассоциируется с пергаменом. Кириллица всегда была связана с христианством, чего не скажешь о руническом алфавите [7, р. 250].

³ Древнейшие сохранившиеся послания на латинском (переписка норвежских архиепископов с папской курией, вторая половина XII в.) и на древнорвежском (норвежских королей в Исландию, 1170-е гг.) языках [22, р. 373–374] являются дипломатической, т.е. государственной, перепиской.

Рис. 14. Письмо с требованием вернуть деньги, присланное в Новгород из-за пределов Новгородской земли (XI в., № 246)

тинский уже в XII в. используется по преимуществу в церковной сфере).

Во-вторых, причина может крыться в политической и административной организации соответствующих обществ и, помимо прочего, в особенностях тех городов, которые дали основную массу находок, т.е. Бергена и Новгорода. Оба они были важными торговыми и ремесленными центрами, однако Новгород, в отличие от Бергена, был ещё центром обширной политики, Новгородской земли. Новгородская элита, живя главным образом в Новгороде, была вынуждена вести постоянные дела с периферией. Эти дела в значительной мере составляют содержание берестяной переписки (огромная часть берестяных посланий — это письма, пришедшие в Новгород с периферии Новгородской земли). Для раннего периода эти письма зачастую связаны со сбором дани и кредитованием (ростовщичеством); позднее на первый план выходит управление земельными владениями (переписка между землевладельцами, проживавшими в Новгороде, и управляющими, местными священниками и пр.) [23, с. 96].

Берген же был преимущественно торговым центром, вошедшим в Ганзейский союз (в 1360 г. здесь была открыта ганзейская контора). Хотя в 1152 г. Бергенское епископство было преобразовано в архиепископство, а после окончания гражданской войны в Норвегии здесь чаще всего проживали норвежские короли (в 1217–1299 гг.), административная система в Норвегии (как и в Швеции) была

настолько слаба, что, видимо, не требовала сколько-нибудь развитого делопроизводства [22, р. 372–375]. Первые сохранившиеся документы на пергамене, которые можно охарактеризовать как делопроизводственные, относятся к фиску — это росписи нормативных, но не обязательно собираемых каждый год податей и десятины монастыря Мункелив в Бергене и приходской церкви в Рейкьяхольте (Исландия). Они датируются 1175 и 1185 гг. соответственно [24, р. 64].

Со второй половины XII в. появляются королевские грамоты и послания на пергамене [22, р. 373], написанные латиницей на древненорвежском языке. К последним десятилетиям этого же столетия относятся письма, выполненные руникой, представителей норвежской знати — участников гражданской войны [25, р. 30–31; В368] — на деревянных стержнях, а в одном случае на cere (деревянной наощённой табличке для письма), под слоем воска (В448) (рис. 15).

По сообщениям королевских саг, норвежские конунги предположительно вплоть до 1170-х гг. практиковали в основном бесписьменные формы коммуникации, тогда как в XIII в. отправка писем становится обычной [26]. Ещё позже, в XIV в., появляются частные акты: завещания, дарственные и т.п. Именно к этому времени (до 1332 г.) относится крайне редкий для рунического корпуса пример финансового документа (В095) (рис. 16 а и б): сборщик долгов, посланный кредитором, видимо, записал на деревянном стержне

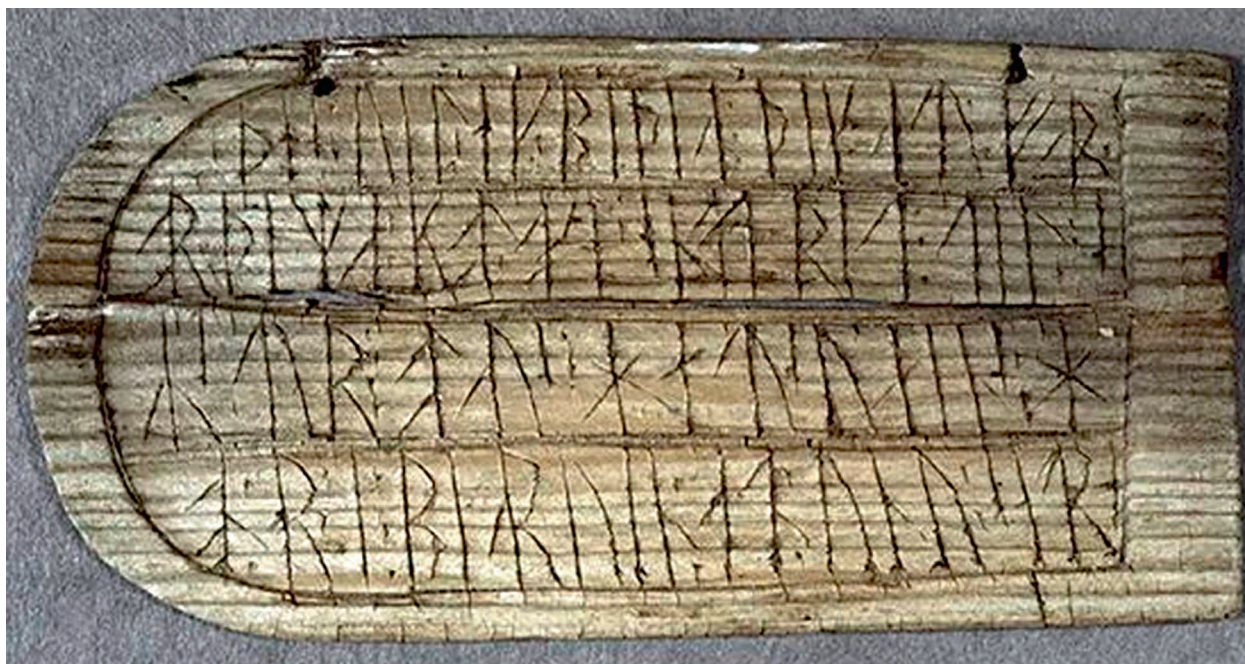

Рис. 15. Письмо на щепе, изначально спрятанное под слоем воска (Брюгген, Берген, вторая половина XII в., B448)

полученные деньги, отметив, что серебро одного из должников вызвало у него сомнения, и завершил надпись словом *uihi* (искаженное лат. *vidi* «видел»). То же слово, вероятно вырезанное кредитором, повторено на обратной стороне стержня — своего рода расписка в получении денег (?). Формула *vidi*, как представляется, могла бы свидетельствовать о сложившейся практике составления документов, но уникальность этого текста говорит о том, что если такая практика и существовала, то не была распространённой, во всяком случае в «частной» сфере.

Таким образом, письменные практики в Скандинавии и на Руси в XI–XIV вв. обнаруживают определённое типологическое сходство¹: большинство разновидностей текстов — а значит, и функций, которые выполняло письмо в повседневной жизни, — всё-таки совпадают. Вместе с тем существуют и важные различия, определяющиеся как разными истоками письменных традиций, так и различными условиями, в которых они развивались, — по крайней мере в тех городах, которые дают нам наиболее репрезентативный корпус документов, Новгороде и Бергене.

Рис. 16. Запись о взыскании долгов (Брюгген, Берген, начало XIV в., B095) (а и б)

¹ Вопрос о возможном взаимовлиянии скандинавских и древнерусских письменных практик (ср.: [5, с. 24]) мы здесь не рассматриваем, так как это отдельная и требующая специального изучения тема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гимон Т.В. Берестяные грамоты: в поисках исторических аналогий // Письмо и повседневность. М., 2018. Вып. 4. С. 61–69.
2. Мельникова Е.А. Руническое письмо на периферии скандинавского мира. Ч. I: Острова Северной Атлантики // Древнейшие государства Восточной Европы, 2017–2018 год: Ранние формы и функции письма. М., 2019. С. 140–168.
3. Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации: Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.
4. Михеев С.М. 22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII вв. из Новгорода // Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. Zagreb, 2012. 62. S. 63–99.
5. Зализняк А.А. Бытовая письменность в Древней Руси и в средневековой Скандинавии // Славянские языки в зеркале неславянского окружения: Тезисы междунар. конф., 20–22 февраля 1996 г., Москва. М., 1996. С. 21–24.
6. Garrison M. “Send more socks”: On mentality and the preservation context of medieval letters // New Approaches to Medieval Communication. Turnout, 1999. P. 69–99.
7. Gippius A. Birchbark Literacy and the Rise of Written Communication in Early Rus' // Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North. Turnhout, 2012. P. 225–250.
8. Schaeken J. The Birchbark Documents in Time and Space – Revisited // Ibid. P. 201–224.
9. Schulte M. Pragmatic Runic Literacy in Scandinavia c. 800–1300: With a Particular Focus on the Bryggen Material // Ibid. P. 155–183.
10. Zilmer K. Epigraphic Literacy and Communication of Christian Culture in Northern Europe // Ibid. P. 1–24.
11. Ślupecki L.P. Runic inscriptions from Bergen and birch bark inscriptions from Novgorod. Comparing two ways of writing the vernacular // Studia historyczne. 2013. R. 56, z. 3 (223). S. 379–385.
12. Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 22–37.
13. Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.
14. Barton D. Literacy: An Introduction to the Ecology of Written Languages. Oxford, 1994 (2nd ed. 2004).
15. Hines J. Functions of Literacy and the Use of Runes // Runor och ABC. Elva föreläsningar från ett symposium i Stockholm våren 1995 / Ed. St. Nyström. Stockholm, 1997. S. 79–92.
16. Fjellhammer Seim K. De vestnordiske futhark-innskriftene fra vikingtid og middelalder – form og funksjon. Trondheim, 1998.
17. Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.
18. Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси: по памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000.
19. Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.
20. Гиппиус А.А. Социокультурная динамика письма в Древней Руси (О книге: Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2002) // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 171–194.
21. Гимон Т.В. У истоков древнерусского повседневного-практического письма // Новгородский исторический сборник. СПб. Вып. 19 (29) (в печати).
22. Bagge S. Administrative Literacy in Norway // Along the Oral-Written Continuum. Types of Texts, Relations, and Their Implications / Ed. S. Rankovič, L. Melve, E. Mundal. Turnhout, 2010. P. 372–375.

23. Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 3–136.
24. Nedkvitne A. The Social Consequences of Literacy in Medieval Scandinavia. Turnhout, 2004.
25. Liestøl A. Runic Voices from Towns of Ancient Norway // Scandinavica. 1974. Vol. 13, № 1. P. 19–34.
26. Джаксон Т.Н. От устной коммуникации к письменной: ситуация в средневековой Норвегии в освещении исландских саг // Древнейшие государства Восточной Европы, 2017–2018 год: Ранние формы и функции письма. М., 2019. С. 169–195.

ENGLISH

Everyday Practical Texts in Medieval Scandinavia and Ancient Rus'

Gimon Timofey Valentinovich – Doctor of Sciences in History, Leading Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Project – “Everyday Runic Texts of Scandinavia and Old Russian Birch Bark Manuscripts: The Comparative Study” (18-09-00519a).

E-mail: guimontv@mail.ru

Melnikova Elena Aleksandrovna – Doctor of Sciences in History, Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, executor of the same project.

E-mail: melnikova_2002@mail.ru

The paper is focused on the comparative study of Scandinavian everyday runic texts (inscribed on wooden rods, bones, and other cheap materials) dated back the end of 11–14th centuries (of which most were found in Bergen) and old Russian birch bark manuscripts dd. 11–15th centuries (originated mainly from Novgorod). The authors compare diverse types and varieties of documents as well as their share in both text corpuses. While they are rather similar in general, there are a number of essential differences, the major of which is the almost complete lack of business documents in the Scandinavian materials, abundantly available in Novgorod. The authors explain this fact in the context of both various origins of the everyday writing in Scandinavia and Rus' (pre-Christian and “personal” origins of runic writing vs. the essential role of Christianity and princely power in the development of writing within Rus') and diverse historical conditions in medieval Bergen and Novgorod (in Novgorod, in contrast to Bergen, communications with the extensive peripheral territories played a significant role).

Keywords: Ancient Rus', Scandinavia, Novgorod, Bergen, writing, runes, birch bark manuscripts, comparative studies

REFERENCES

1. Gimon T.V. Berestyanye gramoty: v poiskakh istoricheskikh analogiy // Pis'mo i povsednevnost'. М., 2018. Vyp. 4. S. 61–69 (in Russian).
2. Mel'nikova E.A. Runicheskoe pis'mo na periferii skandinavskogo mira. Ch. I: Ostrova Severnoy Atlantiki // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2017–2018 god: Rannie formy i funktsii pis'ma. М., 2019. S. 140–168 (in Russian).
3. Mel'nikova E.A. Skandinavskie runicheskie nadpisi: novye nakhodki i interpretatsii: Teksty, perevod, kommentariy. М., 2001 (in Russian).

4. Mikheev S.M. 22 drevnerusskikh glagolicheskikh nadpisi-graffiti XI–XII vv. iz Novgoroda // Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. Zagreb, 2012. 62. S. 63–99 (in Russian).
5. Zaliznyak A.A. Bytovaya pis'mennost' v Drevney Rusi i v srednevekovoy Skandinavii // Slavyanskije yazyki v zerkale neslavyanskogo okruzheniya: Tezisy mezhdunar. konf., 20–22 fevralya 1996 g., Moskva. M., 1996. S. 21–24 (in Russian).
6. Garrison M. "Send more socks": On mentality and the preservation context of medieval letters // New Approaches to Medieval Communication. Turnout, 1999. P. 69–99.
7. Gippius A. Birchbark Literacy and the Rise of Written Communication in Early Rus' // Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North. Turnhout, 2012. P. 225–250.
8. Schaeken J. The Birchbark Documents in Time and Space – Revisited // Ibid. P. 201–224.
9. Schulte M. Pragmatic Runic Literacy in Scandinavia c. 800–1300: With a Particular Focus on the Bryggen Material // Ibid. P. 155–183.
10. Zilmer K. Epigraphic Literacy and Communication of Christian Culture in Northern Europe // Ibid. P. 1–24.
11. Ślupecki L.P. Runic inscriptions from Bergen and birch bark inscriptions from Novgorod. Comparing two ways of writing the vernacular // Studia historyczne. 2013. R. 56, z. 3 (223). S. 379–385.
12. Gippius A.A. Berestyanye gramoty iz raskopok 2019 g. v Velikom Novgorode i Staroy Russe // Voprosy yazykoznanija. 2020. № 5. S. 22–37 (in Russian).
13. Stolyarova L.V. Drevnerusskie nadpisi XI–XIV vekov na pergamennykh kodeksakh. M., 1998 (in Russian).
14. Barton D. Literacy: An Introduction to the Ecology of Written Languages. Oxford, 1994 (2nd ed. 2004).
15. Hines J. Functions of Literacy and the Use of Runes // Runor och ABC. Elva före-läsningar från ett symposium i Stockholm våren 1995 / Ed. St. Nyström. Stockholm, 1997. S. 79–92.
16. Fjellhammer Seim K. De vestnordiske futhark-innskriftene fra vikingtid og middelalder – form og funksjon. Trondheim, 1998.
17. Rozhdestvenskaya T.V. Drevnerusskie nadpisi na stenakh khramov. Novye istochniki XI–XV vv. SPb., 1992 (in Russian).
18. Medyntseva A.A. Gramotnost' v Drevney Rusi: po pamyatnikam epigrafiki X – pervoy poloviny XIII veka. M., 2000 (in Russian).
19. Franklin S. Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevney Rusi (okolo 950–1300 gg.). SPb., 2010 (in Russian).
20. Gippius A.A. Sotsiokul'turnaya dinamika pis'ma v Drevney Rusi (O knige: Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2002) // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2004. № 1 (7). S. 171–194 (in Russian).
21. Gimon T.V. U istokov drevnerusskogo povsednevno-prakticheskogo pis'ma // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. SPb. Vyp. 19 (29) (v pečati).
22. Bagge S. Administrative Literacy in Norway // Along the Oral-Written Continuum. Types of Texts, Relations, and Their Implications / Ed. S. Rankovič, L. Melve, E. Mundal. Turnhout, 2010. P. 372–375.
23. Kolchin B.A., Yanin V.L. Arkheologii Novgoroda 50 let // Novgorodskiy sbornik: 50 let raskopok Novgoroda. M., 1982. S. 3–136 (in Russian).
24. Nedkvitne A. The Social Consequences of Literacy in Medieval Scandinavia. Turnhout, 2004.
25. Liestøl A. Runic Voices from Towns of Ancient Norway // Scandinavica. 1974. Vol. 13, № 1. P. 19–34.
26. Dzhakson T.N. Ot ustnoy kommunikatsii k pis'mennoy: situatsiya v srednevekovoy Norvegii v osveshchenii islandskikh sag // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2017–2018 god: Rannie formy i funktsii pis'ma. M., 2019. S. 169–195 (in Russian).

УДК 39 + 77

ГРНТИ 03.61.00

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-24-33

И.А.ГОЛОВНЁВ*

Кинодокументы по этнографии айнов в коллекциях музеев и архивов Сахалина

Статья базируется на визуально-антропологических материалах из архивов и музеев Сахалина, собранных автором в ходе экспедиции в июне–августе 2019 г. Помимо общего обзора фильмографии по этнографии айнов первой половины XX в. исследование фокусируется на двух ключевых кинодокументах: «Традиционная жизнь и обряды айнов» (Япония, 1920) и «По Сахалину» (СССР, 1948). Данные фильмы, являясь уникальными свидетельствами о материальной и духовной культуре айнов Хоккайдо и Сахалина – некогда самобытной народности, а в настоящее время ассимилировавшейся в японской среде, впервые вводятся в научный оборот. Материалы киноработ анализируются в историко-антропологическом ключе в сопоставлении с данными исследований учёных-айноведов. Делается вывод об архивных фильмах как многослойных кинодокументах своего времени, при должной исследовательской критике являющихся ценными историческими источниками и представляющих научный интерес для изучения в широком спектре гуманитарных наук.

Ключевые слова: этнографический фильм, визуальная антропология, кинодокумент, айны, Сахалин, Хоккайдо

Рождение кинематографа хронологически совпало с закатом самобытной культуры айнов. Но «уходящая народность» всё же оказалась запечатлённой объективами кинокамер. Первой из известных на сегодняшний момент таких киносъёмок можно считать зарисовку об айнах, снятую оператором Константином Гирелем на острове Хоккайдо и смонтированную осенью

1897 г. на французской студии «Lumière». Этот минутный ролик «Айны Эссо» – традиционный танец в исполнении четырёх мужчин – с успехом демонстрировался в разных странах мира и даже был удостоен почётного приза Всемирной выставки в Париже 1900 г. [1].

В 1903 г. киносъёмка айнов Хоккайдо производилась в ходе академической исследовательской экспедиции Брони-

* **Головнёв Иван Андреевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, руководитель проекта «Традиционные этнокультурные сообщества Севера в этнографическом кино» (18-09-00076).
E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

слава Пилсудского и Вацлава Серошевского. Но в связи с обострением международных отношений в канун русско-японской войны эти работы не были завершены, а деятельность по фотографированию и киносъёмке даже стала причиной подозрения учёных в шпионаже. По воспоминаниям В. Серошевского, он пытался убедить японские власти в сугубо научном содержании киносъёмки: «Сейчас я напишу в Саппоро и вышлю фильмы с просьбой, чтобы их проявили и убедились, что там ничего нет, кроме танцев, игрищ и обыкновенных «каракты» (приветствий), ткани полотна, возвращения рыбацких суден и установки «нуса» (ритуального посоха)» [2, с. 88]. Но экспедиция была остановлена, исследователям пришлось покинуть Хоккайдо, а судьба их этнографических киноматериалов до сих пор остаётся неизвестной (фото 1).

В 1917 г. известный американский кинопредприниматель Бенджамин Бродский реализовал кинопроект «Прекрасная Япония». Этот рекламный фильм, снятый по заказу Императорских японских железных дорог, демонстрировал различные сюжеты из жизни Японии начала XX в., в том числе и представляющие прямой этнографический интерес для данного исследования — айнские гробницы в Мацусиме и медвежий праздник айнов Хоккайдо. Фильм сохранился до наших дней в фондах американского Национального музея естественной истории (Smithsonian Museum of Natural History, Human Studies Film Archives, учётный № 1982.3.1).

Другим представляющим научный интерес примером кинодокументации айнской культуры является опыт шотландского исследователя Нила Манро, посвятившего множество лет изучению археологии и этнографии айнов Хоккайдо, автора известной монографии «Prehistoric Japan» (1908). По сведениям А.М. Соколова, параллельно проведению исследований в 1930 г. Н. Манро снял фильм «Йо-мантэ» («Проводы медведя») в айнском поселении Нибутани [2].

Основной же объём документальных съёмок жизни айнов производился кинематографистами и исследователями Японии. Особенно активно этнографические кинозарисовки и фильмы об айнах Хоккайдо, Курильских островов и Сахалина снимались в 1920–1930-х гг. С одной стороны, этот процесс инициировали учёные-исследователи, которых айны интересовали с точки зрения антропологии, а с другой — такие киноистории имели популярность среди японских зрителей, для которых «первобытная» жизнь была развлекательной экранной экзотикой. Пристальное киновнимание к айнам можно объяснить и процессами принудительной ассимиляции айнского населения.

Но несмотря на свой информативный потенциал, кинодокументы до сих пор остаются малоисследованной категорией в научной историографии. Сохранившись в архивных и музейных фондах киноработы об айнах не становились предметом полноценного историко-антропологического анализа, что актуализирует необходимость их изучения и введения в гуманитарный оборот. Данная статья продолжает тематические исследования автора по анализу отечественных и зарубежных этнографических фильмов как исторических источников для изучения эволюции культур этнических сообществ Севера [4–6].

В коллекциях музейных и архивных институций Сахалина хранится несколько киноработ, содержащих материалы по айнской этнографии. Так, в научно-вспомогательном фонде Сахалинского областного краеведческого музея (СОКМ) удалось обнаружить несколько этнографических зарисовок об айнах, среди которых особый интерес для данной статьи представляет уникальный кинодокумент — фильм «Традиционная жизнь и обряды айнов» (СОКМ. НВФ. Ед. хр. 2521-1), снятый японскими кинематографистами и исследователями в 1920 г. на о. Хоккайдо (Япония). Согласно краткой музейной легенде, фильм был передан в дар Музеем

Фото 1. Аины в праздничной одежде. Хоккайдо. 1904 г.
Автор: Б.О. Пилсудский. СОКМ. НВФ-2531/38

Айнской культуры г. Сираой (Япония); при этом подробные данные о создателях фильма в документах отсутствуют (в финальном титре фильма читается только наименование студии-производителя «Nogiuchi production»). А в киноvideofонде Государственного исторического архива Сахалинской области был изучен документальный кинофильм «По Сахалину»

(ГИАСО. Ф. ВД. Оп. 3. Ед. хр. 1. Ед. уч. 8), который содержит последние съёмки айнов Сахалина, сделанные в 1947 г. — перед репатриацией айнов в Японию. В то же время в айнских селениях, где снимала киногруппа, работали профессиональные исследователи, сотрудники Сахалинского краеведческого музея Б.А. Жеребцов и И.С. Квач, чьи материалы также нахо-

дятся в фондах СОКМ и частично опубликованы в форме научного отчёта. Методологический интерес представляет сопоставление в статье кадров фильма и текстовых описаний учёных для формирования последующих научных выводов.

Кинодокумент «Традиционная жизнь и обряды айнов»

Данный фильм, снятый японскими исследователями и кинематографистами о жизни айнов острова Хоккайдо посвящён так называемому медвежьему празднику — одному из главных ритуалов в духовной культуре айнской народности, подробно описанному в научной литературе [7–10].

Фильм открывается панорамой группы одетых в традиционные халаты айнов разных пола и возраста, позади которых видны японские исследователи в деловых костюмах. Данный кадр является своеобразным введением к основному событию, кратко знакомя зрителей с основными действующими лицами киноработы.

И уже в следующих кадрах можно видеть начало непосредственно ритуального действия: вывод медведя из клетки во двор и ритуальный танец айнов — общий хоровод посреди селения. «Все участвующие были одеты в лучшие одежды. Мужчины облачались в праздничные халаты, женщины надевали свои украшения — серьги, бусы, расшитые головные повязки, нагрудные бляхи, монеты, кольца, орнаментированные пояса. По случаю праздника женщины подновляли свою татуировку на губах, лице и руках до локтей. Вид у всех был приподнято-торжественный» [11, с. 123], — так характеризовал начало традиционного медвежьего праздника Б.А. Жеребцов.

Следующая сцена фильма происходит внутри жилища. Почётные гости и хозяйка входят в помещение и усаживаются вокруг очага: мужчины впереди, а женщины — позади (фото 2). Стены и пол дома обильно декорированы «*inau*» — ивовыми палочками со стружками. По дан-

ном Б.А. Жеребцова, «этим ивовым палочкам со стружками айны придавали исключительное значение. По поверьям, «*inau*» защищали от невзгод и передавали божествам просьбы айнов, поэтому их приносили на ритуал, а затем — «оправляли вместе с медведем» [11, с. 124].

В фильме последовательно описывается течение ритуала, и очередная сцена снята уже на улице деревни, у домика медведя. Сначала участники церемонии делают подношения медведю: поливают балки и углы медвежьего жилища специально приготовленным напитком, украшают резными стружками, а затем рассаживаются напротив полукругом. Четверо мужчин выводят медведя на верёвках на двор перед собравшимися. А участники церемонии заряжают луки стрелами и направляют их на медведя. «Мужчины приступали к настоящей травле, пуская в медведя тупые стрелы («*hepere-ai*»). С каждой минутой ярость медведя становилась всё сильнее и наконец переходила в бешенство, чем он вызывал восхищение зрителей». Спустя время зверь начал ослабевать. Приближалась самая торжественная минута «посылания вперед» обречённой жертвы» [11, с. 123], — писал об этой части церемонии Б.А. Жеребцов.

Кульминацией фильма является жертвоприношение медведя. Те же четверо мужчин зажимают шею медведя между двух брёвен и душат зверя. А женщины активно хлопают в ладоши и вскоре пускаются в ритуальные танцы, постепенно образуя общий хоровод. Затем удушенного медведя достают из давилки, снимают шкуру и разделявают. А тушу доставляют в жилище и кладут рядом с очагом. Участники церемонии убирают тело медведя ритуальными амулетами и украшениями. «Айны полагают, что медведь всё это время наслаждается видом «приятных для глаз вещей» и проводит свои последние часы у айнов в беседе с духами-хранителями очага и дома — хозяйкой огня и хозяином жилища», — комментировал подобное поведение Б.А. Жеребцов [11, с. 130].

Фото 2. Кадр из фильма «Традиционная жизнь и обряды айнов». 1920 г., Хоккайдо

Айнский шаман с вершины дома разбрасывает ритуальные стружки, ветер разносит их по всему посёлку и за его пределы — такой кинокадр в финале фильма работает не как точка, а как многоточие. По словам Б.А. Жеребцова, мифологический образ медведя у айнов имел противоречивый характер: «В медведе оболочка материальна, дух же его — божественного происхождения. Поэтому и убить его нельзя. Он бессмертен. И айны на празднике не убивают медведя, а «посылают дальше, вперед». Медведь пришёл к людям не в своём виде, а в форме зверя, прикрываясь ею, как маской. Освобождение его от этой маски и входит в задачу айнов. В благодарность за такую услугу божество дарует им мясо, шкуру и часть своих физических и духовных качеств, заключённых в них» [11, с. 137].

В данном случае киносъёмки оказались чрезвычайно важны для фиксации и ретрансляции образных сцен медвежьего ритуала, где существенное значение для исследователя (и простого зрителя) имеют такие элементы, как пластика движений и выражение лиц участников обрядового действия.

Кинодокумент «По Сахалину»

Фильм представляет собой обзорный киноочерк, снятый братьями Александром и Евгением Алексеевыми — известными советскими кинооператорами, создавшими классические документальные фильмы о Великой Отечественной войне («Сражение за Витебск», «Освобождение Белоруссии», «Штурм Кёнигсберга», «Восьмой удар», «Берлин» и др.) — в год образования Сахалинской области (1947). Данный фильм — звуковой, и наряду с визуальным рядом в нём существенное информационное значение имеет

закадровый нарратив. Эффективным методом его рассмотрения является исследовательская «расшифровка» содержания кадров и дикторского текста, что при сопоставлении с тематическими научными комментариями и будет выполнено ниже в статье.

Начинается повествование с экскурса в историю русского освоения Сахалина: поход Василия Пояркова 1643 г., морская экспедиция Невельского 1849 г., далее следуют природно-географический обзор и затем — этнографическая часть, содержащая киноглаву об айнах.

Фото 3. Кадр из фильма «По Сахалину». 1947 г.

«В ходе русско-японской войны Япония захватила южную часть Сахалина. В золоте — самураи, в слезах и печали — маленький народ айнов», — декларирует за кадром диктор. В кадрах: мужчина-рыбак проверяет сеть, а женщина с ребёнком занимаются изготовлением корзины из соломы.

«По своему занятию айны — оседлые рыболовы, охотники. Приход рыбы в прибрежные воды и начало развития растительного покрова на земле означало собой наступление лета. Мужчины начинали ловить рыбу и заготавливать её впрок; женщины приступали к сбору и сушке съедобных растений», — писал исследователь Б.А. Жеребцов [11, с. 69].

Диктор фильма продолжал: «В далёкие времена, гонимые Японией с восточно-азиатских островов, айны нашли себе пристанище на юге Сахалина».

Кадры: старик-айн за работой по изготовлению стружек.

Диктор: «С приходом на Сахалин японцы превратили айнов в рабов».

По этому поводу Б.А. Жеребцов сообщил: «Айны испытали на себе процесс японизации. По мере развития этого процесса, особенно усилившегося в последние десятилетия, их старый уклад жизни постепенно был вытеснен, и в силу этого специфические стороны айнской экономики, культуры и быта стёрлись» [11, с. 65].

Кадры: музейные экспонаты — посуда, костюмы.

Диктор: «Только в узорах утвари и национальных костюмах сохранились следы культуры этого народа, имевшего торговую связь с материком Азии».

Кадры: женщина и подросток обрабатывают солому на стойбище.

Диктор: «Айны были лишены человеческих прав и доведены до последней черты вымирания».

Кадры: старик-айн за работой по изготовлению стружек.

Диктор: «Слово "айн" на языке этого племени значит "человек"».

Кадры: жилой дом, изделия из стружек внутри дома; хозяйственная надворная постройка (фото 3).

Диктор: «Священная стружка, охранявшая жилища айнов, не приносила им избавления от рабства. Но айны говорили своим детям о счастье».

Кадры: улыбающиеся айнские дети.

Диктор: «Они знали, что на Севере Сахалина русские люди осуществили вековую мечту угнетённых народов».

Кадр: пограничный столб, разделяющий территории Северного (советского) и Южного (японского) Сахалина.

Диктор: «По ту сторону пограничного камня начинается новая жизнь».

Завершался фильм рассказом о советских нововведениях на Сахалине: о реализации текущего пятилетнего плана и создании рыболовного колхоза, где вместе с русскими рыбаками трудятся и рыбаки-нивхи.

Выводы

Изученные в статье фильмы позволяют рассмотреть как особенности духовной культуры айнов (в работе японских кинематографистов о медвежьем празднике), так и детали айнского хозяйства (в советском фильме) в пространственном охвате (Сахалин и Хоккайдо) и во временной динамике (с 1920-х до середины 1940-х гг.). Благодаря запечатлённым кинообразам мы имеем возможность составить объёмное представление о навсегда ушедшей в прошлое культурной реальности — и не только о её информационной составляющей, но и об образно-эмоциональном контексте. Так, медвежий праздник, подробно запечатлённый в архивном фильме, в связи с тотальной японизацией айнов сегодня существует лишь в театрализованном варианте исполнения, являясь своеобразной «визитной карточкой» современных хоккайдских айнов [12].

Как видно, помимо научно-творческого импульса, был у кинолюбителей к айнам и политический подтекст. Развёрнутая на государственном уровне борьба

Фото 4. Б.А. Жеребцов с семьёй айнов Такаяма. Сахалин. 1948 г.
Автор: И.С. Квач. СОКМ. КП-60/7

за айнов была связана с усилением русского влияния на Дальнем Востоке, с геополитическим соперничеством России и Японии в дальневосточном регионе [13]. Японские власти опасались усиления русского влияния на коренное население островов – айнов, выражавшееся, в частности, в их христианизации. В начале XX в. хоккайдские айны, помещённые в своеобразные резервационные поселения, претерпев процесс японизации, выразивший-

ся в принудительном обращении их в буддизм, в обучении айнских детей в японских школах и т.п., практически утратили свою самобытную культуру. Курильские айны, некогда населявшие всю гряду островов от Хоккайдо до полуострова Камчатка, также постепенно растворились в японской среде. Дольше других групп сохраняли свою самобытность сахалинские айны, но волна японизации захватила и эту ветвь айнской народности. По словам из-

вестного японского исследователя Киндаити Киосуге, в первой трети XX в. айны «так ояпонились, что понятие о них как о расе должно вскоре исчезнуть» [14, с. 10]. На официальном уровне ояпонивание айнов преподносилось как патерналистская забота развитой нации о погибающих туземцах. И фильмы об айнах снимались именно в подобном ключе — как полупостановочные реконструкции обрядов среди «ряженных» айнов, на съёмочных площадках «показательных» деревень-резерваций, в то время как «натуральная» айнская культура была уже практически утрачена. С усилением же националистических позиций в Японии в 1930-х гг. правящим кругам стало невыгодно популяризировать коренную народность японских островов, и производство этнофильмов об айнах было значительно сокращено.

С переходом территорий Южного Сахалина и Курильских островов после окончания Второй мировой войны к СССР внимание советских научных и кинематографических специалистов было ведомственно направлено на айнскую народность. С 1946 по 1949 г. проводилась массовая репатриация японских граждан в Японию — на остров Хоккайдо, вместе с японцами подлежали вывозу с островов и айны. Советская администрация, нуждавшаяся в рабочих руках в регионе, предлагала айнам остаться на Сахалине. Но большая часть айнов — свыше 1000 человек — всё же

отбыли на Хоккайдо, и к 1949 г. на Сахалине осталось не более 100 айнов [15]. Таким образом, тексты Б.А. Жеребцова и кино-материалы братьев Алексеевых оказались единственными источниками информации, позволяющими судить о численности, половозрастном составе и быте последних сахалинских айнов. А в условиях сохранявшегося геополитического соперничества СССР и Японии по поводу обоснования принадлежности этих дальневосточных территорий включение айнских сюжетов в кино работало и как дополнительный аргумент формулы «наши аборигены — наши территории» (фото 4).

Вышеупомянутые киноработы об айнах вполне выполнили свои комплексные задачи. С одной стороны, благодаря запечатлению на киноплёнке материалов о культурной эволюции айнской народности, они стали вкладом в этнографию. С другой — в части трансляции особенностей национальной политики СССР и Японии в отношении айнов — свидетельствами межгосударственных и межнациональных отношений на дальневосточном фронтире. В такой проекции становится очевидным, что представленные в статье аудиовизуальные материалы, рассмотренные в сопоставлении с текстами учёных, при должной исследовательской критике являются многослойными документами своего времени — информативными историческими/этнографическими источниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. La production cinématographique des frères Lumière. Paris: Diffusion, 1996.
2. Серошевский В.Л. Среди косматых людей // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2004. № 8. С. 46–88.
3. Соколов А.М. Айны: от истоков до современности (материалы к истории становления айнского этноса). СПб.: МАЭ РАН, 2014.
4. Головнёв И.А. «Terra incognita»: описание земли Камчатки в фильме А.А. Литвинова // Диалог со временем. 2018. № 1 (62). С. 257–272.
5. Головнёв И.А. Визуальная антропология Дзиги Вертова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 16. Вып. 4. С. 1386–1403.

6. Головнёв И.А. Традиционные этнокультурные сообщества в этнографическом кино. «Нанук с Севера» Роберта Флаэрти // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 113–123.
7. Арутюнов С.А. Об айнских компонентах в формировании японской народности и её культуры // Советская этнография. 1957. № 2. С. 3–14.
8. Арутюнов С.А., Щебеньков В.Г. Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М.: Наука, 1992.
9. Спесивов А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. Религиозные воззрения в традиционном айнском обществе. М.: Наука, 1988.
10. Таксами Ч.М., Косарев В.Д. Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. М.: Мысль, 1990.
11. Жеребцов Б.А. Материальная и духовная культура сахалинских айнов. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2012.
12. Шнирельман В., Комарова Г. Лодка удачи // Северные просторы. 2004. Т. 50. С. 50–55.
13. Лим С.Ч. Источники об истории борьбы айнского народа в Японии // Восточный архив. 2012. № 2 (26). С. 76–85.
14. Kindaiti, K. Ainu Life and Legends. Tokyo: Japanese Government Railways, 1941.
15. Бычкова А.А., Габриков Я.Е., Дин Ю.И. Перепись населения Карафутто (Японская империя) 1920 г: опыт перевода и комментирования // Актуальные проблемы современной Японии. 2017. № 31. С. 193–202.

ENGLISH

Documentary Films on the Ethnic Studies of the Ainu People in the Collections of Sakhalin Museums and Archives

Golovnev Ivan Andreevich – Candidate of Sciences in History, Senior Researcher at the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Head of the Project – “Traditional Ethnic and Cultural Communities of the North in Ethnographic Films” (18-09-00076).

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

The article is based on visual-anthropological materials from the Sakhalin archives and museums collected by the author during his expedition undertaken in June–August 2019. In addition to the general review of the filmography with respect to the Ainu ethnic studies of the first half of the 20th century, this study is focused on two major documentary films: “Traditional Life and Rites of the Ainu people” (Japan, 1920) and “Across Sakhalin” (USSR, 1948). These films, being unique records of material and spiritual culture of the Ainu people living on Hokkaido and Sakhalin, who were earlier an authentic ethnic group, but currently assimilated into the Japanese environment, are introduced into the scientific discourse for the first time. The cinematic works are analyzed in the historical and anthropological context against the study results of the scholars studying the Ainu people. The paper provides a conclusion about the archival films being multi-layered documentary films of their time that upon proper scholarly criticism can be valuable historical sources of scientific interest with respect to a wide range of humanitarian studies.

Keywords: ethnographic film, visual anthropology, film document, Ainu people, Sakhalin, Hokkaido

REFERENCES

1. La production cinématographique des frères Lumière. Paris: Diffusion, 1996.
2. Seroshevskiy V.L. Sredi kosmatykh lyudey // Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo. 2004. № 8. S. 46–88 (in Russian).
3. Sokolov A.M. Аyny: ot istokov do sovremennosti (materialy k istorii stanovleniya aynskogo etnosa). SPb.: MAE RAN, 2014 (in Russian).
4. Golovnyov I.A. «Terra incognita»: opisanie zemli Kamchatki v fil'me A.A. Litvinova // Dialog so vremenem. 2018. № 1 (62). S. 257–272 (in Russian).
5. Golovnyov I.A. Vizual'naya antropologiya Dzigi Vertova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2019. T. 16. Vyp. 4. S. 1386–1403 (in Russian).
6. Golovnyov I.A. Traditsionnye etnokul'turnye soobshchestva v etnograficheskom kino. «Nanuk s Severa» Roberta Flaerti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 451. S. 113–123 (in Russian).
7. Arutyunov S.A. Ob aynskikh komponentakh v formirovanii yaponskoy narodnosti i eyo kul'tury // Sovetskaya etnografiya. 1957. № 2. S. 3–14 (in Russian).
8. Arutyunov S.A., Shcheben'kov V.G. Drevneyshiy narod Yaponii. Sud'by plemeni aynov. M.: Nauka, 1992 (in Russian).
9. Spevakovskiy A.B. Dukhi, oborotni, demony i bozhestva aynov. Religioznye vozzreniya v traditsionnom aynskom obshchestve. M.: Nauka, 1988 (in Russian).
10. Taksami Ch.M., Kosarev V.D. Kto vy, ayny? Ocherk istorii i kul'tury. M.: Mysl', 1990 (in Russian).
11. Zherebtsov B.A. Material'naya i dukhovnaya kul'tura sakhalinskikh aynov. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey, 2012 (in Russian).
12. Shnirel'man V., Komarova G. Lodka udachi // Severnye prostory. 2004. T. 50. S. 50–55 (in Russian).
13. Lim S.Ch. Istochniki ob istorii bor'by aynskogo naroda v Yaponii // Vostochnyy arkhiv. 2012. № 2 (26). S. 76–85 (in Russian).
14. Kindaiti, K. Ainu Life and Legends. Tokyo: Japanese Government Railways, 1941.
15. Bychkova A.A., Gabrikov Ya.E., Din Yu.I. Perepis' naseleniya Karafuto (Yaponskaya imperiya) 1920 g.: opyt perevoda i kommentirovaniya // Aktual'nye problemy sovremennoy Yaponii. 2017. № 31. S. 193–202 (in Russian).

ЭКОНОМИКА

УДК 311

ГРНТИ 66.77.05

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-34-44

**М.Ю. АРХИПОВА,
В.П. СИРОТИН***

Подходы к изучению качества и уровня жизни населения в России

В работе представлены основные подходы к исследованию уровня жизни населения. Рассмотрены современные тенденции основных показателей, характеризующих различные аспекты жизни людей, включая показатели качества населения, благосостояния, социальной сферы, доступности услуг для населения, экологической ситуации. Выявлены благоприятные и негативные тенденции в развитии ряда изучаемых показателей. Предложена авторская методика разработки индикатора уровня жизни населения, который включает 40 частных показателей, отвечающих за различные аспекты уровня жизни людей.

Преимуществом предлагаемой методики является возможность учёта широкого спектра показателей официальной статистики, представляющих объективную характеристику уровня жизни людей, а также универсальность предложенного индикатора с точки зрения сопоставимости его значений во времени, что позволяет увидеть происходящие в регионах России изменения и своевременно осуществить корректирующие воздействия.

Ключевые слова: благосостояние, уровень жизни, индекс качества жизни, свёртка показателей, региональный анализ

* **Архипова Марина Юрьевна** — профессор департамента статистики и анализа данных, ведущий научный сотрудник научно-учебной лаборатории измерения благосостояния факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель проекта «Современные тенденции и социально-экономические последствия развития цифровых технологий в России» (18-010-00564).

E-mail: mrhipova@hse.ru

Сиротин Вячеслав Павлович — профессор департамента статистики и анализа данных, заместитель заведующего научно-учебной лабораторией измерения благосостояния факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», исполнитель того же проекта.

E-mail: vsirotnin@hse.ru

Введение

Благосостояние и уровень жизни населения — основные вопросы, находящиеся на повестке дня у экономистов всего мира. Как измерить эффективность и результативность экономической политики? Нужно ли сконцентрироваться только на инструментах или же во внимание принимать и основные характеристики уровня и качества жизни людей?

Наиболее значимой составляющей экономического развития, отражением его количественных изменений выступает экономический рост. Залогом его достижения является разрешение классической проблемы эффективного функционирования экономической системы — удовлетворение растущих потребностей общества при жёстком условии постоянной ограниченности ресурсов. Достаточно ли для изучения качества жизни людей использовать только показатели, отвечающие за материальное положение индивида, или во внимание необходимо принимать и широкий спектр показателей, отвечающих за доступность услуг различного рода, включая медицинские и информационно-коммуникационные услуги, развитость социальной сферы, экологическую ситуацию в стране? Существует ли индикатор, позволяющий всесторонне исследовать уровень жизни населения в динамике или же проблемы, связанные с нормировкой данных, не позволяют проводить временные сопоставления?

Ответам на эти вопросы посвящено данное исследование.

Понятие и подходы к измерению уровня жизни людей

Проведённый обзор литературы показал, что мировое сообщество ещё не выработало окончательного определения качества жизни. Различные учёные предлагают как авторские определения данного понятия, так и методики его расчёта. В работах В.А.Ильина с соавторами, а также Т.Н.Лариной, содержащих объёмный анализ существующих российских

и зарубежных концепций, отмечается, что термин «качество жизни» «не имеет общепринятого прикладного определения», разные учёные используют семейство близких по значению терминов: «образ (уровень) жизни», «индивидуальное и общественное благосостояние» и др. [5, 7].

ООН определяет уровень жизни как «степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей массой товаров и услуг, используемых в единицу времени» [9].

Уровень благосостояния — степень удовлетворения материальных потребностей населения. Включает в себя показатели уровня дохода и обеспеченности людей.

Вместе с тем существует широкий пласт исследований, в которых доход на душу населения или показатели материального обеспечения признаются недостаточными для оценок уровня жизни или благосостояния населения. В последние годы фокус мировых исследований всё больше смещается к альтернативным мерам измерения данной категории. Среди российских учёных, занимавшихся исследованием понятия качества жизни и разработкой методологии его оценки, можно выделить С.А.Айвазяна [3], Н.М.Римашевскую [12] и других. Согласно их работам стандартными индикаторами качества жизни являются не только показатели богатства, обеспеченности и занятости населения, но и физическое и ментальное здоровье, образование, окружающая среда, социальная принадлежность и т.д.

В таком контексте выделяют два методологических подхода к оценке качества жизни: субъективный и объективный [1].

Субъективный подход основывается на оценке степени удовлетворённости человека или группы людей своей жизнью. Удовлетворение жизнью определяется как внутренняя оценка индивидом опыта проживания своей жизни [1]. При этом оцениваются различные области жизни: общая удовлетворённость, удовлетворённость работой, условиями труда, материальным положением, состоянием

Таблица

Обзор основных подходов к определению уровня жизни населения

Подход	Авторы	Содержание
Подход от характеристик потребления	Н.М. Римашевская, Н.А. Горелов, Н.П. Федоренко, В.Н. Бобков, П.В. Савченко, Ю.П. Кокина	Уровень жизни как социально-экономическая категория, характеризующая степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, выражаемая в количестве и качестве потребляемых человеком благ и услуг
Подход от доходов населения	В.Ф. Майер	Уровень жизни как характеристика доходных возможностей населения (объём и состав доходов, их использование, дифференциация доходов)
Подход от производства	Н.И. Бузляков, Т.Е. Минякова	Уровень жизни как характеристика количества потребляемых материальных, культурно-бытовых и социальных благ и степени удовлетворения потребностей в них на достигнутой стадии производительных сил
Комплексный подход	В.М. Жеребин, А.Н. Романов, В.И. Гурьев, И.И. Елисеева	Уровень жизни как степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, достигаемая за счёт создаваемых экономических и материальных условий и возможностей, определяемая отношением уровня доходов к стоимости жизни и характеристикам потребления
Подход от стоимости жизни	В.М. Рутгайзер, П. Шпилько	Уровень жизни как стоимость совокупности предметов потребления, соответствующей определённому уровню удовлетворения потребностей

окружающей среды, экологической обстановкой, жилищными условиями, досугом, здоровьем, политикой и т.д. Представление о субъективной удовлетворённости жизнью можно получить с помощью социологических опросов.

Существуют различные методики оценки качества жизни с субъективной точки зрения. При одном из подходов респондентов просят проранжировать по степени важности различные стороны своей жизни [17]. Другой подход основан на разработке интегрального показателя для каждого респондента, представляющий собой сводный индекс, который объединяет различные сферы жизни и другие актуальные темы (*Eurobarometer surveys*) [13].

Также можно выделить макроподход, основанный на анализе различного рода индексов, среди которых: индекс доверия потребителей (CCI); индекс HRQOL, оценивающий субъективное состояние здоровья населения; индекс WHOQOL (World Health Organization Quality of Life), оценивающий «ощущение отдельных людей в контексте их культуры, системы ценностей, личных стандартов и интересов»

и включающий вопросы физического здоровья, психологического здоровья, социальных отношений и окружающей среды.

Объективный подход к измерению качества жизни основывается на объективных статистически регистрируемых показателях, социально-экономических индикаторах и представляет собой независимое от мнения человека суждение о качестве его жизни [1].

Наиболее часто используемой в мировой практике оценкой качества жизни является индекс человеческого развития (HDI). Он состоит из комбинации таких индексов, как индекс продолжительности жизни, индекс грамотности и образованности, индекс уровня доходов. Однако данный индекс, несмотря на его распространённость, не лишён недостатков. Среди них можно выделить, с одной стороны, достаточно ограниченный взгляд на характеристику качества жизни населения, с другой стороны, не всегда оправданный и не лишённый субъективизма выбор весов признаков [16]. Для преодоления данного недостатка рядом учёных была предложена методика, согласно которой веса

для показателей, описывающих социально значимые сферы, подбираются на основе анализа временных рядов.

Согласно методике, предложенной С.А. Айвазяном [3, 4], интегральный показатель представляет собой модифицированную первую компоненту различных категорий данного показателя, в свою очередь образованных путём свёртки статистически регистрируемых показателей методом главных компонент. Затем рассчитывается взвешенное евклидово расстояние от конкретного региона до некоторого идеального и присваивается значение сводного показателя на основе этого расстояния. Эта методика позволяет не использовать произвольные веса для характеристик показателя, а также производить межрегиональные сравнения, исследовать возможности роста до идеального значения по конкретным показателям для конкретного региона и оценивать изменение показателя во времени.

Существует много других методик, в которых выбор весов используемых показателей осуществляется посредством выделения главных компонент, применения факторного анализа, инструментальных переменных, гедонической регрессии (*hedonic approach*) и методов Монте-Карло.

Краткий обзор экономических подходов к определению уровня жизни населения представлен в таблице.

В своей работе для ответа на главный вопрос исследования и оценки качества жизни населения мы будем придерживаться методики С.А. Айвазяна.

Современные тенденции и характеристики качества жизни населения

Для позиционирования России относительно других стран мира по уровню жизни обратимся к международным индексам. С 1990 г. Организация Объединённых Наций [9] ежегодно публикует отчёты об исследованиях качества жизни в разных уголках мира на основе ин-

декса человеческого развития (*Human Development Index*) [11]. В результате составляется рейтинг стран, места в котором присваиваются на основе суммы получаемых баллов. В 2019 г. Россия по величине этого индекса была на 49-й позиции из 189-и.

Другими индексами, позволяющими судить о качестве жизни, являются Индекс лучшей жизни (*Better Life Index*), разрабатываемый Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD) для стран этой организации и по некоторым составляющим этого индекса — для ряда других, включая Россию [10], и Индекс процветания (*Legatum Prosperity Index*), разрабатываемый независимой организацией *Legatum Institute* [13]. По Индексу процветания в 2019 г. Россия была на 74-й позиции из 157-и.

Таким образом, изучение позиций нашей страны в международных индексах, характеризующих различные аспекты уровня жизни населения, свидетельствует о существовании ряда проблем по широкому спектру показателей, что не позволяет России занять передовые позиции среди развитых стран мира.

Для изучения уровня жизни в регионах РФ обратимся к данным, предоставляемым ежегодно Федеральной службой государственной статистики [15]. Проведённый анализ позволяет увидеть негативную динамику основных показателей благосостояния населения, которая наметилась в 2014–2015 г. Коэффициенты прироста реальных среднедушевых доходов представлены на рис. 1 и позволяют говорить об их существенном спаде в период с 2000 по 2016 г. Несмотря на некоторое уменьшение падения денежных доходов в 2017 г., по сравнению с 2016 г., отрицательная тенденция сохраняется, что свидетельствует о снижении благосостояния населения и возможном ухудшении качества жизни [6].

В немонетарных показателях уровня жизни, используемых в международных индексах качества жизни, также наблю-

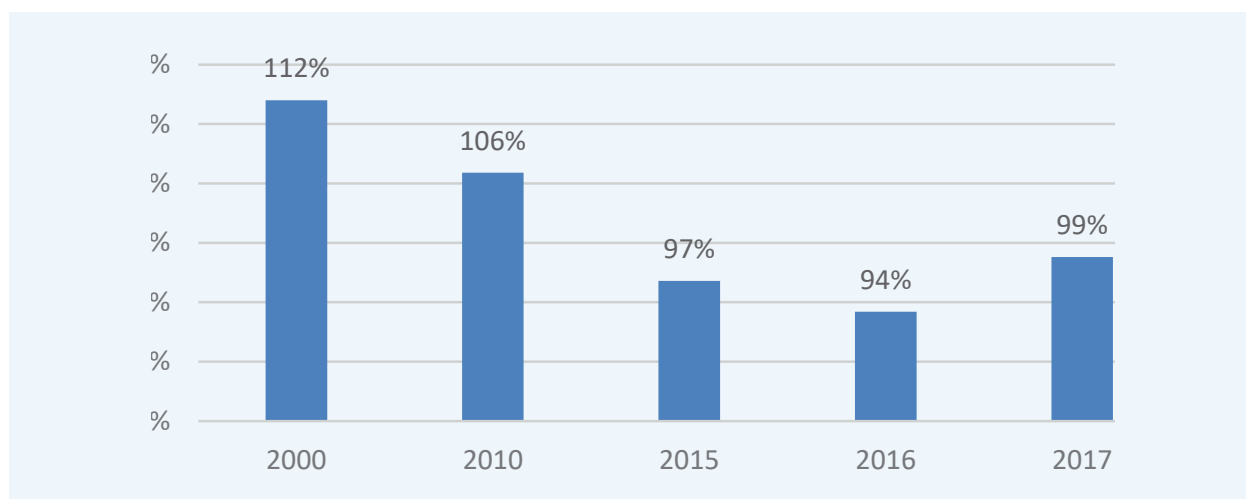

Рис. 1. Коэффициенты прироста реальных среднедушевых доходов (в % к предыдущему году)
(Источник: Федеральная служба государственной статистики [15])

дается неблагоприятная ситуация. Реформы в образовании, связанные с уменьшением до последнего времени числа бюджетных мест в вузах, не могли не сказаться на снижении их показателей как по приёму, так и по выпуску (рис. 2).

Сохранение указанной тенденции в перспективе может привести к уменьшению численности специалистов с высшим образованием и ухудшению качества научного потенциала России. Невнимание к указанной тенденции может отразиться и на выполнении задач, связанных с цифровизацией экономики и переходом к использованию информационных техноло-

гий в различных сферах жизнедеятельности людей, которые требуют увеличения числа высококвалифицированных специалистов [14].

Среди негативных тенденций можно выделить и увеличение числа заболеваний при снижающейся ресурсобеспеченности медицинских учреждений (рис. 3):

Таким образом, проведённый анализ выявил ряд негативных тенденций ухудшения важнейших показателей уровня жизни населения.

Исследование однородности развития российских регионов на основе данных рейтинга уровня жизни по субъектам РФ,

Рис. 2. Приём и выпуск бакалавров, специалистов, магистров, тыс. чел.
(Источник: Федеральная служба государственной статистики [15])

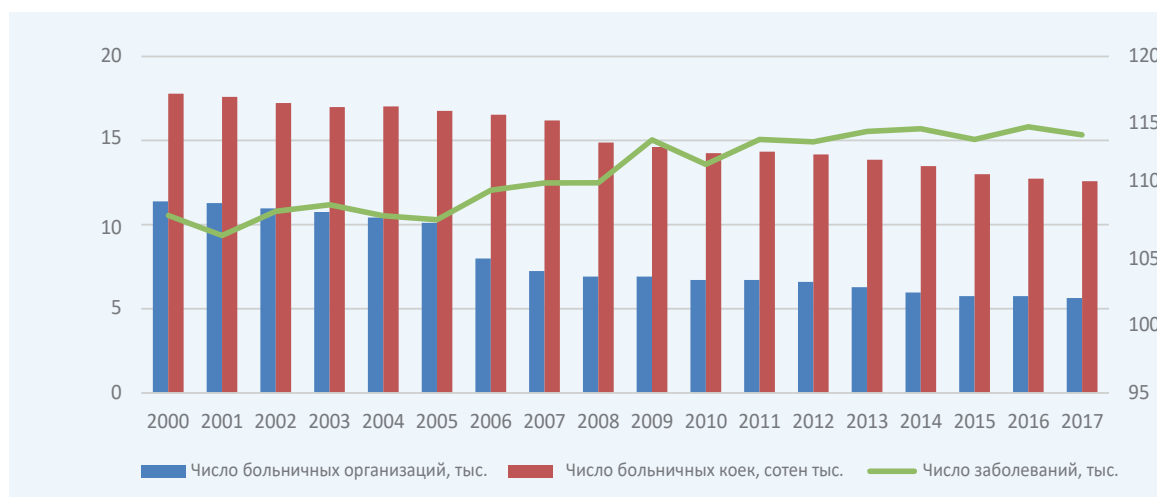

Рис. 3. Число зарегистрированных заболеваний, больничных коек и организаций

(Источник: Федеральная служба государственной статистики [15])

который в течение нескольких лет рассчитывается издательством РИА Новости (Рейтинг российских регионов) [11] и включает 72 показателя, объединённых в 11 индексов, позволил сделать вывод о существенной дифференциации. Так, разница между лидирующими и отстающими регионами составляет около 5,5 по индексу уровня жизни (в 6 раз — в 2016 г.) и около 1,8 раза — по индексу информатизации. В качестве позитивного фактора можно отметить наметившуюся тенденцию некоторого сглаживания региональной дифференциации по уровню жизни населения.

Методика построения интегрального показателя качества жизни

Построение интегрального показателя качества жизни для населения регионов РФ в данной работе основывается на объективистском подходе, при котором разрабатывается система частных наблюдаемых статистических показателей, характеризующих различные стороны жизни человека. Этот подход делает акцент на развитии человеческого потенциала, понимаемого в широком смысле [2, 4], отражает условия и возможности людей удовлетворять свои потребности. На основе анализа методологии объективистских подходов к по-

строению показателя качества жизни населения были выделены 5 основных категорий (субиндексов).

- ♦ **Качество населения** — категория, которая описывает демографические и социальные свойства населения, такие как способность воспроизводства, создания и сохранения семьи, характеристики здоровья, продолжительности жизни, уровня образования и культуры.
- ♦ **Уровень благосостояния** — категория, которая отражает материальное положение населения, уровень жизни и включает в себя характеристики доходов, расходов и сбережений, жилищных условий и материальной обеспеченности населения.
- ♦ **Состояние социальной сферы** — категория, характеризующая степень социальной защиты населения, безопасности, социального здоровья общества, условия труда.
- ♦ **Уровень доступности услуг** — категория, которая отражает возможности удовлетворения духовных, физических и социальных благ, интегрирует в себе показатели развития системы здравоохранения (уровня доступности медицинских благ), транспорта, культурно-спортивных объектов, а также проникновение информационных услуг и услуг связи.

- ♦ **Состояние экологии** – категория, охватывающая вопросы охраны окружающей среды, степень загрязнения экосистем и климатические условия.

Иерархическая структура показателя качества жизни обеспечивается за счёт свёрстки ряда показателей в единую категорию и последующей свёрстки этих категорий в единый (сводный) показатель. Свёрстка показателей осуществляется методом главных компонент (МГК).

На первом этапе была проведена унификация шкалы измерения используемых критериев. Если значения интегрального показателя увеличиваются по мере увеличения частной характеристики, то есть присутствует монотонно-возрастающая зависимость, то унифицированное значение рассчитывается по формуле:

$$\tilde{x} = \frac{x - x_{min}}{x_{max} - x_{min}} N,$$

где x_{min} и x_{max} – наименьшее и наибольшее значения в выборке.

Если значение интегрального показателя уменьшается по мере увеличения частной характеристики, то есть наблюдается монотонно-убывающая зависимость, то используется формула:

$$\tilde{x} = \frac{x_{max} - x}{x_{max} - x_{min}} N.$$

Если показатель связан с интегральным показателем немонотонной зависимости, то есть имеется оптимальное значение, при котором достигается его наивысшее значение, то новая переменная подсчитывается с помощью формулы:

$$\tilde{x} = \left(1 - \frac{|x_{max} - x|}{\max\{(x_{max} - x_{opt}), (x_{opt} - x_{min})\}} \right) N,$$

где x_{opt} – находится либо экспертным путём, либо путём нахождения среднего среди наиболее благоприятных по отношению к данной категории единиц. Следует отметить, что основные показатели, унификация которых происходила по данной формуле, это мощность амбулаторно-по-

ликлинических организаций, плотность железнодорожных путей и показатели отклонения нормы температурного режима.

Реализация методики построения интегрального показателя качества жизни

Рассмотрим построение первой из описанных выше категорий более подробно.

Для построения категории «Качество населения» после проведения содержательного анализа были выделены следующие показатели:

x_1 – коэффициент естественного прироста населения (ест_прир);

x_2 – смертность от новообразований на 1000 чел. населения (смерт_новообр);

x_3 – смертность от болезней системы кровообращения на 1000 чел. населения (смерт_кровообрц);

x_4 – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет (ОПЖ);

x_5 – количество браков на 1000 чел. населения (брак);

x_6 – количество разводов на 1000 чел. населения (развод);

x_7 – количество людей, имеющих высшее образование, на 1000 чел. населения (высш_обрз);

x_8 – количество людей, имеющих среднее специальное образование, на 1000 чел. населения (сред_обрз);

x_9 – количество людей, которым впервые поставили диагноз болезни органов дыхания, на 1000 чел. населения (забол_дых);

x_{10} – количество людей, которым впервые поставили диагноз травмы, отравления и других последствий внешних причин, на 1000 чел. населения (забол_травм);

x_{11} – общая заболеваемость на 1000 чел. населения (забол).

Реализация метода главных компонент [8] позволила сделать вывод о том, что первая главная компонента наиболее тесно связана (коэффициент корреляции превышает 0,9) с демографическими показателями (естественным приростом, коэффициентами смертности), что позволяет

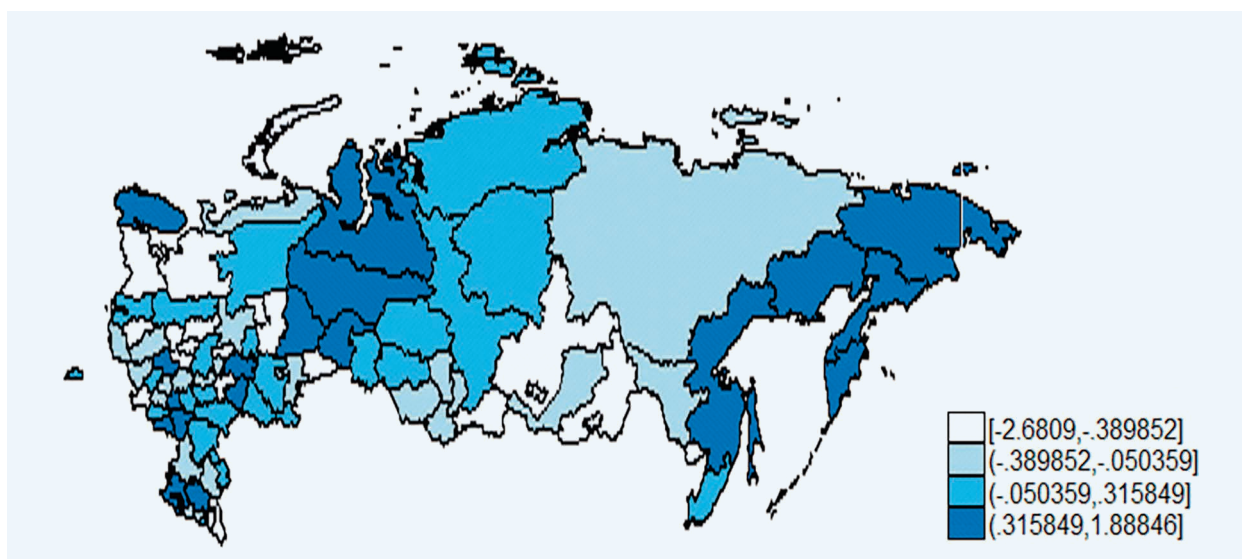

Рис. 4. Распределение регионов по показателю качества жизни

интерпретировать её как показатель способности населения поддерживать численность. Вторая компонента охватывает вопросы здоровья населения, учитывая характеристики заболеваемости (корреляция между показателями и второй главной компонентой превышает 0,8). Третья главная компонента включает показатели брачности и разводимости, что характеризует способность населения создавать и поддерживать семью. Последняя компонента отражает показатели уровня образованности группы населения и продолжительности жизни.

Категория качества жизни населения представляет собой взвешенную сумму компонент, веса которых определяются с помощью нормирования доли объяснённой ими дисперсии [2]. Таким образом, на основе данного показателя можно выделить регионы с высоким и низким качеством населения.

Высокие значения качества населения наблюдаются в Ханты-Мансийском автономной округе, Тюменской области, Ямало-Ненецком автономной округе, г. Москве, в то время как низкие значения — в Ненецком автономной округе, Владимирской, Тверской и Архангельской областях. Следует отметить, что Тюменская область является «материнским» субъек-

том РФ по отношению к Ямало-Ненецкому и Ханты-Мансийскому автономным округам. Высокие значения качества населения характеризуют благоприятную демографическую ситуацию, состояние физического здоровья населения, а также уровень образованности и продолжительности жизни. Тюменская область и прилегающие автономные округа оказались среди лидеров в данной категории за счёт высоких показателей естественного прироста и низких показателей смертности, что отчасти можно объяснить эффектом демографической волны. Несмотря на то, что в Ненецком автономном округе наблюдаются положительный естественный прирост за счёт рождаемости и низкие показатели смертности, показатели заболеваемости, брачности, разводимости и образованности значительно ниже общероссийского уровня. Схожая ситуация наблюдается в Архангельской области, однако коэффициент естественного прироста в этом регионе, в отличие от соседнего округа, отрицательный.

Для построения итогового индекса качества жизни населения на основе полученных субиндексов, отвечающих за разные характеристики данной категории, также использовался МГК. Его разработка позволила классифицировать регионы

России по уровню жизни с учётом всех полученных результатов. На рис. 4 показано распределение регионов России по индексу качества жизни с выделением четырёх групп по уровню жизни.

Наилучшее качество жизни наблюдается в Тюменской области и её округах, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, а также в Москве и Санкт-Петербурге.

Среди регионов с низким качеством жизни населения можно выделить Республику Ингушетию, Республику Тыва, Чеченскую Республику – регионы Северо-Кавказского федерального округа, Еврейскую автономную область и Владимирскую область.

Проведённый анализ показал довольно низкие позиции России в международных индексах, характеризующих различные аспекты уровня жизни населения, что свидетельствует о существовании ряда проблем по широкому спектру показателей. Наилучшая ситуация в России

наблюдается в сфере образования. Входящая с довольно высоким весом в индекс Человеческого развития сфера образования является драйвером, который повышает положение России в международных рейтингах, отражающих уровень жизни. Однако реформы в образовании, связанные с уменьшением числа бюджетных мест и слиянием ряда вузов, не могли не сказаться на снижении как приёма, так и выпуска из высших учебных заведений, в результате чего численность специалистов с высшим образованием в России на протяжении нескольких лет снижается.

Предложенная методика построения интегрального показателя уровня жизни на основе 40 частных статистических индикаторов позволила выделить регионы с высоким, средним (две группы) и низким уровнем жизни людей. Предложенный индекс хорошо аппроксимирует данные и может быть использован в качестве самостоятельного индикатора уровня жизни населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова М.Ю., Лебедев А.В. Инновации и уровень жизни населения: взаимосвязь, тенденции, перспективы. Экономика, статистика и информатика // Вестник УМО. 2012. № 6. С. 91–96.
2. Архипова М.Ю., Сиротин В.П., Сухарева Н.А. Разработка композитного индикатора для измерения величины и динамики цифрового неравенства в России // Вопросы статистики. 2018. № 4. С. 75–87.
3. Айвазян С.А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39 (2003). № 2.
4. Айвазян С., Степанов В., Козлова М. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявления ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Саратовской области и её муниципальных образований) // Прикладная эконометрика. 2006. № 2. С. 18–84.
5. Ильин В.А., Шабунова А.А., Россошанский А.И., Белехова В.И. Уровень жизни населения: опыт региональных исследований // ИСЭРТ РАН, 2015.
6. Инвестиции в инновационном процессе: Монография / Под ред. М.Ю. Архиповой, В.Е. Афиной. М.: РУСАЙНС, 2018.
7. Ларина Т.Н. Эволюция концепций качества жизни населения в контексте развития макроэкономических теорий // Журнал экономической теории. 2016. № 3.
8. Мхитарян В.С., Архипова М.Ю., Дуброва Т.А., Миронкина Ю.Н., Сиротин В.П. Анализ данных: Учебник для академического бакалавриата; Сер. 58: Бакалавр. Академический курс (1-е изд.). М.: Юрайт, 2017.

9. Организация Объединенных Наций (The United Nations). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data-Center> (дата обращения: 12.08.2020).
10. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oecd.org/> (дата обращения: 12.08.2020).
11. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2017. РИА Новости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20180214/1514552265.html> (дата обращения: 12.08.2020).
12. Римашевская Н.М. Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения» // Российский экономический журнал. 2004. № 9–10.
13. Специальные исследования Евробарометра [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb_special_en.htm (дата обращения: 12.08.2020).
14. Экспертный центр электронного государства, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://d-russia.ru/minkomsvyaz-predstavila-rejting-informatizatsii-regionov-2017.html> (дата обращения: 12.08.2020).
15. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc (дата обращения: 12.08.2020).
16. D'Acci Measuring Well-Being and Progress // Springer Link. 2010. P. 47–65.
17. Ferrans C.E., Powers M.J. Quality of life index: Development and psychometric properties // ANS Advanced in Nursing Science. 1985. 8 (1). 15–24.
18. Trabold-Nubler H. The human development index – a new development indicator? // Intereconomics. 1991. 26 (5). P. 236–243.

ENGLISH

Approaches to Studying the Quality and Standard of Living in Russia

Arkhipova Marina Yurievna – Professor at the Department of Statistics and Data Analysis, Leading Researcher at the Research and Training Laboratory of Welfare Measurement of the Faculty of Economic Sciences at the National Research University “Higher School of Economics”, Head of the Project “Current Trends and Socio-Economic Impact of Digital Technology Development in Russia” (18-010-00564).

E-mail: mrhipova@hse.ru

Sirotnin Vyacheslav Pavlovich – Professor at the Department of Statistics and Data Analysis, Deputy Head at the Research and Training Laboratory of Welfare Measurement of the Faculty of Economic Sciences at the National Research University “Higher School of Economics”, executor of the same project.

E-mail: vsirotnin@hse.ru

The paper presents the major approaches to study the population's standard of living. It describes current trends of the main indicators of various aspects of people's lives, including the population's quality of life, welfare, social issues, services available to the population, and environmental conditions. The favorable and negative trends in the development of a number of indicators under study have been identified. The authors have presented their methodology to develop an indicator of the population's standard of living, which includes 40 specific indicators corresponding to various aspects of people's standard of living.

The advantage of the proposed methodology is the possibility to take into account a wide range of indicators provided as part of official statistics, representing an objective picture of the people's standard of living as well as the universal nature of the proposed indicator in terms of traceability of its measurements over time, which allows identifying the changes in the Russian regions and taking corrective actions in due time.

Keywords: welfare, standard of living, quality of life index, indicator reconciliation, regional analysis

REFERENCES

1. Arkhipova M.Yu., Lebedev A.V. Innovatsii i uroven' zhizni naseleniya: vzaimosvyaz', tendentsii, perspektivy. *Ekonomika, statistika i informatika // Vestnik UMO*. 2012. № 6. S. 91–96 (in Russian).
2. Arkhipova M.Yu., Sirotin V.P., Sukhareva N.A. Razrabotka kompozitnogo indikatora dlya izmereniya velichiny i dinamiki tsifrovogo neravenstva v Rossii // *Voprosy statistiki*. 2018. № 4. S. 75–87 (in Russian).
3. Ayvazyan S.A. K metodologii izmereniya sinteticheskikh kategoriy kachestva zhizni naseleniya // *Ekonomika i matematicheskie metody*. 2003. T. 39 (2003). № 2 (in Russian).
4. Ayvazyan S., Stepanov V., Kozlova M. Izmerenie sinteticheskikh kategoriy kachestva zhizni naseleniya regiona i vyyavleniya klyuchevykh napravleniy sovershenstvovaniya sotsial'no-ekonomicheskoy politiki (na primere Saratovskoy oblasti i eyo munitsipal'nykh obrazovaniy) // *Prikladnaya ekonometrika*. 2006. № 2. S. 18–84 (in Russian).
5. Il'in V.A., Shabunova A.A., Rossoshanskiy A.I., Belekhova V.I. Uroven' zhizni naseleniya: opyt regional'nykh issledovaniy // *ISERT RAN*, 2015 (in Russian).
6. Investitsii v innovatsionnom protsesse: Monografiya / Pod red. M.Yu. Arkhipovoy, V.E. Afoninoy. M.: RUSAYNS, 2018 (in Russian).
7. Larina T.N. Evolyutsiya kontseptsiy kachestva zhizni naseleniya v kontekste razvitiya makroekonomicheskikh teoriy // *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. 2016. № 3 (in Russian).
8. Mkhitaryan V.S., Arkhipova M.Yu., Dubrova T.A., Mironkina Yu.N., Sirotin V.P. Analiz dannykh: Uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata; Ser. 58: Bakalavr. Akademicheskii kurs (1-e izd.). M.: Yurayt, 2017 (in Russian).
9. Organizatsiya Ob'edinennykh Natsiy (The United Nations). [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data-Center> (data obrashcheniya: 12.08.2020) (in Russian).
10. Organizatsiya ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiya (OESR). [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://oecd.org/> (data obrashcheniya: 12.08.2020) (in Russian).
11. Reyting rossiyskikh regionov po kachestvu zhizni – 2017. RIA Novosti. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20180214/1514552265.html> (data obrashcheniya: 12.08.2020) (in Russian).
12. Rimashevskaya N.M. Chelovecheskiy potentsial Rossii i problemy «sberezheniya naseleniya» // *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*. 2004. № 9–10 (in Russian).
13. Spetsial'nye issledovaniya Evrobarometra [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb_special_en.htm (data obrashcheniya: 12.08.2020) (in Russian).
14. Ekspertnyy tsentr elektronnoy gosudarstva, 2017. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://d-russia.ru/minkomsvyaz-predstavila-rejting-informatizatsii-regionov-2017.html> (data obrashcheniya: 12.08.2020) (in Russian).
15. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc (data obrashcheniya: 12.08.2020) (in Russian).
16. D'Acci Measuring Well-Being and Progress // Springer Link. 2010. P. 47–65
17. Ferrans C.E., Powers M.J. Quality of life index: Development and psychometric properties // *ANS Advanced in Nursing Science*. 1985. 8 (1). 15–24.
18. Trabold-Nubler H. The human development index – a new development indicator? // *Inter-economics*. 1991. 26 (5). P. 236–243.

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 314.1

ГРНТИ 05.11.15

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-45-54

**Л.Л. РЫБАКОВСКИЙ,
О.Л. РЫБАКОВСКИЙ,
Т.А. ФАДЕЕВА***

Восточный вектор — приоритетное направление демографического развития России

В статье показана историческая детерминация выбора Россией приоритетных направлений её последующего многовекового развития. Россия, став не только европейской, но и азиатской страной, превратилась в самую крупную страну в мире, получив выход к Тихому океану, расширила возможности для крупномасштабного развития флота, добычи ресурсов прибрежных шельфов. Она стала страной, обладающей богатейшими природными ресурсами. Необходимость широкомасштабного вовлечения природных ресурсов в народнохозяйственный оборот одновременно с укреплением азиатского геополитического статуса страны в полной мере осознавалась в советские годы, о чём свидетельствуют успехи в заселении Сибири и Дальнего Востока. В статье говорится, что в 1990-е гг. Россия утратила ряд ориентиров, усиливавших её геополитический статус и укреплявших экономическую мощь. Приводятся данные о том, что уже многие десятилетия происходит отставание Сибири и Дальнего Востока от среднероссийского уровня продолжительности жизни населения, что остаётся важнейшим детерминантом миграционного оттока населения и сокращения доли этих регионов в населении России. Предлагаются подходы к формированию стратегии демографического развития восточной части

* **Рыбаковский Леонид Леонидович** — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ ИСПИ) РАН, руководитель проекта «Восточный вектор демографического развития России: обоснование стратегических целей, направлений, приоритетов» (17-03-00256а).
E-mail: 1286185@mail.ru

Рыбаковский Олег Леонидович — доктор экономических наук, заведующий отделом демографии ФНИСЦ (ИСЭПН) РАН, главный научный сотрудник ФНИСЦ ИСПИ РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: 1246185@mail.ru

Фадеева Тамара Андреевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ФНИСЦ ИСПИ РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: fadeevatoma@gmail.com

страны, говорится о том, что эта стратегия должна исходить из необходимости обеспечения непрерывного роста демографического потенциала, причём темпами, опережающими средние по стране, и что при этом необходимо учитывать этнические, природно-географические, геополитические и иные условия регионов, от которых во многом зависит избранный характер динамики населения, его расселение и многое другое.

Ключевые слова: естественная убыль, миграционная убыль, демографическое развитие, демографическая динамика, восточный вектор

Современный геополитический статус России во многом, если не в решающей степени, был детерминирован выбором приоритетных направлений её последующего многовекового развития. Говоря об этом, необходимо отметить два исторических факта. Речь идёт о деятельности Ивана IV (Грозного) и Петра I. Оба они, заботясь о расширении российского государства, преумножении его мощи, выбрали для этого, каждый своё, генеральное направление: первый – восточное, второй – западное. К сожалению, большая часть из приращений, полученных в результате деятельности Петра I, относящихся, прежде всего, к Прибалтике и Украине, оказались в силу разных обстоятельств потеряны Россией.

Иное дело географический вектор, заданный Иваном IV. Благодаря ему преумножение российского государства получило мощный импульс. Благодаря его деятельности наступило многовековое, устойчивое продвижение России на восток.

Исторически так случилось, что в отличие от западноевропейских стран расширение российского государства происходило не путём захвата новых территорий, сгона и даже уничтожения проживавшего там населения, а присоединением к его основной (коренной) части пустовавших до того или крайне слабо заселённых регионов Сибири и Дальнего Востока.

Детерминанты восточного вектора демографического развития России

Благодаря выбору восточного вектора расширения государства (западноевропейские страны в то время также приумножали свои владения путём захвата колоний на американском, азиатском и африканском континентах) Россия, во-первых, не только стала, но и смогла сохранить статус самой крупной страны среди всех государств мира. Ныне ей принадлежит 1/8 часть суши (св. 17 млн кв. км). По величине территории Россия больше чем Канада в 1,7 раза, а чем Китай или США – в 1,8 раза.

Во-вторых, продвижение на восток привело к тому, что Россия стала примыкать не только к Северному Ледовитому, но и к Тихому океану. Так же, как на западе, у России на востоке стало достаточно выходов к мировому океану. Помимо северной акватории (прежде всего, Баренцево море), Балтийского и Чёрного морей, прибавились Охотское и Японское моря, а также прямой выход в Тихий океан. Это существенно расширило объективные условия для крупномасштабного развития военного, торгового и рыбопромыслового флота, добычи нефти и других ресурсов прибрежных шельфов. Если выходы из Балтийского и Чёрного морей находятся под контролем других государств, что делает российское присутствие там достаточно уязвимым, то северные и особенно дальневосточные акватории обес-

печивают полноценное использование российским флотом (военным, торговым, рыбопромысловым, туристическим) просторов мирового океана. Подобными преимуществами из крупных стран обладают лишь США и, пожалуй, Канада. В отличие от США у России тихоокеанское побережье менее благоприятно для освоения и особенно заселения. Однако прибрежной территории на Тихом океане России достаточно для создания там необходимой инфраструктуры, обеспечивающей строительство и базирование всех видов морского флота.

В-третьих, в результате продвижения России в Сибирь и на Дальний Восток она превратилась в страну, обладающую богатейшими природными ресурсами. Лесные ресурсы в полной мере обеспечивают нашу страну деловой древесиной, сырьём для производства целлюлозы, картона, бумаги и т.д. На долю России приходятся десятки процентов мировых запасов природного газа, нефти, угля и т.д. Страна обладает колоссальными мировыми запасами пресной воды (только в Байкале объём пресной воды составляет примерно одну пятую часть мировых запасов). Считается, что в России сосредоточена пятая часть мировых запасов ресурсов [1]. Это почти вдвое больше, чем удельный вес её территории. По разнообразию и объёмам природных богатств Россия является самодостаточной страной, способной не только многие десятилетия обеспечивать себя всем необходимым, но и поставлять различные виды ресурсов, прежде всего энергетические, в другие страны.

Наконец, в-четвёртых, в результате продвижения на восток Россия стала страной, расположенной на двух материках: европейском (там находится четвертая часть её территории) и азиатском (три четверти). Более того, занимая окраинные части европейского востока и азиатского запада, Россия является их соединением, которое может быть превращено во всесторонний транспортный коридор

(северный морской путь, воздушное пространство и наземные виды транспортного сообщения, такие как трубопроводы, железно- и автодорожные магистрали).

Превращение России в полноценный транспортный коридор, соединяющий Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион, предполагает проведение комплекса научных, организационных, технических и иных мероприятий, создание необходимой инфраструктуры, модернизацию железных и автомобильных дорог, привлечение современных транспортных средств и т.д. Ядром интегральной евразийской транспортной системы может стать скоростная железнодорожная магистраль, соединяющая порты Приморского края и пограничные пункты Китая с западной границей Беларуси [2]. Всё это, естественно, требует создания необходимой инфраструктуры, новых поселений и, соответственно, увеличения численности населения.

Демографическое развитие азиатской России до распада Советского Союза

Географические, природные, а также геополитические преимущества России изначально определили постепенное наращивание её экономического и демографического потенциала в восточной части страны. Движение населения на восток страны, начавшееся в конце XVI в., привело к тому, что в прошлом в безлюдных Сибири и Дальнем Востоке в начале 1871 г. уже проживало 3,4 млн человек. Спустя два десятилетия, в 1891 г., численность населения достигла 5,1 млн, а через 20 лет, в 1911 г., – 9,1 млн. В 1914 г. численность населения Сибири и Дальнего Востока превысила 10 млн человек, из них 7,8 млн проживали в Сибири и 2,2 млн – на Дальнем Востоке. Увеличение численности населения восточных регионов обеспечивали массовые переселения из сравнительно густозаселённых европейских губерний. По данным А.А. Кауфмана, только в 1900–1914 гг. в азиатскую часть России переселились 4,5 млн человек, из кото-

Таблица 1

**Доля азиатской и европейской частей в населении России
в 1926–1989 гг., в %**

	Всесоюзные переписи населения, годы					
	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Европейская часть	87,5	84,6	80,8	80,5	79,6	78,2
Азиатская часть	12,0	14,5	18,3	18,4	19,0	19,7
Тюменская область *	0,5	0,9	0,9	1,1	1,4	2,1
Россия в целом	100	100	100	100	100	100

Источник: [4, с. 50–53]. *Вместе с автономными округами.

Таблица 2

**Удельный вес азиатской и европейской частей в населении России
в постсоветский период, в %**

	Переписи населения***			01.01.2020 г.****
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	
Европейская часть*	78,2	79,3	79,8	79,9
Тюменская область**	2,1	2,3	2,4	2,6
Азиатская часть	19,7	18,4	17,8	17,5
в т.ч. Сибирь	14,3	13,8	13,4	13,3
Дальний Восток	5,4	4,6	4,4	4,2
Россия	100	100	100	100

Источники: [5, с. 77; 6]. * Без Крыма; ** Тюменская область вместе с автономными округами; ***[14, с. 21–23], **** Предварительные данные Росстата.

рых 2,6 млн проследовали туда в 1907–1911 гг. [3].

Необходимость широкомасштабного вовлечения природных ресурсов в народнохозяйственный оборот одновременно с укреплением азиатского геополитического статуса страны в полной мере осознавались в советские годы, о чём свидетельствуют успехи в заселении Сибири и Дальнего Востока. Причём рост численности населения азиатской части страны происходил вплоть до окончания советского времени. Процесс заселения восточных регионов не прекращался ни в довоенные, ни в послевоенные, ни даже в военные годы. Так, с 1926 г. по 1939 г. на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан и Среднюю Азию переселились примерно 5 млн человек, из которых 2 млн осели

на Урале, 0,7 млн — в Кузнецком угольном бассейне и 0,8 млн — на Дальнем Востоке.

О переселениях в годы войны говорят данные о динамике населения с 1939 г. по 1959 г. В этот период население страны возросло на 9,5%, Урала — на 28%, а Сибири и Дальнего Востока — на 35,4%. В послевоенные годы особенно интенсивными были переселения на Дальний Восток, в динамике населения которого в 1951–1990 гг. миграционной компоненте принадлежало около 30%. О том, что при осуществлении стратегии демографического развития страны её восточный вектор в советские годы всегда оставался приоритетным, свидетельствуют данные табл. 1.

С 1926 по 1959 г. доля Сибири и Дальнего Востока увеличилась на 6,3 процент-

ных пункта, или более чем в 1,5 раза. Затем наступило более медленное повышение доли этих регионов. Наиболее высокие темпы роста населения пришлось на Тюменскую область, переданную в административное подчинение Уральскому федеральному округу. Быстрое наращивание производства нефти и газа в автономных округах привело к увеличению численности и доли населения Тюменской области в 1989 г., по сравнению с 1959 г., в 2,3 раза, а к 1926 г. — в 4,2 раза. Численность населения азиатской части России в 1989 г. выросла, по сравнению с 1926 г., на 18 млн человек, а вместе с Тюменской областью — на 20,5 млн.

Демографическое развитие Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период

В 1990-е гг. после распада Советского Союза Россия утратила ряд ориентиров, придерживаясь которых она усиливала свой геополитический статус и укрепляла экономическую мощь. К числу таких ориентиров относятся многовековое продвижение России на восток и наращивание там экономического и демографического потенциала. Этот вывод наглядно демонстрируют данные табл. 2.

За прошедшие три десятка лет, т.е. за весь постсоветский период, численность населения России сократилась на три млн человек (на 2%). Если за рассматриваемое время население европейских районов осталось тем же, то в азиатской части страны оно сократилось на 3,7 млн (на 0,7 млн человек возросло население Тюменской области). Доля азиатских регионов во все годы, указанные в табл. 2, последовательно сокращалась: сибирских регионов с 14,3% в 1989 г. до 13,3% — в 2020 г. (до 93%) и дальневосточных — с 5,4 до 4,2% (до 78%). За эти примерно три десятка лет население Дальнего Востока сократилось на 1,8 млн человек. Большая часть этого сокращения приходится на годы первого этапа депопуляции, который продолжался в России с 1992 г. вплоть до 2012 г.

В целом естественная убыль населения России в 1991–2018 гг. превысила 13,5 млн человек, что относительно средней численности населения за весь период составляет примерно 9–10%. За это же время естественная убыль населения Сибири составила 6%, а Дальнего Востока — 5%.

Эти цифры — свидетельство того, что потери численности населения Сибири и Дальнего Востока вызваны не столько естественной убылью, сколько миграционным оттоком жителей этих регионов. В течение 1991–2018 гг. миграционная убыль населения Сибири составила 1150 тыс. человек (все потери приходятся на районы Восточной Сибири), а Дальнего Востока — 1,4 млн (это примерно 80% всех потерь населения региона за рассматриваемые годы). Наибольшие потери, по 200–240 тыс. человек, пришлось на Приморский и Хабаровский края, Амурскую область и Чукотский автономный округ.

Надо иметь в виду, что в этот период Россия в целом имела миграционный прирост населения, который достиг 7,5 млн человек. Этот прирост, компенсировав более 55% естественной убыли населения страны, почти полностью влился в население Москвы и Подмосковья, Санкт-Петербурга и Краснодарского края. Число жителей этих районов с 1989 по 2018 г. возросло почти на 6 млн человек. В целом по России (в сопоставимых границах) оно сократилось на 3 млн.

В десятые годы XXI в. естественная убыль населения заметно сократилась, в том числе и в азиатской части страны. Это во многом было вызвано начавшейся в стране реализацией национальных проектов, направленных на увеличение продолжительности жизни населения (с 2006 г.) и повышение рождаемости (2007 г.). В 2011–2018 гг. естественная убыль стала меньше, чем в 2001–2010 гг., в Западной Сибири — в 6,7 раза, на Дальнем Востоке в 30 раз, а в Восточной Сибири её сменил естественный прирост.

Таблица 3

**Доля лиц, проживших в местах вселения менее двух лет,
в населении ряда регионов Сибири и Дальнего Востока**

	Доля мигрантов, проживших в местах вселения менее двух лет, во всём населении региона			Численность всех мигрантов		
	1979 г.	1994 г.	2015 г.	1979 г.	1994 г.	2015 г.
Россия	8,7	3,2	1,2	16,2	7,5	2,9
Бурятия	17,9	3,8	2,1	30,9	9,1	5,1
Тыва	12,7	4,9	4,1	27,5	12,9	10,1
Саха (Якутия)	17,4	4,4	2,4	27,1	9,2	5,2
Чукотский АО	20,7	3,5	2,7	26,7	4,9	4,7

Источники: [7, с. 361; 8, с. 36–51; 9, с. 194–287].

Сдвиги произошли и в миграции населения. В 2011–2018 гг. отток населения из Западной Сибири сократился по сравнению с 2001–2010 гг. в 4,6 раза, из Восточной Сибири – в 2,3 раза и с Дальнего Востока – втрое. Сокращение миграционного оттока, а это основной фактор уменьшения численности населения восточных районов, связано не с тем, что сгладились различия в условиях жизни в азиатских и европейских регионах страны, а по другим причинам, одна из которых – изменение состава жителей Сибири и Дальнего Востока. Подобное произошло даже в национальных регионах азиатской части России (табл. 3).

Во всех сибирских и особенно дальневосточных регионах увеличилась доля постоянного населения, в связи как с повышенным миграционным оттоком из них проезжего населения так и с сокращением потока прибывших туда мигрантов из других мест. Например, на Чукотке доля мигрантов, проживших в месте вселения менее двух лет, во всём населении в 2015 г. была меньше, чем в 1979 г., в 7,7 раза.

Уже к началу XXI в., как зафиксировала проведённая в 2002 г. перепись населения, уровень стабильности состава жителей Сибири и Дальнего Востока сравнялся со средним по стране, достигнув соответственно 84 и 85% (местные уроженцы и старожилы, т.е. прожившие в этих ре-

гионах не менее 10 лет). По сути, к этому времени во всех регионах, за исключением двух северных, завершилось формирование постоянного населения. Вторым, во многих из них это произошло не столько в результате перехода новосёл в категорию старожилов, сколько вследствие массового миграционного оттока населения.

Ускоренный рост продолжительности жизни населения – основной приоритет восточных районов страны

Если повышение уровня стабильности населения азиатских регионов России – это благоприятный фактор, способствующий сокращению миграционного оттока населения, то продолжающееся уже многие десятилетия отставание Сибири и Дальнего Востока от среднероссийского уровня продолжительности жизни населения до сих пор остаётся важнейшим детерминантом миграционной активности населения, его оттока в центральную часть страны. Продолжительность жизни населения – это интегральный показатель условий его жизни. Ещё в начале 60-х гг. Е.М.Левицкий выявил существенное отставание ожидаемой продолжительности жизни населения сибирских и дальневосточных регионов от среднего уровня по стране. Рассчитан-

ные им данные показали, что в середине XX в. ни в одном из азиатских регионов России уровень продолжительности жизни населения не был не то чтобы выше, но и равным среднероссийскому. В Западной Сибири и на Дальнем Востоке в целом этот показатель был ниже, чем в среднем по России, почти на год, а в Восточной Сибири — на 2 года [10]. Естественно, это во многом способствовало оттоку населения из азиатских районов. Несмотря на заметное увеличение в десятые годы XXI столетия, до сих пор сохраняется отставание от среднероссийского уровня продолжительности жизни населения восточных районов.

В 1991 г. наибольшее отставание от среднего по России уровня продолжительности жизни населения (на два и более лет) наблюдалось в пяти из 20 регионов Сибири и Дальнего Востока. Хуже всего положение сложилось в Тыве, где этот показатель был ниже среднероссийского на 7,7 года. К 2005 г. произошло резкое сокращение продолжительности жизни населения России, особенно в ряде восточных районов. В целом по стране уровень продолжительности жизни населения сократился на 3,6 года, тогда как в республиках Тыва, Бурятия, Алтай и Хакасия, Забайкальском и Хабаровском краях, Иркутской, Кемеровской, Амурской, Сахалинской областях и Еврейской автономной области, а также Чукотском автономном округе это уменьшение составило от 5 до 7,7 года. В том же году продолжительность жизни населения Забайкальского края была ниже средней по стране на 6,1 года, Еврейской АО — на 6,2 года, Чукотского АО — на 6,9 года, а Республики Тыва — даже на 9,6 года.

К 2010 г. практически восстановился уровень продолжительности жизни, который был в 1991 г. Правда, в Бурятии и Тыве, Иркутской и Сахалинской областях, Камчатском и Хабаровском краях продолжительность жизни населения в 2010 г. на один год с небольшим была ниже, чем в 1991 г., в Кемеровской и Магаданской области — на 2 года, а в За-

байкальском крае и Амурской области — на 2,5 и 3 года.

В наиболее благополучном 2018 г. при средней по стране продолжительности жизни населения почти в 73 года в более чем половине регионов Сибири и Дальнего Востока этот показатель превысил 70 лет, причём в Новосибирской и Омской области он был почти 72 года, а в Томской области и Республике Саха (Якутия) — даже около 73 лет. В наибольшей мере продолжительность жизни населения в 2018 г. увеличилась по сравнению с 2010 г. в республиках Тыва и Саха (Якутия) — примерно на 6 лет (5,97 и 5,92 года). Подобная динамика, а тем более достигнутый уровень этого показателя в Республике Саха (Якутия), регионе с самыми суровыми природными условиями в стране, заслуживает того, чтобы стать предметом исследования Минздрава России.

В целом же, несмотря на достигнутые успехи, ни в одном из сибирских и дальневосточных регионов ожидаемая продолжительность жизни населения не превысила среднероссийский уровень, т.е. осталась ниже, чем в европейской части страны. Наихудшие показатели сохранились в Чукотском АО, Тыве, Еврейской АО и Забайкальском крае.

Таким образом, в сибирских и дальневосточных регионах до настоящего времени сохраняется отставание условий жизни населения от среднероссийского уровня. Об этом наиболее убедительно свидетельствуют показатели ожидаемой продолжительности жизни населения, интегрально характеризующие его благосостояние. Данные показатели уже многие десятилетия остаются ниже, чем средние по России. Эта ситуация обуславливает и то, что во многих регионах Сибири и на Дальнем Востоке по крайней мере три десятка лет продолжается миграционный отток населения. Как результат — постоянно сокращается доля жителей Сибири и Дальнего Востока в населении России. Собственно, это те наиболее актуальные демографические проб-

лемы азиатской части России, от решения которых во многом зависят социально-экономическое благополучие России и сохранение её геополитического статуса в будущем.

Заключение

Ещё в советское время стратегия демографического развития, по крайней мере Дальнего Востока, даже не будучи оформленной соответствующим образом, тем не менее неукоснительно выполнялась, о чём свидетельствуют факты, о которых говорилось выше. К сожалению, после развала Советского Союза всё изменилось. Но в последние годы наметилась линия на возвращение к прежней стратегии, о чём свидетельствует ряд постановлений Правительства Российской Федерации. Среди них – «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» и «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.». Правительством разработан закон «О территориях опережающего социально-экономического развития и иных мерах государственной поддержки регионов Дальнего Востока». Этим документом устанавливаются особые правовые режимы осуществления предпринимательской и иной деятельности (льготные ставки арендной платы, применение процедур свободной таможенной зоны, освобождение от уплаты налогов на имущество и землю, введение на пять лет нулевой ставки на прибыль, льгот по налогу на добычу полезных ископаемых, пониженные тарифы страховых взносов и пр.) В Приморском крае

на базе существующего судоремонтного предприятия создаётся мощный судостроительный комплекс и т.д.

К сожалению, все эти и подобные им программы и решения носят не только запоздалый, но и в какой-то мере разрозненный характер, причём все они нуждаются в корректировке [2, с. 90]. Добавим, что это в первую очередь относится к вопросам демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Здесь нужна не корректировка, а разработка общей стратегии и перспективных программ демографического развития всей азиатской части страны [11]. Очевидно, что разработка стратегии демографического развития Сибири и Дальнего Востока не может быть оторвана от стратегии экономического подъёма азиатской части страны, геополитически и экономически наиболее важной для будущего всей России.

Стратегия должна исходить из необходимости обеспечения непрерывного роста демографического потенциала, причём темпами, опережающими средние по стране. Этот рост может быть обеспечен обеими компонентами демографической динамики: естественным и миграционным приростом. Необходимо, чтобы доля Сибири и Дальнего Востока в общероссийском миграционном приросте стала выше их доли в населении страны. Важнейшее звено стратегии демографического развития Сибири и тем более Дальнего Востока состоит в ускоренной ликвидации отставания этих регионов от среднего по стране уровня ожидаемой продолжительности жизни населения [12, 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. М.: Финстатинформ, 2002.
2. Проект Интегральной евразийской транспортной системы. Научный совет по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знаний». М., 2007.

3. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905.
4. Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник / Госкомстат РФ. М., 1998.
5. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2011.
6. <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.04.2020 г.).
7. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1984.
8. Продолжительность проживания населения России в месте постоянного жительства (по данным микропереписи населения 1994 г.). М., 1995.
9. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 10. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005.
10. Левицкий Е.М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни / СО АН СССР. Новосибирск, 1982.
11. Рыбаковский Л.Л., Савинков В.И., Кожевникова Н.И. Демографическое развитие азиатской России в XX–XXI веках: оценка результатов // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 64–74. DOI: 10.31857/S013216250002786-7.
12. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И., Савинков В.И. Продолжительность жизни населения Сибири и Дальнего Востока и её динамика в общероссийских координатах (1959–2015 гг.) // Народонаселение. 2018. № 3. С. 4–20. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-01.
13. Рыбаковский О.Л. Демографическая динамика России: основные понятия, показатели, итоги за 1946–2017 гг. // Народонаселение. 2018. № 4. С. 14–22.
14. Демографический ежегодник России – 2005: Статистический сборник. М.: Росстат, 2005.

ENGLISH

The Eastern Vector – Priority Course of Russia’s Demographic Development

Rybakovsky Leonid Leonidovich – Doctor of Economics, Chief Researcher at the Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology (ISPR FCTAS) of the Russian Academy of Sciences, Head of the project – “The Eastern Vector of Russia’s Demographic Development: Rationale of Strategic Objectives, Courses, Priorities” (17-03-00256a).

E-mail: 1284781@mail.ru

Rybakovsky Oleg Leonidovich – Doctor of Economics, Head of the Department of Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, the Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (FCTAS ISESP RAS), Chief Researcher of ISPR FCTAS RAS, executor of the same project.

E-mail: 1246185@mail.ru

Fadeeva Tamara Andreevna – Candidate of Sciences in Economics, Senior Researcher at ISPR FCTAS RAS, executor of the same project.

E-mail: fadeevatoma@gmail.com

The article covers the historical determinism of Russia’s choice of priority courses in terms of its subsequent centuries-long development. Being not only a European country but also an Asian one, Russia has developed into the largest country in the world, gaining access to the Pacific Ocean, expanding the opportunities for large-scale fleet development and extraction of coastal shelf resources. It has grown into the country rich in its natural resources. The necessity for large-scale integration of natural resources in the national economy along with the strengthening the Asian geopolitical status of the country was fully recognized in the Soviet years as evidenced by the successful settlement of Siberia and the Far East. The article states that in the 1990s Russia

lost a number of benchmarks serving as boosters for its geopolitical status and economic power. The paper provides evidence that for many decades the life expectancy level in Siberia and the Far East has been below its average level within the country, which remains a major determinant of migration outflows and the population decline in these regions of Russia. The authors present approaches to form the strategy of demographic development with respect to the eastern part of the country. The strategy proceeds from the need to ensure continuous growth of the demographic potential and at the same time to address ethnic, natural, geographical, geopolitical, and other conditions of the regions, which largely determine the specific character of population dynamics, its settlement, and much more.

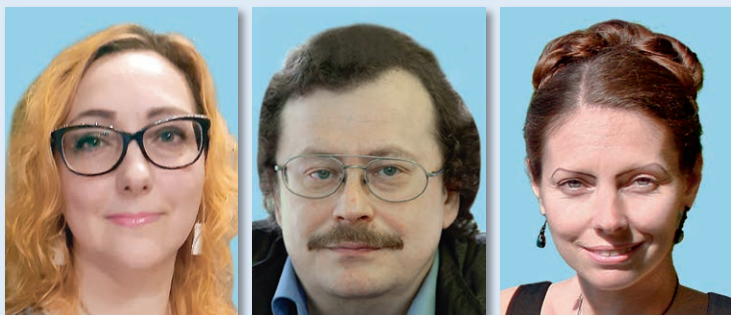
Keywords: natural population decline, migration population decline, demographic development, demographic dynamics, eastern vector

REFERENCES

1. Senchagov V.K. Ekonomicheskaya bezopasnost': geopolitika, globalizatsiya, samosokhranenie i razvitie. M.: Finstatinform, 2002 (in Russian).
2. Proekt Integral'noy evraziyskoy transportnoy sistemy. Nauchnyy sovet po Programme fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma RAN «Ekonomika i sotsiologiya znaniy». M., 2007 (in Russian).
3. Kaufman A.A. Pereselenie i kolonizatsiya. SPb.: Tip. t-va «Obshchestvennaya pol'za», 1905 (in Russian).
4. Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997). Statisticheskiy sbornik. Goskomstat RF. M., 1998 (in Russian).
5. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. M.: Rosstat. 2011 (in Russian).
6. <https://www.gks.ru/folder/12781> (data obrashcheniya: 10.04.2020 g.) (in Russian).
7. Chislennost' i sostav naseleniya SSSR. Po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1979 goda. M.: Finansy i statistika, 1984 (in Russian).
8. Prodolzhitel'nost' prozhivaniya naseleniya Rossii v meste postoyannogo zhitel'stva (po dannym mikroperepisi naseleniya 1994 g.). M., 1995 (in Russian).
9. Prodolzhitel'nost' prozhivaniya naseleniya v meste postoyannogo zhitel'stva. Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda. T. 10. M.: IITS «Statistika Rossii», 2005 (in Russian).
10. Levitskiy E.M. Ekonomiko-statisticheskoe issledovanie vosproizvodstva naseleniya Sibiri i Dal'nego Vostoka na osnove tablits prodolzhitel'nosti zhizni / SO AN SSSR. Novosibirsk, 1982 (in Russian).
11. Rybakovskiy L.L., Savinkov V.I., Kozhevnikova N.I. Demograficheskoe razvitie aziatskoy Rossii v XX–XXI vekakh: otsenka rezul'tatov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. № 11. S. 64–74. DOI: 10.31857/S013216250002786-7 (in Russian).
12. Rybakovskiy L.L., Kozhevnikova N.I., Savinkov V.I. Prodolzhitel'nost' zhizni naseleniya Sibiri i Dal'nego Vostoka i eyo dinamika v obshcherossiyskikh koordinatakh (1959–2015 gg.) // Narodonaselenie. 2018. № 3. S. 4–20. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-01 (in Russian).
13. Rybakovskiy O.L. Demograficheskaya dinamika Rossii: osnovnye ponyatiya, pokazateli, itogi za 1946–2017 gg. // Narodonaselenie. 2018. № 4. S. 14–22 (in Russian).
14. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii – 2005. Statisticheskiy sbornik. M.: Rosstat, 2005.

УДК 16
ГРНТИ 02.21.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-55-68

**В.С. ПОПОВА,
А.Г. ПУШКАРСКИЙ,
Л.С. СИРОТКИНА***

Феномен логической культуры в России: прошлое и современность

В статье представлены результаты исследования феномена логической культуры. Сформулировано определение понятия, обозначены уровни бытия логического в культуре. Выделен и охарактеризован личностный уровень логической культуры как системного качества интеллектуальной деятельности, базовым компонентом которого является логическая культура мышления. Структура последней представлена как отображение макроструктуры процесса мышления и охарактеризована через содержательную, процессуальную и личностную составляющие. Выявлены и описаны формы логической культуры мышления: тривиальная прологическая, рефлексивная и профессионально-методологическая.

Подчёркнута культурно-историческая обусловленность персональной логической культуры, в связи с чем развитие последней рассматривается в историческом контексте, анализируются особенности дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Охарактеризована специфика современного состояния трансляционного и кумулятивного уровней бытия логического на российском культурном пространстве, констатируется складывание неблагоприятной культурно-образовательной среды для распространения логической культуры как основы рациональности.

Перспективы повышения логической культуры авторы видят в конструировании философских практик, интегрирующих возможности формального, неформального, информального образования. Логика и её профессиональное преподавание в этой модели рассматриваются как необходимое средство и условие сохранения традиций логической культуры, формирования высокого уровня рациональности мышления и действия.

* **Попова Варвара Сергеевна** — доктор философских наук, доцент Балтийского федерального университета (БФУ) им. И. Канта, руководитель проекта «Логическая культура в России: прошлое и современность» (17-03-00707а).

E-mail: varyud@mail.ru

Пушкарский Анатолий Геннадьевич — старший преподаватель БФУ им. И. Канта, исполнитель того же проекта.

E-mail: pushcarskiy@mail.ru

Сироткина Людмила Сергеевна — кандидат философских наук, доцент БФУ им. И. Канта, исполнитель того же проекта.

E-mail: lyusir.ru@mail.ru

Ключевые слова: логическая культура, логика, рациональность, формы логической культуры мышления, интеллектуальная деятельность, логическое образование, философские практики

Введение

Владение логикой и следование её нормам в практике мышления (обозначим это предварительно как логическая культура (далее – ЛК)) являются несомненными положительными качествами мыслящей личности. Логически организованное мышление имеет зримое практическое значение в любой сфере жизни настолько, насколько той или иной деятельности присуща рациональность. Понятие рациональности широко обсуждается в современной эпистемологии и философии науки. Определения очень различны и не всегда ассоциированы с логикой. Интересен подход В.Н.Поруса, согласно которому рациональность мыслится как форма человеческой свободы в сфере познания и действия [1, с. 24].

В этом контексте логика, понимаемая как нормативная наука, очерчивающая границы правильного мышления, осуществляющая функцию критики, парадоксальным образом оказывается чуждой рациональности. С этим нельзя согласиться: логика вносит значительную лепту в осуществление свободы мышления и действия, она даёт интересующим объективные основания для человеческого взаимодействия. И степень этой свободы определяется, на наш взгляд, кроме всего прочего, уровнем владения логикой, способностью эффективно пользоваться предоставляемым ею инструментарием, всем многообразием средств построения надёжного рассуждения для отыскания истины.

Коллектив авторов полагает, что ЛК является неотъемлемым атрибутом рационального мышления и, следовательно,

рационального действия, т.е. действия, соответствующего установленным законам, правилам, образцам, технологиям, обычаям. При этом ЛК как качество деятельности интеллекта не блокирует актуализацию творческих способностей личности. Напротив, реализация ЛК предполагает вариативность, образность мышления, творческое оперирование объектами, поскольку деятельность мышления комплексна¹. Логика как наука является наиболее важной дисциплиной для намеренного и систематического формирования ЛК мышления.

Исходя из результатов исследования феномена ЛК и опираясь на исторический материал, в котором прочитывается образцовое владение логической культурой в научно-образовательной среде России конца XIX – первой четверти XX в., коллективом получены выводы относительно современной роли логики в образовании.

Феномен логической культуры: личностный ракурс

ЛК традиционно рассматривается как атрибут интеллектуальной деятельности, обнаруживающий себя в качественно специфичных навыках мышления (навыках правильного оперирования понятиями, использования корректных форм рассуждений и т.п.). В данном случае, однако, элиминированным из рассмотрения оказывается значительный класс объектов, связанных с бытием логического в культуре, а сама характеристика мышления упрощается до её операциональной составляющей. Реализация системного подхода к исследованию ЛК, предполагаю-

¹ Так, Е.В. Яковлева в результате анализа тематических исследований выявила тесную взаимосвязь между логическим, творческим и профессиональным мышлением (см.: [2, с. 221]).

щего, среди прочего, культурологический анализ данного феномена, позволяет интерпретировать ЛК как исторически сложившуюся национально/конфессионально/территориально/ и т.д. специфичную, закрепившуюся в массово воспроизводимых в обществе культурных кодах, институционально оформленную совокупность всех достижений общества в сфере логического [3, с. 29]. При этом традиционное представление ЛК как атрибута мыслительной активности репрезентирует один из существенных уровней функционирования ЛК – личностный, обнаруживающий себя в различных слоях культуры: кумулятивном, трансляционном и обыденном.

ЛК как составляющая базовой культуры личности не ограничена исключительно ЛК мышления – признаки логичности и «культурности» приписываются различным интеллектуальным и речевым практикам. В связи с этим рассматриваемая в личностном ракурсе ЛК определяется следующими свойствами: 1) ЛК – атрибут форм активности субъекта, основанных на процедурах вербального мышления; 2) ЛК выражается в соответствии нормативным образцам мыслеречевой деятельности, имеющим ценность в соответствующей культуре; 3) ЛК отражает следование логическим нормам (последовательности, определённости, взаимосвязанности, непротиворечивости и т.п.). ЛК определяется, таким образом, на множестве процессов вербального мышления, речи, речевого общения, различных интеллектуальных видов человеческой деятельности (исследования, планирования, управления, др.) [3, с. 31; 4, с. 81].

Базовой составляющей ЛК как атрибута культуры личности является, тем не менее, ЛК мышления. Предлагаемая нами дефиниция ЛК основывается на следующих признаках: 1) ЛК содержит рефлексивный компонент, направленный, в частности, на выделение формальной стороны рассуждений; 2) ЛК предпола-

гает формирование специальных навыков мышления [5, с. 106; 6, с. 67]; 3) она намеренно и систематически формируется путём освоения логической теории и практики корректного рассуждения; 4) предполагает соотнесение внутренних требований к мышлению с внешними идеалами, целями и ценностями рационального познания; 5) ЛК выражается в эпистемологическом стиле мыслящего субъекта и интеллектуально ориентированных практиках. Таким образом, ЛК мышления представляет собой систему качеств мыслеречевой деятельности человека, приобретение и применение которых определяется формами, ценностями и нормами логического знания: ясностью, непротиворечивостью, определённой, обоснованностью, последовательностью [4, с. 81; 7, с. 216].

Структура ЛК выявляется посредством отображения макроструктуры процесса мышления: компонентами ЛК являются содержательный, процессуально-операциональный и личностный, каждый из которых необходим для задания свойств ЛК как системного образования и определяется некоторым множеством параметров:

- ◆ Содержательный компонент характеризуется функционированием в мышлении логических форм мысли (а не их когнитивных псевдорепрезентантов [8]), соответствием содержательных единиц требованиям закона тождества (определённостью), неложностью высказываний, используемых для построения рассуждений, субъективной определённой логического «статуса» мыслей.
- ◆ Процессуальный компонент – направленностью мышления на формальную сторону содержательных конструктов, рефлексивностью в отношении логических аспектов рассуждения, логической корректностью процесса и результата рассуждений, присущностью процессу мышления качеств ясности, определённости, последовательности, непротиворечивости, релевантности задаче и т.п.

В этом пункте нельзя не согласиться с И. Кантом, что «логика есть самопознание рассудка и разума» и «органон для оценки и исправления нашего знания» [9, с. 321].

- ◆ Личностный компонент – ценностным отношением к логическому в целом, логике мышления, в частности, психологической готовностью использовать логические средства для организации и осуществления мыслительных процедур, целенаправленностью – ориентацией на логические признаки и нормы при построении и оценке рассуждений, наличием мотивации (включающей потребности, установки, цели) логиче-

ски корректного мышления [3, с. 33; 7, с. 217–218].

Формы проявления ЛК в структуре интеллектуальной деятельности субъекта индивидуально специфичны и имеют качественные различия (табл. 1).

Высшая – методологическая – форма ЛК представляет собой совокупность качеств мыслеречевой деятельности, которые формируются как отражение внешних идеалов научно-познавательных практик. Эта форма ЛК имеет культурно-историческую обусловленность. Поэтому процессы формирования и реализация ЛК просматриваются в оптике интеллектуальной истории, истории преподавания логики,

Таблица 1

Формы и признаки ЛК

Формы ЛК	Признаки
Тривиальная форма — про (логическая культура) ¹	<ol style="list-style-type: none"> 1. Представляет собой навыки корректного оперирования логическими формами мысли, функционирующие на уровне неосознаваемых операций и образующие логическую интуицию. 2. Структурно вырождена до операционального компонента; личностный не отрефлексирован, формы его проявления зависимы от внешних факторов и неустойчивы. 3. Прямая связь с уровнем оперирования формами мысли отсутствует.
Рефлексивная (деятельностная) форма	<ol style="list-style-type: none"> 1. Основывается на позитивной мотивации логически нормированного дискурса. 2. Характеризуется корректным оперированием формами мысли на основании действий или вторично неосознаваемых операций, которые при необходимости могут быть развёрнуты и осознаны. 3. Отличается отрефлексированностью, по крайней мере, операционального компонента ЛК. 4. Как правило, ограничивается репродуктивными формами логической деятельности.
Высшая — профессионально-методологическая форма	<ol style="list-style-type: none"> 1. Базируется на нормативно-ценностных образах логики и логического. 2. Отличается фундированностью и отрефлексированностью личностной, содержательной и операциональной подструктур логической деятельности. 3. Предполагает корректное – независимо от интеллектуального контекста – осуществление логических процедур. 4. Характеризуется различными фундированными формами творчества в области логики и логического. Обнаруживает себя, в частности, в построении или нетривиальном применении логических теорий и конструировании логически ориентированных интеллектуальных практик [3, с. 33; 4, с. 81].

¹ И. Кант, используя понятие логического такта, подразумевал под ним некую врождённую логическую способность, действующую автоматически.

истории её присутствия в культурном поле той или иной эпохи.

Логическая культура как часть национальной интеллектуальной традиции

Традиция развития ЛК в российском образовании формировалась на протяжении нескольких веков, начиная с середины XVII в., когда было положено начало философскому, в том числе логическому, образованию в нашей стране (в Москве в нерегулярной Ртищевской школе и школе Симеона Полоцкого). В XVIII в. преподавание логики распространилось в светских школах и русских духовных семинариях. Логика являлась обязательным компонентом учебных планов российских университетов, причём даже в период глубочайшего кризиса философского образования (1850–1863 гг.). Вплоть до революции 1917 г. она неизменно преподавалась в высших и средних образовательных учреждениях Российской империи.

Важным периодом в становлении ЛК стала вторая половина XIX – первая четверть XX в. В это время формировался облик самобытной русской философии, которая остро нуждалась в профессиональном логико-аргументативном и риторическом аппарате. ЛК отвечала этой тенденции профессионализации философии, проявляя себя в высшей – рефлексивной – форме в деятельности русских университетских философов. Их отличали научный интерес к логике, стремление создать авторские руководства, задачки, курсы лекций и включать в них собственные определения важнейших логических понятий (выходят учебники и труды по логике таких значимых фигур, как М.И. Владиславлев (1872), Н.Я. Грот (1882), Л.В. Рутковский (1884), М.И. Каринский (1885), Н.Н. Ланге (1898), И.И. Лапшин

(1906), Г.И. Челпанов (1906), А.И. Введенский (1909), С.И. Поварнин (1916), Н.О. Лосский (1922) и др.).

Ещё одна тенденция этого периода – обращение к логике в рамках построения весьма различных по своей направленности философских концепций (например, русского варианта логицизма-критицизма А.И. Введенского, концепции исследования истории как проблемы логики Г.Г. Шпета). ЛК русских философов проявлялась в их эпистемологических стилях, в негласных требованиях к форме научной аргументации и ведения дискуссий.

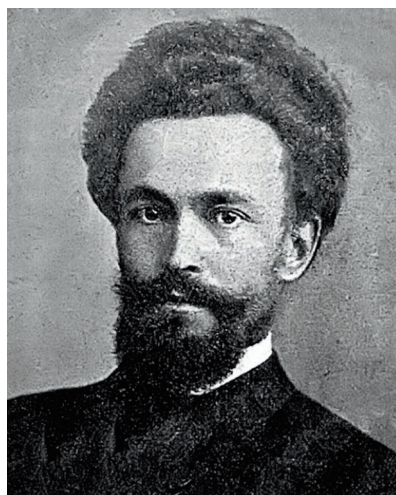
Уровень академической заинтересованности логикой и владения ЛК позволяет выделить особое логико-гносеологическое направление в русской философской мысли конца XIX – начала XX в., представители которого (И.И. Каринский, Н.А. Васильев, А.И. Введенский, И.И. Лапшин, В.Н. Ивановский и др.) особое внимание уделяли логике и её роли в познании и образовании¹. Резюмируя, можно сказать, что ЛК была неотъемлемым атрибутом философского пути и эпистемологического стиля практически каждого русского университетского философа, объединяющим и координирующим интеллектуальную деятельность началом. Этот опыт транслировался с кумулятивного (научно-академического) уровня бытия культуры в образовательную среду – на трансляционный уровень, а также, посредством общественной деятельности русских университетских мыслителей (философские общества, публичные лекции, научно-популярные публикации и т.п.), затрагивал обыденный уровень бытия культуры.

С наступлением советской эпохи основное влияние на логику и её преподавание оказала тотальная идеологизация всех сфер общественной жизни. Требо-

¹ Рамки статьи не позволяют показать всё богатство иллюстративного материала, удостоверяющего качество бытия ЛК в русской интеллектуальной среде дореволюционного периода. Детальный материал и выводы о свойствах ЛК русских университетских философов конца XIX – первой четверти XX в. представлен в публикациях [4, 7, 10, 11].

М.И. Владиславлев
(1840–1890)

Н.Я. Грот
(1852–1899)

М.И. Каринский
(1840–1917)

Н.Н. Ланге
(1858–1921)

А.И. Введенский
(1856–1925)

И.И. Лапшин
(1870–1952)

Г.И. Челпанов
(1862–1936)

С.И. Поварнин
(1870–1952)

Н.О. Лосский
(1870–1965)

вался не просто демонтаж буржуазного образования и науки, требовалось строительство новой «революционной» науки¹ и прогрессивного образования: «Особенно глубоко и негативно феномен идеологизированной науки проявился в области логики. Среди сторонников марксистско-ленинской идеологии формальная логика продолжительный период рассматривалась как цитадель метафизического мышления, которое несовместимо с диалектикой, которое является по своей природе буржуазным и противостоит стремлению создать пролетарскую науку, диалектическую по своей сущности» [12, с. 33].

В 1920-гг. в результате начавшихся реформ логика была вычеркнута из университетского образования, кафедры философии, по которым она проходила, закрыты, а дореволюционные преподаватели (например, Г.И.Челпанов, С.И.Поварнин) уволены. При подготовке специалистов заменой полноценного преподавания логики служила математика, в которой логика присутствовала прямо или опосредованно. Поэтому в СССР логика развивалась сначала почти исключительно в рамках математики, более свободной от идеологического давления. И даже с появлением кафедр логики на философских факультетах² в ведущих университетах логические исследования находились под постоянной идеологической критикой со стороны приверженцев марксистско-ленинской диалектики.

В рамках реформ образования 1920–1930 гг. специалистов в гуманитарных областях предполагалось готовить в отдельных специализированных институтах, преподавание логики в которых также не предусматривалось — за формиро-

вание ЛК мышления гуманитариев в это время должна была отвечать марксистская диалектика. С одной стороны, догматический характер этого учения, которое явилось в некотором роде советской схоластикой³, мог способствовать развитию навыков систематического и формального мышления. С другой стороны, этот же идеологизированный догматизм сковывал научную мысль. Подобная ситуация привела к идее возвращения логики в учебный процесс. Логик С.И.Поварнин, уволенный из Петербургского университета в 1923 г., в марте 1939 г. в письме И.Сталину отмечал: «Науки в СССР, как мы знаем, движутся вперед широким фронтом... [Но есть одна область знания, совершенно не затронутая общим движением.] Я имею в виду учение об умозаключениях и доказательствах. Ведь и умозаключения, и доказательства существуют. Этого отрицать нельзя. Их роль в мышлении громадна. Почему же они не изучаются?...Пробел рано или поздно придется заполнить. Это совершенно неизбежно...» (цит. по [13, с. 140]).

Преподавание логики в Московском и Ленинградском университетах возобновилось уже в 1943 г. За постановлением ЦК ВКП(б) 1946 г. «О преподавании логики и психологии в средней школе» в 1947 г. последовали её включение в школьные программы в качестве обязательного предмета, образование кафедр логики, причём не только в МГУ и ЛГУ. Возобновилось преподавание логики в вузах, подготовка преподавателей для средних школ, научная работа в различных областях логики. И хотя её преподавание в школе пресеклось после прихода к власти Н.Хрущёва, кафедры логики бы-

¹ Были единичные выдающиеся достижения, оставшиеся, впрочем, почти незамеченными советской наукой. Так, например, И.Е.Орлов в попытке разработать новую логику науки на основе диалектического метода построил первую систему релевантной логики. Другие достижения в области логики, например работы В.И.Гливенко или Д.А.Бочвара, «шли по разделу» математики.

² В МГУ кафедра логики была создана в 1943 г. сначала как межфакультетская, в 1947 г. она вошла в состав философского факультета.

³ Сравнение философских работ В.И.Ленина со «своеобразной схоластикой (в дурном смысле слова)» принадлежит историку русской философии В.В.Зеньковскому.

ли сохранены, активно велись логические исследования¹. ЛК переживала процесс становления, шли ожесточённые дискуссии о роли логики, её связи с идеологией, о том, какой образ логики полезен государству². Так, критике подверглись последователи «буржуазной и идеалистической» математической логики. Постепенно стала проявляться явно и/или неявно выраженная двойственность логико-методологического мышления, которую можно считать определённым специфическим признаком советской ЛК. Происходила в некотором роде методологическая автономизация отдельных научных дисциплин, что позволяло уклоняться от идеологического прессинга. Сначала так произошло с математикой, затем с физикой и в последнюю очередь с логикой.

Таким образом, развитие ЛК в советский период характеризовалось как позитивными, так и негативными тенденциями: научная и прикладная ценность логики осознавалась, предпринимались попытки распространения логических знаний (в особенности – диалектической логики, к которой образованное население приобщалось повсеместно, которая имела для людей зримое прикладное значение); проводились исследования, обеспечивавшие рост логического знания; выстраивались междисциплинарные связи логики и математики, логики и социального знания. Однако эти позитивные тенденции не могли получить полного осуществления, поскольку им препятствовали идеологические ограничения (примат одного типа логики – диалектической). Развитие ЛК происходило главным образом по логико-методологическому направлению, в области эпистемологии, и оказало огромное влияние на прогресс советской науки.

Нужно отметить, что в советский период ситуация бытия логического на кулуарном уровне культуры не была однородной: при всей проблемности развития логики психологические и педагогические теории активно обращались к проблеме логического и внесли существенный вклад в развитие ЛК на отечественном культурном пространстве.

В связи с разработкой идеи проблемного и развивающего обучения колоссальный импульс получило изучение развития вербального мышления в детских возрастах (дошкольном и школьных). Объектом масштабных научных исследований, проводимых в русле идей Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, П.Я. Гальперина, стали не только общие операции анализа, синтеза, обобщения и абстрагирования (И.С. Булах, В.Н. Бутивщенко, Т.Н. Лисянская), но и конкретные процедуры логического мышления (классификация, определение, группировка, подведение под понятие, построение умозаключений и др.).

Широко исследовались особенности осуществления логических процедур у представителей разных возрастных категорий, в том числе взрослых (Е.Н. Кабанова-Меллер, Н.В. Подгорецкая, В.И. Решетников, Н.Ф. Талызина, Б.Ю. Шапиро, М.Н. Шардаков, другие), приёмы и средства формирования логических процедур, в том числе при изучении отдельных учебных дисциплин (Д.Н. Богоявленский, В.В. Левитес, И.Я. Лернер, Н.А. Менчинская, В.Ф. Паламарчук, И.Н. и Н.Н. Пospelовы, Л.Ф. Тихомирова, др.). Теоретические разработки нашли практическое применение в разнообразных педагогических практиках: технологиях проблемного обучения, развивающего обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова, Л.В. Занкова, программах и методиках

¹ Например, Е.К. Войшвилло, В.А. Смирнов, Е.Д. Смирнова, В.А. Бочаров, И.Н. Бродский, О.Ф. Серебрянников и др.

² О накале этих дискуссий может свидетельствовать стенограмма «Всесоюзного совещания преподавателей логики высших учебных заведений», которое было организовано Министерством высшего образования СССР, Академией общественных наук при ЦК ВКП(б) и Институтом философии АН СССР и прошло 21–26 июня 1948 г. См.: [14, с. 196–204].

развития логического мышления (например, у Н.Ф.Талызиной). И на уровне научных теорий, и в практике дошкольного и школьного образования логическая пропедевтика, ориентированная на становление структур логического мышления, выступала объектом интереса и исследовательских усилий многих отечественных учёных.

Существенные изменения произошли в постсоветский период. С одной стороны, в эпоху перестройки, после «демонтажа» идеологически ориентированного философского образования СССР произошло восстановление логической подготовки в системе высшего образования: логика, история философии и этика заменили курсы исторического и диалектического материализма. С другой стороны, по меткому выражению ведущего отечественного исследователя интеллекта М.А.Холодной, «интеллект оказался подвергнутым своего рода остракизму и на государственно-идеологическом, и на обыденно-жизненном, на профессионально-психологическом уровнях» [8, с. 10].

ЛК в пространстве современной культуры: российская специфика

Историко-ориентированная часть исследования позволила сделать вывод о том, что на российском культурно-образовательном пространстве логика, с момента её «вхождения» в него, занимала относительно устойчивое и заметное место, по крайней мере, в сферах науки и высшего образования. Образ логики был ценностно заострён применительно не только к специальным интеллектуальным практикам, но и к повседневности (в частности, выражено внимание российских учёных к практическим вопросам широкого логического образования). На современном российском социокультурном пространстве особенности бытия логического проявляются на трёх взаимодействующих уровнях: кумулятивном — в сфере науки, трансляционном — в сфере

образования, обыденном — в общественном сознании [3, с. 30].

Оставим в стороне обсуждение современного состояния развития логики, с которым ассоциированы складывание специфического её образа в науке, порождение значимых логических идей, формирование идеалов рациональности, связанных с ней стилей мышления и т.п. Сегодняшняя логическая наука в значительной степени дистанцирована от теснейшим образом сопряжённых между собой обыденного и трансляционного уровней бытия логического.

Образ логики, т.е. представление о ней внутри некоторого сообщества людей (обыденный уровень культуры), может выражаться в различной степени лояльности, а иногда — в своего рода «иммунитете» к рационально-логическим процедурам. В российской ментальности это может проявляться как пренебрежительное отношение к интеллектуальности в целом, обскурантизм, неформализованность языковых структур, порождающая своеобразную неаккуратность мышления, восприятие рациональных аргументов как неубедительных на фоне аргументации *ad hominem* и иные признаки нерациональности мышления.

Создать позитивный образ логики и тем самым повысить уровень ЛК в массовом сознании призвано логическое образование. Особенно значимо проникновение логических начал в социально-гуманитарное образование [15], которое способно укрепить «народный» авторитет логики, показать, как логика «работает», насколько важна рациональность мышления и действия, как полезна ЛК мышления для ориентации в структурах повседневности.

Какое место занимает логическая подготовка в структуре современного образования? Общая тенденция может быть охарактеризована как складывание неблагоприятной культурно-образовательной среды для распространения ЛК (табл. 2.).

Таблица 2

Логическая подготовка в структуре современного образования

Информальное образование	Неформальное образование	Формальное образование
Снижение уровня ЛК субъектов-трансляторов моделей логических структур, обусловленное негативными трансформациями неформального и формального образования ¹ .	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Практически полное размежевание логико-философских ориентиров и педагогических решений, ✓ закреплённость ложных представлений о возможности вольной интерпретации содержания логики как учебной дисциплины и осуществления «логической» подготовки некомпетентными лицами, ✓ выхолащивание собственно логического содержания образовательных практик, ✓ вытеснение его конструктами, базирующимися на зачастую искажённых житейских представлениях о логическом. 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Сворачивание программ непрофильного логического образования, ✓ реализация различных непродуктивных его моделей (с доминированием теоретического компонента над практическим, с отрывом логической подготовки от содержания, целей, специфики будущей профессиональной деятельности, с преобладанием самостоятельной работы студента над аудиторной) [17].

Общими особенностями компетентностной модели субъекта логической деятельности становятся искажённые представления о природе логического («логическое — это творческое», «логика — это часть математики» и т.п.), негативное отношение к логике, устойчивые стереотипы ненормированного осуществления логических процедур [18].

Есть ли решение проблемы элиминации логической пропедевтики — имеющей социально-значимые, но отсроченные последствия — из процесса образования современного человека? Авторы

видят его в конструировании философских практик, интегрирующих возможности формального, неформального, информального образования². Общие требования к их организации определяются рядом принципов (рис.).

Выводы

Современные методологические, эпистемологические и образовательные задачи должны решаться с учётом специфики ЛК как части национальной интеллектуальной традиции с погружением в логико-методологический опыт её луч-

¹ В наших исследованиях, проведённых среди учителей общеобразовательных учебных заведений, были получены следующие данные, характеризующие развитие ЛК: средний показатель правильности решения логических задач — 41,7% задач (соответствует низкому уровню); показатель продуктивной рефлексии в сфере оценки процесса и результата решения логических задач — 35,7% задач (соответствует критично низкому уровню); показатель оценки собственной ЛК как достаточной — 100% респондентов; наличие мотивации развития собственной ЛК — 0% респондентов [16, с. 98].

² Одной из продуктивных форм является организация на базе ведущих центров логического образования в России (вузов) широкого и многоформатного взаимодействия с вневузовским сообществом. На базе БФУ им. И. Канта (Калининград) в течение шести лет проходят олимпиады по логике для школьников. Преподаватели и студенты направления «Философия» организуют консультации до и после конкурсных мероприятий, в процесс вовлекаются педагоги и родители учащихся.

Рис. Принципы организации философских практик

ших образцов. Логика как наука и учебная дисциплина является наиболее эффективным средством сохранения традиций ЛК и инструментом формирования высокого уровня ЛК и как следствие — рациональности мышления и действия. Нынешний уровень вхождения логики в образование и массовое сознание явно не-

достаточен для систематического формирования рационально и творчески мыслящей личности в современных условиях колоссального информационного давления, «растерянности», дерационализации, фрагментации мышления, тенденций утраты суверенности сознания и потери цивилизационной аутентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Порус В.Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М.: ИФРАН, 2009. С. 11–24.
2. Яковлева Е.В. Творческий интеллект и логическая культура студентов // Инновационная наука. 2017. № 5. С. 218–222.

¹ В течение данного временного интервала складываются устойчивые нормативные (в случае компетентного руководства) или ненормативные (в случае социальной трансляции логически некорректных моделей) структуры естественного мышления; трансформации сложившихся интеллектуальных стереотипов по истечении периода непродуктивны.

3. Сироткина Л.С. Феномен логической культуры – проблемное поле меж- и трансдисциплинарных исследований // Проблемы современного образования. Интернет-журнал. М.: МПГУ, 2018. № 5. С. 22–36.
4. Попова В.С. Логическая культура сквозь призму философского текста (на материале «Философии изобретения и изобретения в философии» И.И. Лапшина) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Т. 4 (40). 2018. № 4. С. 76–85.
5. Сироткина Л.С. Логические модели аналитических обобщений и ограничений понятий // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 105–114.
6. Сироткина Л.С. Операции с понятиями: системные характеристики и источники логических ошибок // Кантовский сборник: научный журнал. 2011. № 4 (38). Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. С. 66–74.
7. Попова В.С. Логико-методологический опыт русских университетских философов первой половины XX века: Дисс... докт. филос. н. М.: МПГУ, 2019.
8. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.
9. Кант И. Логика. Пособие к лекциям // И. Кант Трактаты и письма. М.: Наука, 1980.
10. Баранец Н.Г. Метаморфозы этоса российского философского сообщества: в XIX – начале XX веков. Ульяновск: УлГУ, 2007.
11. Попова В.С. Логическая культура русских философов первой четверти XX века // Русский логос: горизонты осмысления: Материалы международной философской конференции. В 2 т. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, изд. РХГА, 2017. С. 416–422.
12. Бажанов В.А. Партия и логика // Логические исследования. 2005. Вып. 12. С. 32–48.
13. Бирюков Б.В. Трудные времена философии: Отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. М.: Комкнига, 2006.
14. Анисов А.М., Малюкова О.В., Дёмина Л.А. Становление отечественной логики: дискурсы и судьбы: Монография. М.: Проспект, 2019.
15. Пушкарский А.Г. О ключевой роли логики и логической культуры в философском познании и образовании // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 20–31.
16. Сироткина Л.С. Формирование в условиях непрерывного образования готовности педагога к развитию логической компетентности обучающихся // Социально-гуманитарные проблемы современной науки и пути их решения: Материалы IV Всероссийской научной конференции (Челябинск, 15 ноября 2012 г.). Челябинск: Тип. «Печатный двор», 2012. С. 95–100.
17. Сироткина Л.С. Актуальные проблемы современного логического образования в России // Национальная философия в глобальном мире: Материалы Первого белорусского философского конгресса (Республика Беларусь, Минск, 18–20 октября 2017 г.). Доклады / НАН Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси. Минск: Право и экономика, 2018. С. 275–280.
18. Сироткина Л.С. Логическая культура профессиональной личности: проблемы формирования // Профессиональная картина мира: кросскультурный диалог: Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 22–23 ноября 2019 г.). М.: Агентство социально-гуманитарных технологий, 2019. С. 238–241.

ENGLISH

Logical Culture Phenomenon in Russia: the Past and the Present

Popova Varvara Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor of Immanuel Kant Baltic Federal University, Head of the Project “Logical Culture in Russia: the Past and the Present” (17-03-00707a).

E-mail: varyud@mail.ru

PushkarSKIY Anatoly Gennadievich – Senior Lecturer at Immanuel Kant Baltic Federal University, executor of the same project.

E-mail: pushcarskiy@mail.ru

Sirotkina Lyudmila Sergeevna – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor of Immanuel Kant Baltic Federal University, executor of the same project.

E-mail: lyusir.ru@mail.ru

The paper presents the study results with respect to the logical culture phenomenon. The concept definition has been formulated and the levels of logic existence in culture have been determined as part of studies. The personal level of logical culture being an integral feature of intellectual activities, the basic component of which is the logical thinking culture, has been determined and characterized. The structure of such thinking culture is presented as a reflection of the thinking process macrostructure and is characterized by its substantive, procedural, and personal components. The forms of logical thinking culture have been identified and described. They are trivial prological, reflexive, and professional-methodological forms.

The authors bring into focus the cultural and historical conditionalism of personal logical culture, thus the development of the latter is seen in the historical context; the characteristics of pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods are analyzed. The paper describes the specific character of the current state of translational and cumulative levels of logic existence in the Russian cultural space and reveals the emergence of an unfavorable cultural and educational environment to promote logical culture as the basis for rationality.

The authors find philosophical practices integrating formal, informal, and non-formal education opportunities as a prospective way to develop logical culture. In this model, the discipline of logic and its professional teaching are seen as a relevant tool and a prerequisite to preserve the traditions of logical culture and to form a high level of rational thought and action.

Keywords: logical culture, logic, rationality, forms of logical culture of thinking, intellectual activities, logical education, philosophical practices

REFERENCES

1. Porus V.N. Ratsional'naya kommunikatsiya kak problema epistemologii // Kommunikativnaya ratsional'nost': epistemologicheskiy podkhod. M.: IFRAN, 2009. S. 11–24 (in Russian).
2. Yakovleva E.V. Tvorcheskiy intellekt i logicheskaya kul'tura studentov // Innovatsionnaya nauka. 2017. № 5. S. 218–222 (in Russian).
3. Sirotkina L.S. Fenomen logicheskoy kul'tury – problemnoe pole mezh- i transdistsiplinarnykh issledovaniy // Problemy sovremennogo obrazovaniya. Internet-zhurnal. M.: MPGU, 2018. № 5. S. 22–36 (in Russian).
4. Popova V.S. Logicheskaya kul'tura skvoz' prizmu filosofskogo teksta (na materiale «Filosofii izobreteniya i izobreteniya v filosofii» I.I. Lapshina) // Uchyonye zapiski Krymskogo fede-

- ral'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. *Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*. T. 4 (40). 2018. № 4. S. 76–85 (in Russian).
5. Sirotkina L.S. *Logicheskie modeli analiticheskikh obobshcheniy i ogranicheniy ponyatiy // Vestnik RGU im. I. Kanta*. Vyp. 12: Ser. Gumanitarnye nauki. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2010. S. 105–114 (in Russian).
 6. Sirotkina L.S. *Operatsii s ponyatiyami: sistemnye kharakteristiki i istochniki logicheskikh oshibok // Kantovskiy sbornik: nauchnyy zhurnal*. 2011. № 4 (38). Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2011. S. 66–74 (in Russian).
 7. Popova V.S. *Logiko-metodologicheskiy opyt russkikh universitetskikh filosofov pervoy poloviny XX veka: Diss... dokt. filos. n. M.: MPGU, 2019 (in Russian).*
 8. Kholodnaya M.A. *Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya*. SPb.: Piter, 2002 (in Russian).
 9. Kant I. *Logika. Posobie k lektsiyam // I. Kant Traktaty i pis'ma*. M.: Nauka, 1980 (in Russian).
 10. Baranets N.G. *Metamorfozy etosa rossiyskogo filosofskogo soobshchestva: v XIX – nachale XX vekov*. Ul'yanovsk: ULGU, 2007 (in Russian).
 11. Popova V.S. *Logicheskaya kul'tura russkikh filosofov pervoy chetverti XX veka // Russkiy logos: gorizonty osmysleniya: Materialy mezhdunarodnoy filosofskoy konferentsii. V 2 t. T. 1*. SPb.: Intersotsis, izd. RKHGA, 2017. S. 416–422 (in Russian).
 12. Bazhanov V.A. *Partiya i logika // Logicheskie issledovaniya*. 2005. Vyp. 12. S. 32–48 (in Russian).
 13. Biryukov B.V. *Trudnye vremena filosofii: Otechestvennaya istoricheskaya, filosofskaya i logicheskaya mysl' v predvoennye, voennye i pervye poslevoennye gody*. M.: Komkniga, 2006 (in Russian).
 14. Anisov A.M., Malyukova O.V., Dyomina L.A. *Stanovlenie otechestvennoy logiki: diskursy i sud'by: Monografiya*. M.: Prospekt, 2019 (in Russian).
 15. Pushkarskiy A.G. *O klyuchevoy roli logiki i logicheskoy kul'tury v filosofskom poznanii i obrazovanii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2020. № 53. С. 20–31 (in Russian).
 16. Sirotkina L.S. *Formirovanie v usloviyakh nepreryvnogo obrazovaniya gotovnosti pedagoga k razvitiyu logicheskoy kompetentnosti obuchayushchikhsya // Sotsial'no-gumanitarnye problemy sovremennoy nauki i puti ikh resheniya: Materialy IV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Chelyabinsk, 15 noyabrya 2012 g.)*. Chelyabinsk: Tip. «Pechatnyy dvor», 2012. S. 95–100 (in Russian).
 17. Sirotkina L.S. *Aktual'nye problemy sovremennogo logicheskogo obrazovaniya v Rossii // Natsional'naya filosofiya v global'nom mire: Materialy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa (Respublika Belarus', Minsk, 18–20 oktyabrya 2017 g.)*. Doklady / NAN Belarusi, In-t filosofii NAN Belarusi. Minsk: Pravo i ekonomika, 2018. S. 275–280 (in Russian).
 18. Sirotkina L.S. *Logicheskaya kul'tura professional'noy lichnosti: problemy formirovaniya // Professional'naya kartina mira: krosskul'turnyy dialog: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 22–23 noyabrya 2019 g.)*. M.: Agentstvo sotsial'no-gumanitarnykh tekhnologiy, 2019. S. 238–241 (in Russian).

УДК 001 (092); 53 (091)

ГРНТИ 12.09.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-69-79

И.С. ДМИТРИЕВ*

Извилистые тропы научных карьер

Статья посвящена исследованию начальных этапов карьерных траекторий учёных в кризисном и/или модернизирующемся социуме. Основное внимание уделено следующим проблемам: влиянию ситуации кризиса и/или модернизации социума на карьерный выбор индивида и влиянию параметров личного protected space на карьерный рост учёного.

Работа включает три тематических блока: 1. Карьера исследователя природы в эпоху становления профессии учёного (на примере Англии второй половины XVII столетия). В качестве референтных были выбраны биографии Р.Бойля и Р.Гука; 2. Карьера учёного в России в XVIII–XIX столетиях. В качестве референтных выбраны биографии М.В.Ломоносова и Д.И.Менделеева; 3. Немецкие учёные во времена Третьего Рейха: творческая активность и карьерный рост. В качестве референтной выбрана биография П.Дебая.

На указанных исторических примерах с использованием обширного массива источников (в том числе и архивных) показано, что при всех индивидуальных различиях карьерных траекторий учёных, живших в кризисных и/или модернизирующихся социумах в различных странах и эпохах, личностные детерминанты их карьерных траекторий выявляют некоторую общность, а именно:

- умение дистанцироваться от окружающих (как минимум психологически);
- умение репрезентировать свою профессиональную уникальность и незаменимость;
- умение сделать удачный как в чисто научном, так в карьерном и социальном аспектах тематический исследовательский выбор;
- способность отстаивать свои личные научные и жизненные интересы и приоритеты (даже если для этого потребуются пренебречь общепринятыми моральными нормами);
- умение использовать протекционистский ресурс и, если потребуется, политическую риторику и демагогию для возможности вести научную работу.

Ключевые слова: карьерная траектория учёного, кризисный социум, модернизация, Р. Бойль, Р. Гук, М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, П. Дебай

* **Дмитриев Игорь Сергеевич** — доктор химических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, руководитель проекта «Карьера учёного в кризисном и/или модернизируемом социуме (историко-научный аспект)» (17-03-00085а).
E-mail: isdmitriev@gmail.com

Карьерная траектория учёного определяется многими обстоятельствами. Как правило, сами представители научного сообщества, а также историки и социологи науки указывают на два типа факторов, детерминирующих научную карьеру: личностные параметры (талант, трудолюбие, упорство и т.п.) и «везение» (возможность получить хорошее образование, попасть к хорошему учёному-педагогу, основателю крупной научной школы, трудиться в благоприятных условиях и т.п.). В данном проекте внимание было сосредоточено на анализе научных карьер, формирование которых происходило в кризисном/посткризисном или модернизируемом социуме, и на тех личностных особенностях учёных (кроме природного таланта), которые позволили им сделать успешную научную карьеру. В качестве референтных примеров были выбраны биографии пяти учёных, живших в разные эпохи и в разных странах:

- ◆ Роберта Бойля (*Robert Boyle*; 1627–1691), человека состоятельного, который мог себе позволить проводить исследования за свой счёт, но которому пришлось действовать в ситуации, когда научное сообщество только начинало формироваться после кризиса, вызванного революцией и гражданской войной, а необходимость развивать науку только начала осознаваться элитой общества;
- ◆ Роберта Гука (*Robert Hooke*; 1635–1703), современника и некоторое время ассистента Р.Бойля, который, в отличие от последнего, был выходцем из небогатой семьи и которому приходилось постоянно думать о заработке;
- ◆ М.В.Ломоносова (1711–1765), человека, также вышедшего из низов (хотя и не из податного сословия), которому пришлось отчаянно бороться и за личный статус, и за ценность научных исследований в сложных условиях российского Просвещения;
- ◆ Д.И. Менделеева (1834–1907), карьера которого формировалась в условиях

глубокой модернизации российского социума;

- ◆ Питера Дебая (*Peter Debye*; 1884–1966), выдающегося немецко-американского физика нидерландского происхождения, лауреата Нобелевской премии, карьера которого выстраивалась в годы Первой мировой войны, Веймарской республики и Третьего рейха.

Таким образом, исследование охватывало разные исторические ситуации и разных по своим личностным характеристикам учёных. Однако если внимательно проанализировать их карьерные траектории (особенно на начальных стадиях), то можно говорить об известной общности их характеров, мотиваций, выбора путей и средств достижения поставленных целей. Начнём с Бойля.

Чисто английская карьера

Сразу же отметим, что чисто научный потенциал Бойля (рис. 1) был несравнимо слабее, чем у Галилея, Гука, Гюйгенса, не говоря уже об И.Ньютоне. Приписывать Бойлю открытие известного газового закона, носящего ныне его имя, можно только с большими оговорками [1], а его вклад в развитие химии всё ещё требует тщательного анализа. Бойль для английской (шире — для западно-европейской) науки и культуры сыграл роль, в некотором смысле подобную той, которую для российской науки и культуры сыграл М.В.Ломоносов. И если Ломоносов был для России прежде всего «культурным героем», то заслуга Бойля состоит в первую очередь во включении эксперименталистского подхода в культурные и религиозные рамки своей эпохи.

Разумеется, Бойлю повезло. Повезло родиться в весьма состоятельной семье, но не старшим сыном, что дало ему возможность получить хорошее образование и заниматься тем, что ему было интересно. Кроме того, он получил правильное воспитание (и правильное самовоспитание), которое поддержало его природные задатки и вместе с тем развило

трудолюбие и упорство в достижении цели, уважительное отношение как к простому труду, так и к серьёзным интеллектуальным занятиям [2, 3].

«Образование [ребёнка], – поучал Бойль, – крайне необходимо начинать пораньше или вовремя: дети ведь подобны кораллу, который, будучи извлечённым из моря, с лёгкостью может произвести любое впечатление, однако, если оставить его на воздухе, он настолько со временем затвердевает, что оказывается способным лишь на то, что дала ему природа... Недостатки в детях также следует пресекать на ранней стадии, ибо те, кто смеются над детскими недостатками, потом станут плакать от их пороков. Ибо сказано Соломоном (Прит. 22:15): “Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит её от него”» [4, p. 52].

Продуманное образование и воспитание Бойля оказали глубокое влияние на его личность. Будучи не по годам развитым ребёнком, он был серьёзен и аскетичен, а его склонность к меланхолии и борьбе за добродетель была определена как природными задатками, так и воспитанием. Целеустремлённое трудолюбие, полное отвращение к играм, праздности и легкомыслию, чувство одиночества и дистанцированности от своих сверстников – всё это стало частью его характера.

Психологи отмечают, что многие люди, добившиеся высоких достижений, в детстве рано лишились одного из родителей или обоих (Бойль, Ньютон, Гюйгенс, Лавуазье, Кельвин, Максвелл, Менделеев, Бутлеров, Кюри и т.д.). В этом случае эмоциональная потеря могла стимулировать развитую способность к независимости на раннем этапе жизни [5, p. 109; 6].

Очень важными личностными особенностями Бойля были его воспитанность,

Рис. 1. Портрет Роберта Бойля (художник И. Керсебум (J. Kerseboom), 1689)

джентльменские манеры, дополнявшиеся умением при мягком обращении полностью игнорировать мнения и советы окружающих, которые не соответствовали его целям, интересам и желаниям, что подпитывалось присущим ему с юных лет ощущением своей инаковости, глубокого несходства с подавляющим большинством окружавших его людей. К этому следует добавить, что Бойль умело сочетал общительность с любовью к уединённым меланхолическим размышлениям.

Нельзя сказать, что по-джентльменски сдержанный, неизменно вежливый, самоуверенно терпимый в религиозной, философской и научной полемике, занудный перфекционист Бойль, всеми силами оберегавший свой душевный и духовный покой, был лишён страстей. Дело в ином: с ранних лет он осознал, что характер мудрого человека определяется не тем, что он лишён страстей, но тем, что он умеет ими управлять.

Рис. 2. Портрет Роберта Гука.

Ни одного прижизненного портрета Р. Гука не сохранилось. Данный карандашный портрет является реконструкцией, сделанной по описаниям современников английской художницей Ритой Грир (Rita Greer) в 2006 г.

Наконец, ещё один фактор, способствовавший его карьере натурфилософа. Бойль сумел занять по отношению к окружающим учительско-назидательную позицию. Его многословные религиозно-этические трактаты и морализаторские фрагменты натурфилософских сочинений служили проповедью нового идеала джентльмена как *Christian virtuoso*.

Что касается Р. Гука (рис. 2), то его карьера, разумеется, определялась всеми указанными выше внешними социокультурными и иными факторами, а кроме того, его личностными особенностями.

У Р. Гука не было таких материальных возможностей, которыми располагал Р. Бойль [7, 8], его (Гука) капитал — это его талант экспериментатора (а талант экспериментатора — это сочетание умелых рук и светлой головы), который в итоге сделал его в микросоциуме Королевского общества, а затем и в более широких

масштабах *незаменимым*. Именно *незаменимость* Гука как куратора экспериментов, как носителя уникальных талантов стала едва ли не главным двигателем его профессиональной карьеры. Не будь Гука, Общество осталось бы при своих замечательных декларациях. Споры нет, И. Ньютон был блестящим экспериментатором, но трудно представить, чтобы он (не говоря уже о Бойле) согласился работать в Обществе на тех условиях, на которых там около сорока лет работал Гук. Когда последний летом 1672 г. серьёзно заболел, у его коллег были все основания тревожиться за дальнейшую судьбу *Royal Society*. «Самая ужасная (*dire*) новость, — писал сэр Джон Хоскин (*Sir John Hoskyns*), — которую я когда-либо слышал о Королевском обществе, — это известие о недомогании г-на Гука» [9].

«И своенравные порывы»: карьерные траектории М.В. Ломоносова и Д.И. Менделеева

Теперь обратимся к личностным факторам, определявшим начальные (формативные) этапы карьерных траекторий двух наиболее известных российских учёных XVIII–XIX веков: М.В. Ломоносова (рис. 3) и Д.И. Менделеева (рис. 4).

На начальном этапе карьеры (1741–1745) Ломоносов, ясно осознавший, что никакое образование, никакие таланты и прочие достоинства не гарантируют в России никаких перспектив (карьерного роста, как бы мы сказали сегодня), начинает отчаянную борьбу за свой социальный и академический статус [10, 11]. Какие ресурсы он при этом использовал, кроме незаурядного таланта, эрудиции и наглости?

1. Жёсткое соблюдение Ломоносовым своих интересов, умение «преступить» через всё, что им не отвечает, в том числе и через родственные связи.
2. Убеждённость, что карьерный рост для одарённого «самым счастливым остроумием» человека зависит от преодоления в первую очередь внешних, а не внутренних препятствий.

Рис. 3. Императрица Екатерина II в гостях у М.В. Ломоносова.
Художник И.К. Фёдоров, 1884 г.

3. Репрезентация личных усилий по реализации своих когнитивных и иных интересов в имперско-патриотических терминах на фоне темы борьбы с «гонителями наук».
4. Умелый выбор влиятельного патрона, который служил бы и защитой в академических и околоакадемических кол-

лизиях, а также обеспечивал продвижение в чинах и званиях. Ломоносов умело пользовался покровительством влиятельных персон (М.И.Воронцова, позднее – И.И.Шувалова) и благоволением Елизаветы Петровны, которая ценила его прежде всего как придворного поэта. Надо сказать, что в качестве

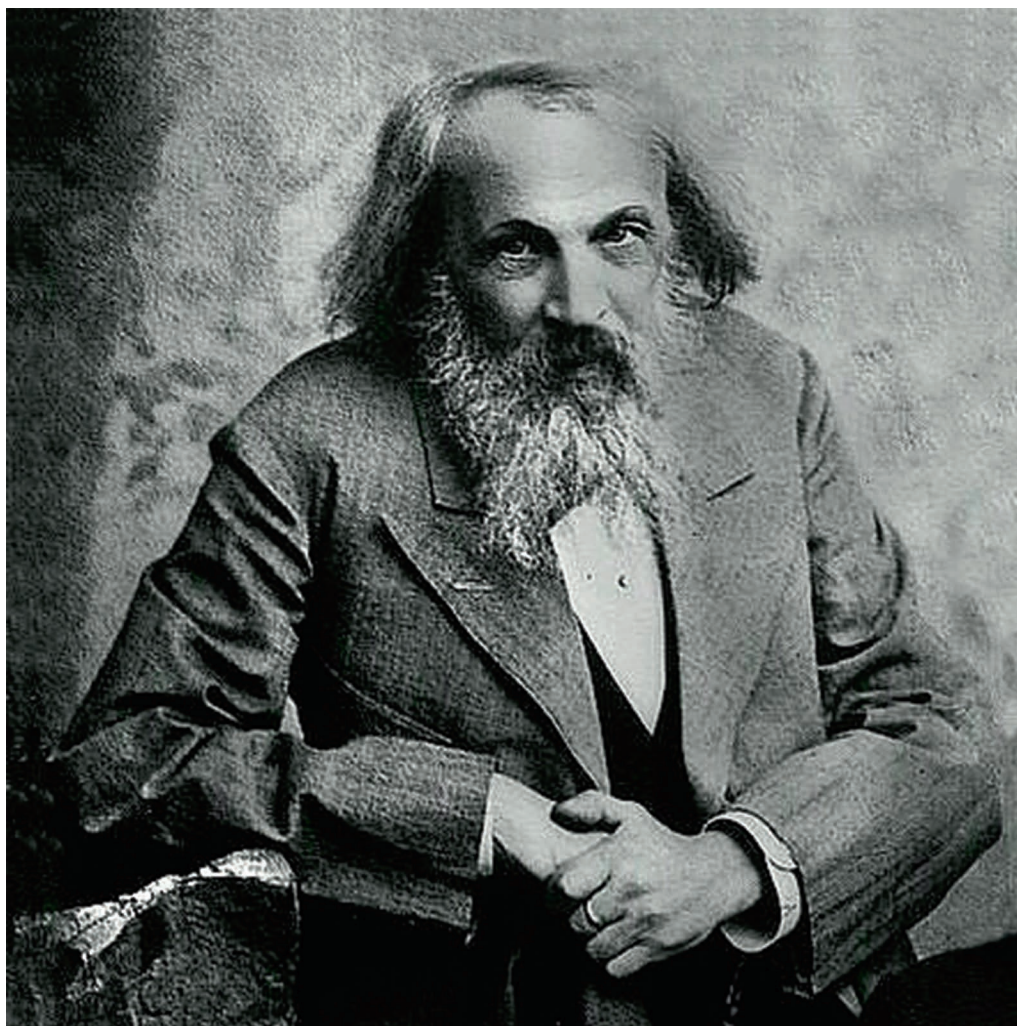

Рис. 4. Д.И. Менделеев. Фото начала 1880-х гг.

придворного панегириста Михайло Васильевич проявлял чрезвычайную гибкость. Так, 12 августа 1741 г. он пишет оду ко дню рождения императора Иоанна Антоновича, проклиная павшего к тому времени Бирона, а спустя четыре месяца уже спешит с переводом оды академика Я. Штгелина ко дню рождения Елизаветы Петровны, где прежнее царствование, ранее воспетое Ломоносовым как райское блаженство, теперь живописуется в акриловых тонах. Ломоносов убежден, что поскольку стабильное продвижение в социаль-

ном пространстве (т.е. карьерная траектория) целиком зависит от власти, то критика последней — не дело поэта и учёного, тем более придворного, собственные взгляды которого — лишь помеха в его карьере. Адресат его од — власть, а не дифференцированная читательская аудитория. Его задача — представлять каждую новую власть и каждый госпереворот как спасение России. Покровительство свыше не только служило (в известных пределах, разумеется) некоторым «*protected space*»¹ для интеллектуала, но и давало возможность при

¹ Под *protected space* интеллектуала я, следуя работе Р. Уитни [12], понимаю создание им в меру своих возможностей условий, позволяющих реализовывать свои замыслы, особенно долгосрочные венчурные проекты, по своему усмотрению, свободно распоряжаясь наличными ресурсами без давления или в условиях ослабленного давления со стороны контролирующих государственных структур, академического или иного сообщества.

необходимости (получение профессорского звания, постройка Химической лаборатории и т.д.) обращаться (непосредственно или через влиятельную особу) к Е. И. В. в обход академической администрации.

5. Тщательное и предусмотрительное дозирование девиантного поведения, которое стало частью его саморепрезентации как талантливого выходца из народа, положившего все силы на распространение просвещения в Отечестве по заветам Петра Великого;

6. Сочетание в отношениях с окружающими униженной лесты с самопревозношением и высокомерием. При этом Михайло Васильевич даже в научных трудах умел не просто выступить критиком чужих взглядов и ярким полемистом, но и не гнушался «спецприёмами», скажем, смещая акценты или не договаривая, он умел представить чужую работу в невыгодном для автора (и, соответственно, в выгодном для себя) свете (подр. [13]).

Все это вместе взятое свидетельствует о том, что Ломоносов был полностью созвучен своей эпохе.

Что касается другого гиганта российской науки – Д.И. Менделеева, то его личностные особенности, определявшие его карьерную траекторию, можно указать, сопоставляя их с личностными особенностями и некоторыми биографическими деталями Ломоносова.

Несмотря на существенные различия между ними, обусловленные как внешними обстоятельствами места, времени, социального происхождения и окружения, так и их индивидуальными отличиями, можно, однако, выявить (если отвлечься от некоторых деталей) сходные моменты:

- ◆ оба героя родились и провели детские годы в провинции, а затем добровольно (Ломоносов) или следуя родительской воле (Менделеев) оказались в столичных городах, где продолжили своё образование;

- ◆ оба героя для продолжения образования использовали (сами или через близких лиц) некоторые «неформальные» приёмы (банальную ложь о своём происхождении в одном случае и протекционистский ресурс родителей – в другом);

- ◆ оба получили возможность стажироваться за границей за казённый счёт и при этом не реализовали в полной мере открывшиеся перед ними научно-образовательные возможности; однако каждый сумел стать отцом внебрачного ребёнка;

- ◆ оба уже в своих первых научных публикациях проявили «самостоятельность зрелую» в подходе к разработке выбранной темы и известное игнорирование принятых в научном сообществе исследовательских и методологических норм, а также формальных требований учреждений, пославших их за границу;

- ◆ оба предпочитали делать и изучать только то, что в данный момент представляло интерес для них;

- ◆ оба проявили склонность к широкой постановке проблем в своей исследовательской практике, что характерно для натурфилософского подхода к изучению природы;

- ◆ и, наконец, оба по своим идеологическим предпочтениям формировались как «государственники», не проявляя (по крайней мере в явной форме) антиправительственных настроений и критики существующего социального порядка, предпочитая использовать позитивные возможности режима для самореализации (подр. о жизненном и научном пути Д.И. Менделеева см. [14]).

Видимо, есть известный изоморфизм (или, говоря мягче, соответствие) между личностными особенностями интеллектуалов, спецификой выбранной ими дисциплинарной области (областей) и социокультурными и иными условиями их деятельности, в том смысле, что две последние группы факторов играют роль своеобразных фильтров, жёстко отбира-

ющих индивидов не только по их талантам, но и по типологическим личностным характеристикам. Это и позволяет тем, кто прошёл через «фильтры» эпохи, с большими или меньшими потерями и усилиями выстроить своё персональное *protected space*, а следовательно и более или менее приемлемую карьерную траекторию. Девиз Р. Декарта и Р. Бойля — *bene vixit, bene qui latuit* (хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался) — в России далеко не всегда отражал реальность. Перефразируя известный афоризм Генриха IV, можно сказать, что для амбициозного человека в критических ситуациях *le succès vaut bien une conscience* (успех стоит совести).

П. Дебай: время жертвы

Обращаясь к анализу карьеры П. Дебая (рис. 5), уместно прежде всего отметить влияние на неё внешних факторов [15], а именно:

- ◆ желание родителей дать способному юноше хорошее образование, несмотря на скромный достаток семьи;
- ◆ географическое расположение родного города (Маастрихта), позволившее Дебаю, живя в Нидерландах, учиться в Германии;
- ◆ возможность получить хорошую научную подготовку у А. Зоммерфельда.

Что касается личностных особенностей учёного, способствовавших формированию его карьерной траектории, часть которой пришлась на период его работы в Германии времён Третьего рейха, то можно выделить следующие:

- ◆ умение завязывать дружеские связи с самыми разными людьми;
- ◆ хорошее понимание и умелое использование психологических особенностей окружающих, в частности, тех, от кого зависело его благополучие, что давало ему возможность умело манипулировать людьми, особенно служившими во властных структурах;
- ◆ пронизательно подмеченная В. Гейзенбергом способность не напрягаться

по поводу происходящего вокруг, сосредоточиваясь на работе и житейских радостях;

- ◆ умение находить оптимальную исследовательскую «нишу», т.е. выбирать темы, представляющие интерес для него как физика и одновременно оставлять в стороне тематику, раздражавшую апологетов «арийской науки»;
- ◆ способность трезво оценивать ситуацию, а потому «играть на опережение» (примером может служить история с получением им Нобелевской премии, а также история его отъезда из Германии [16, p. 165–186]);
- ◆ умение обращать в свою пользу официальную демагогию.

Заключение.

Грани карьерного роста

Таким образом, в том, что касается личностных детерминант начальных этапов карьерных траекторий учёных, живших в кризисных/модернизирующихся социумах в различных странах и эпохах, просматриваются некоторые общие черты, а именно:

- ◆ умение дистанцироваться от окружающих (как минимум, психологически);
- ◆ умение репрезентировать свою профессиональную уникальность и незаменимость;
- ◆ умение сделать удачный как в чисто научном, так в карьерном и социальном аспектах тематический исследовательский выбор;
- ◆ способность отстаивать свои личные научные и жизненные интересы и приоритеты (даже если для этого потребуется пренебречь общепринятыми моральными нормами);
- ◆ умение использовать протекционистский ресурс и, если потребуется, политическую риторику и демагогию, для возможности вести научную работу.

Разумеется, каждый учёный выбирал средства и методы для выстраивания своей карьерной траектории (скажем, он мог твёрдо придерживаться общепринятых

моральных норм даже в ущерб карьере), но в целом, как показывает богатейший опыт досконального и непредвзятого изучения научных биографий, тяга к познанию и самореализации, характерная для

наиболее талантливой части научного общества, вынуждает людей науки проявлять известную «гибкость» в выборе средств и тактики реализации карьерного продвижения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Webster C. The Discovery of Boyle's Law and the Concept of the Elasticity of Air in the Seventeenth Century // Archive for History of Exact Sciences. 1965. Vol. 2. № 3. Pp. 441–502.
2. Oster M. Biography, Culture, and Science: The Formative Years of Robert Boyle // History of Science. 1993. Vol. 31. Part 2. Pp. 177 – 226.
3. Chalmers A.F. Viewing Past Science from the Point of View of Present Science, Thereby Illuminating Both: Philosophy Versus Experiment in the Work of Robert Boyle // Studies for the History and Philosophy of Science. 2016. Vol. 55. № 1. Pp. 27–35.
4. Boyle R. The Aretology or Ethicall Elements of Robert Boyle. Begun at Stalbridge, The [Blank] of 1645. Thats the tru Good that makes the owner so // The early essays and ethics of Robert Boyle / Transcribed from MSS. in the Library of the Royal Society. Edited and annotated with an introduction by John T. Harwood. Carbondale IL: Southern Illinois University Press, 1991. Pp. 3–142.
5. Simonton D. Scientific genius: A Psychology of Science. Cambridge: Cambridge University press, 2009.
6. Eiduson B.T. Scientists: Their Psychological World. New York: Basic Books, 1962.
7. Hideto Nakajima. Robert Hooke's Family and His Youth; Some New Evidence from the Will of the Rev. John Hooke // Notes and Records of the Royal Society of London, 1994. Vol. 48, № 1. Pp. 11–16.
8. Gribbin J., Gribbin M. Out of the Shadow of a Giant: Hooke, Halley, and the Birth of Science. New Haven: Yale University Press, 2017.
9. Архивный документ Oxford, Bodleian Library, MS Aubrey 12, fol. 201.
10. Usitalo S. The Invention of Mikhail Lomonosov: A Russian National Myth. Boston: Academic Studies Press, 2013.
11. Кулакова И.П. Михаил Ломоносов: жизненные стратегии в контексте эпохи // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 5. С. 16–38.
12. Whitley R. How do Institutional Changes Affect Scientific Innovations? The Effects of Shifts in Authority Relationships, Protected Space, and Flexibility // Organizational Transformation and Scientific Change: The Impact of Institutional Restructuring on Universities and Intellectual Innovation / Editors: R. Whitley and J. Gläser. (Series: Research in the Sociology of Organizations; Vol. 42). Bingley [England]: Emerald Group Publishing Limited, 2018. Pp. 367–406.
13. Дмитриев И.С., Кузнецова Н.И. Академия благих надежд. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
14. Дмитриев И.С. Человек эпохи перемен (Очерки о Д.И. Менделееве и его времени). СПб.: Химиздат, 2004.
15. Davies M. Peter Joseph Wilhelm Debye (1884 – 1966) // Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society. London: The Royal Society Publishing. Vol. 16. Pp. 175–232.
16. Ball Ph. Serving the Reich: the struggle for the soul of physics under Hitler. Chicago: University of Chicago Press, 2014.

ENGLISH

Winding Paths of Scientific Careers

Dmitriev Igor Sergeevich – Doctor of Chemistry, Professor at the Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Project – “The Career of a Scientist in a Crisis and/or Modernized Society (Historical and Scientific Aspects)” (17-03-00085a).

E-mail: isdmitriev@gmail.com

The paper covers studies of initial stages of scientists' career paths in a crisis and/or modernized society. The major focus is made on the following topics: impact of a crisis situation and/or a modernized society on any individual's choice of the career and influence of personal protected space parameters on scientist's career development.

The studies include three thematic clusters: 1. Careers of natural scientists in the period of development of the profession of a scientist (in the context of England of the second half of the 17th century). The biographies of R. Boyle and R. Hooke were selected as references. 2. The career of a Russian scientist in 18–19th centuries. The biographies of M.V. Lomonosov and D.I. Mendeleev were selected as references. 3. German scientists during the Third Reich: creative activities and career development. The biography of P. Debye was selected as a reference.

The presented historical examples along with an extensive array of sources (including archives) demonstrate that despite any individual differences in the career paths of the scientists living in the crisis and/or modernized societies in different countries and eras, the personal determinants of their career paths are in a certain way similar, namely:

- the ability to distance oneself from other people (at least mentally);
- the ability to represent one's professional distinctiveness and irreplaceability;
- the ability to make thematic research choices that are scientifically, career-wise, and socially successful;
- the ability to stand up for personal scientific and life interests and priorities (even at the expense of generally accepted moral norms);
- the ability to resort to protectionist resources and, if necessary, political rhetoric and demagoguery with the purpose to carry out scientific works.

Keywords: career path of a scientist, crisis society, modernization, R. Boyle, R. Hooke, M.V. Lomonosov, D.I. Mendeleev, P. Debye

REFERENCES

1. Webster C. The Discovery of Boyle's Law and the Concept of the Elasticity of Air in the Seventeenth Century // Archive for History of Exact Sciences. 1965. Vol. 2. № 3. Pp. 441–502.
2. Oster M. Biography, Culture, and Science: The Formative Years of Robert Boyle // History of Science. 1993. Vol. 31. Part 2. Pp. 177–226.
3. Chalmers A.F. Viewing Past Science from the Point of View of Present Science, There by Illuminating Both: Philosophy Versus Experiment in the Work of Robert Boyle // Studies for the History and Philosophy of Science. 2016. Vol. 55. № 1. Pp. 27–35.
4. Boyle R. The Aretology or Ethicall Elements of Robert Boyle. Begun at Stalbridge, The [Blank] of 1645. Thats the tru Good that makes the owner so // The early essays and ethics of Robert

- Boyle / Transcribed from MSS. in the Library of the Royal Society. Edited and annotated with an introduction by John T. Harwood. Carbondale IL: Southern Illinois University Press, 1991. Pp. 3–142.
5. Simonton D. Scientific genius: A Psychology of Science. Cambridge: Cambridge University press, 2009.
 6. Eiduson B.T. Scientists: Their Psychological World. New York: Basic Books, 1962.
 7. Hideto Nakajima. Robert Hooke's Family and His Youth; Some New Evidence from the Will of the Rev. John Hooke // Notes and Records of the Royal Society of London, 1994. Vol. 48, № 1. Pp. 11–16.
 8. Gribbin J., Gribbin M. Out of the Shadow of a Giant: Hooke, Halley, and the Birth of Science. New Haven: Yale University Press, 2017.
 9. Arkhivnyy dokument Oxford, Bodleian Library, MS Aubrey 12, fol. 201.
 10. Usitalo S. The Invention of Mikhail Lomonosov: A Russian National Myth. Boston: Academic Studies Press, 2013.
 11. Kulakova I.P. Mikhail Lomonosov: zhiznennye strategii v kontekste epokhi // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya. 2011. № 5. S. 16–38 (in Russian).
 12. Whitley R. How do Institutional Changes Affect Scientific Innovations? The Effects of Shifts in Authority Relationships, Protected Space, and Flexibility // Organizational Transformation and Scientific Change: The Impact of Institutional Restructuring on Universities and Intellectual Innovation / Editors: R. Whitley and J. Gläser. (Series: Research in the Sociology of Organizations; Vol. 42). Bingley [England]: Emerald Group Publishing Limited, 2018. Pp. 367–406.
 13. Dmitriev I.S., Kuznetsova N.I. Akademiya blagikh nadezhd. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019 (in Russian).
 14. Dmitriev I.S. Chelovek epokhi peremen (Ocherki o D.I. Mendeleeeve i ego vremeni). SPb.: Khimizdat, 2004 (in Russian).
 15. Davies M. Peter Joseph Wilhelm Debye (1884–1966) // Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society. London: The Royal Society Publishing. Vol. 16. Pp. 175–232.
 16. Ball Ph. Serving the Reich: the struggle for the soul of physics under Hitler. Chicago: University of Chicago Press, 2014.

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 81'1

ГРНТИ 16.21.65

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-80-91

И.В. ЗЫКОВА***Идиоматика русского авангарда
сквозь призму лексикографии**

В статье представлен опыт лексикографического анализа единиц идиоматики русского авангарда и разработки принципов их репрезентации в проектируемом словаре «Идиоматика русского авангарда: кубофутуризм». Обосновывается актуальность лексикографического изучения литературных и художественных произведений представителей авангардного движения. На базе установленных отличительных особенностей идиоматики русского авангарда формулируется её определение. Подчёркивается, что уникальная природа идиоматики авангарда, заключающаяся в интеграции вербальной и невербальной идиоматики, требует создания специальной методологии её словарного описания.

Особое внимание уделяется разработанному подходу к составлению словаря проектируемого Словаря, к созданию его макро- и микроструктуры. В результате исследования были введены новые научные понятия и обоснована необходимость внедрения новых зон в структуру словарной статьи. Делается заключение о перспективах применения проектируемого Словаря, и отмечается возможность развития нового междисциплинарного направления – «Идиоматика авангарда», основанного на взаимодействии филологии и искусствоведения.

Ключевые слова: авангард, идиоматика авангарда, кубофутуризм, словарь нового типа, фразеологизм, авангардная идиома, невербальная идиома

Русский авангард занимает особое положение в истории мировой литературы и искусства в силу многих факторов. Прежде всего, это

движение, которое с момента своего зарождения — 1907 г. (по Н.И. Харджиеву) — прошло довольно сложный путь развития, наполненный драматически-

* **Зыкова Ирина Владимировна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН, руководитель проекта «Идиоматика русского авангарда: Словарь нового типа» (18-012-00134а).
E-mail: irina_zykova@iling-ran.ru

ми событиями и в то же время великими свершениями и на более чем столетний период предопределивший вектор эволюции художественного мышления. Как отмечает Д.В.Сарабьянов, в русском авангарде «за короткий срок были выработаны почти все модели будущего искусства» [1, с. 91]. Кроме того, русский авангард — это многомерное явление, которое представляет собой систему разных новаторских подходов к литературному (поэтическому) и художественному (живописному, музыкальному, кинематографическому, театральному и др.) творчеству (ср., например, в литературе — кубофутуризм, эгофутуризм, ОБЕРИУ, «Мезонин поэзии»; в искусстве — кубофутуризм, супрематизм, конструктивизм, лучизм).

Стоит также отметить, что важной отличительной чертой русского авангарда является и то, что новой гранью природы истинного творческого процесса в нём утверждается эксперимент, а главными его координатами, согласно Д.В.Сарабьянову, — новаторское открытие, программное самообновление, проективность и не столько преобразование мира, сколько создание новой реальности, жизнестроительство [1, с. 86]. Авангардисты не только основывают новую эстетику на постулате о том, что «В непрерывном обновлении Будущее Искусство!», но и активно внедряют его во все сферы жизни, культуры и творческой деятельности.

Значительность, фундаментальность и многоплановость достижений русских авангардистов в области литературы и искусства неизменно вызывают исследовательский интерес у отечественных и зарубежных специалистов в самых разных областях гуманитарной науки. Изучение литературных и художественных произведений представителей русского авангарда продолжает открывать новые перспективы для научного поиска и в филологии. К числу таких перспективных направлений филологических изысканий относится лексикографическое исследование идиоматики русского авангарда.

Идиоматика авангарда: определение специфики объекта словарного описания

В отечественной и зарубежной филологии накоплен значительный опыт изучения языка произведений представителей разных течений русского авангарда. Этот опыт, содержащий множество ценных научных наблюдений и фактов, изложен в большом количестве научных сочинений, многие авторы которых — общепризнанные классики изучения русского авангардного движения и продвижения его идей, например [2–6]. Существенный вклад в разработку общей и частной проблематики многофокусного филологического анализа русского авангарда и создание новых подходов к глубокому осмыслению его специфики вносят современные исследования, например [7–11], среди которых отдельную научно-исследовательскую линию формируют лексикографические труды.

Отметим, что современные словари посвящены описанию самых разных языковых единиц, определяющих лингвистическое своеобразие авангардных текстов и авангардного творчества. Среди них лексические единицы, фразеологические знаки, образные (или образно-выразительные) языковые средства, имена собственные, топонимы, неологизмы и окказионализмы, например [12–15]. При этом можно констатировать, что идиоматика русского авангарда рассматривалась в основном фрагментарно и не подвергалась системному лексикографическому анализу. Однако данный пласт языка русского авангарда является одним из наиболее колоритных, самобытных и показательных с точки зрения реализации главной авангардной установки на создание нового языка литературы и искусства, основанного на экспериментальном методе и новых эстетических канонах творческой деятельности.

Поскольку идиоматика русского авангарда как объект отдельного системного лексикографического исследования вы-

Рис. 1. Стоят (слева направо):

Николай Бурлюк, Давид Бурлюк, Владимир Маяковский;
сидят: Виктор Хлебников, Георгий Кузьмин,
Сергей Долинский (1913 г.)

деляется впервые, то отправной точкой в формировании методологии и принципов его словарного описания стало осмысление сущностных свойств и отличительных черт данного культурно-исторического феномена.

Понятие «идиоматика авангарда» разработано нами на материале литературных и художественных произведений представителей такого течения русского авангарда, как кубофутуризм. Кубофутуризм возникает на заре становления русского авангардного движения, объединяя под своей эгидой таких поэтов и художников, как Виктор Хлебников, Владимир Маяковский, Алексей Кручёных, Давид и Николай Бурлюки, Бенедикт Лившиц, Василий Каменский, Казимир Малевич, Елена

Гуро, Павел Филонов и некоторых других близких их кругу авторов (рис. 1–2).

Важно отметить, что творческая деятельность лексикографируемых авторов проходила в русле общих авангардных тенденций и опиралась на базовые установки и нововведения, внедряемые в литературу и искусство авангардным движением. К одним из наиболее важных для лексикографического анализа понятия «идиоматики авангарда» относятся следующие ориентиры в творчестве: стремление к «стиранию» границ между разными родами искусства (ср.: изобразительное искусство, вербальное искусство, музыкальное искусство, киноискусство и др.); примат синтеза различных видов творчества и их взаимопроникновения; экспериментирование с целью выработать новый (единый) художественный язык, отвечающий новым эстетическим канонам и новым формам жизнестроительства, характеризующим начало XX в.

Выделенные особенности являются основополагающими в предлагаемом нами подходе, согласно которому идиоматика авангарда определяется как «совокупность семиотически разнородных (вербальных и невербальных) средств, целенаправленно создаваемых авангардистами в результате экспериментов, в основе которых лежат эстетическая и прагматическая интенции, направленные на формирование нового художественного языка литературы и искусства» [16, с. 210; 17, с. 10]. Из данного определения следует, что идиоматика авангарда объединяет идиоматику двух разных семиотических видов – вербальную и невербальную, единицы которых могут выступать в качестве самостоятельных заголовочных единиц в проектируемом нами словаре «Идиоматика рус-

ского авангарда: кубофутуризм» (И.В. Зыкова, О.С. Соколова).

Под **вербальной идиоматикой** в настоящем исследовании имеется в виду совокупность вербальных средств двух основных классов: 1) собственно авангардные идиомы – языковые единицы, целенаправленно создаваемые в литературном авангарде в результате проведения языковых экспериментов (например, *заумный язык, былое и идутное, грозная баячь*); 2) «традиционные» (или общеязыковые) фразеологизмы, (экспериментально) используемые в произведениях литературного авангарда в узуальных и модифицированных формах (например, *сидеться в галошу, попадать пальцем в небо, с ног до головы*). Отдельно отметим, что собственно авангардные идиомы могут быть также определены как авторские идиомы-неологизмы, в известной мере противопоставленные общеязыковым и общеупотребительным фразеологизмам.

Под **невербальной идиоматикой** понимается совокупность невербальных (пластических) идиом, извлекаемых из художественных (живописных) произведений представителей раннего авангарда, а также из их литературных произведений, содержащих разного рода художественные изображения (графические наброски, рисунки, литографические изображения, книжные миниатюры и проч.) (см. подробнее в [18]).

Предлагаемый нами подход к толкованию идиоматики авангарда графически представлен на рис. 3.

Установленная специфика идиоматики авангарда раскрывает её неординарный характер как объекта лексикографического изучения и очерчивает круг наиболее актуальных задач, требующих создания специальной методологии её словарного описания.

Рис. 2. Стоят (слева направо): Павел Филонов, Михаил Матюшин; сидят: Алексей Кручёных, Казимир Малевич, Иосиф Школьник (1913 г.)

Актуальные задачи и методологический инструментарий исследования

Поскольку основным объектом словарного описания является вербальная идиоматика, то одной из первостепенных задач в лексикографическом анализе идиоматики русского авангарда стало выявление категориальных признаков данного пласта русской лексики. Посредством одного из современных методов когнитивной лингвистики – метода фреймовых семантик – было установлено, что вербальные единицы идиоматики русского авангарда должны обладать такими свойствами, как *неоднословность, образность, (субъективно) ощущаемое своеобразие, непрозрачность, устойчи-*

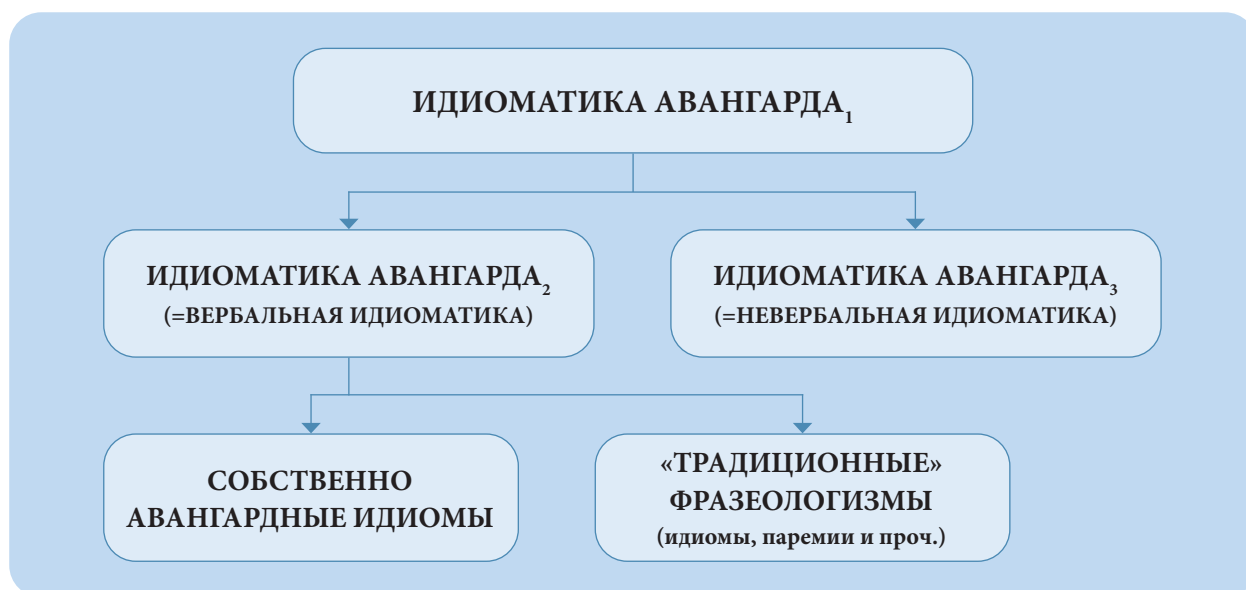

Рис. 3. Виды и типы идиоматики авангарда [16, с. 211]

вость, воспроизводимость в готовом виде, отдельнооформленность, выразительность, усложнённый способ указания на денотат, абстракция, (буквальная) непереводаемость на другие языки, алогичность, направленность на деавтоматизацию восприятия, афористичность и межсемиотичность. (см. подробнее в [16]).

Необходимо указать, что данными свойствами по праву располагают «традиционные» (или общезыковые) фразеологизмы, которые используются в текстах кубофутуристов и распознавание которых не вызывает затруднения. Однако для собственно авангардных идиом выделение данных категориальных признаков стало основанием для создания метода их идентификации в произведениях лексикографируемых авторов, который получил название «метод ID card авангардной идиомы» [16].

Применение метода идентификационной карты (ID card) авангардной идиомы позволило: 1) уточнить, какие из категориальных признаков являются доминантными (наиболее значимыми) для собственно авангардных идиом; 2) выявить степень выраженности данных признаков у разных единиц; 3) определить, какие из собственно авангардных идиом составляют ядро и периферию идиоматики русского

авангарда; 4) произвести отбор тех авангардных идиом, которые войдут в словарь и станут объектом словарного описания.

Согласно полученным данным, к доминантным категориальным признакам собственно авангардных идиом относятся следующие: (субъективно) ощущаемое своеобразие, образность, непрозрачность, алогичность, выразительность (или экспрессивность), направленность на деавтоматизацию восприятия и межсемиотичность (см. тж. [16–17]). Сопоставим степень выраженности данных признаков на примере трёх созданных авангардистами языковых единиц, применив пятибалльную шкалу оценки (табл.).

Как следует из таблицы, три сопоставляемые языковые единицы обладают всеми доминантными признаками собственно авангардных идиом, что автоматически включает их в ядро идиоматики русского авангарда. При этом в наибольшей степени эти признаки проявляются у идиомы *быть I = √-человека*, а у идиом *язык будущего* и *самовитое слово* отмечается меньшая степень их выраженности.

В качестве самостоятельной ставилась лексикографическая задача систематизации языковых единиц, отобранных посредством метода «ID card авангардной идиомы» из литературных произведе-

ний кубофутуристов, в ходе которой были установлены следующие основные типы собственно авангардных идиом: идиомы-термины (например, *заумный язык*); идиомы-экспрессымы (например, *играть на флейте-позвоночнике*); идиомы-эксперименты (например, *рыданственный желел*); авангардные паремии (например, *Поэты умирают, а сдвиги остаются*).

Согласно проведённому анализу, типологическое разнообразие характерно не только для собственно авангардных идиом, но и для «традиционных» фразеологизмов, активно используемых кубофутуристами в своих произведениях и представляющих, как указывалось выше, второй класс вербальной идиоматики русского авангарда. В текстах лексикографируемых авторов можно обнаружить все структурно-семантические типы «традиционных» фразеологизмов: общеязыковые фразеологизмы-термины (например, *родная речь*); общеязыковые идиомы (например, *ложка дёгтя в бочке мёда*); речевые формулы (например, *добрый день*); коллокации (например, *хороший вкус*); фразеологические единицы метаязыкового и модального характера (например, *так сказать*), паремии (например, *Заставь дурака бога молиться, он и лоб расшибёт*).

Типология единиц вербальной идиоматики авангарда определяет специфику их лексикографической обработки и влияет на характер построения словарной статьи.

Метод отбора единиц невербальной идиоматики русского авангарда базируется на трёх критериях, позволяющих типологизировать их основные отличительные черты. В качестве первого критерия выступает выделение пластических, временных и синтетических видов искусства. Из-за специфики творческой деятельности лексикографируемых авторов в фокусе нашего исследования оказались пластические (изобразительные) идиомы. Вторым критерий – степень сложности пластических изобразительных идиом, в соответствии с которой они могут представлять собой единичный изобразительный знак или совокупность изобразительных знаков, формирующих отдельную фигуру, фрагмент картины или целостную картину. К третьему критерию следует отнести обусловленность изобразительных идиом вербальными единицами, позволяющую выделить среди них те, которые основаны на «чистых» живописных образах, и те, визуальные образы которых восходят к определённым вербальным средствам (например, к распространённым литературным метафорам).

С опорой на данные критерии для лексикографического исследования отбирались специфические художественные (изобразительные) единицы, которые являются знаковыми в творчестве представителей кубофутуризма, характеризуют своеобразие их художественного подхода

Таблица

Сопоставление специфики проявления категориальных признаков авангардных идиом

Основные категориальные признаки собственно авангардных идиом	язык будущего	самовитое слово	быть 1 = √-человека
(субъективно) ощущаемое своеобразие	++	+++	+++++
образность	+++	+++	++++
непрозрачность	+	++	+++++
алогичность	+	++	+++++
выразительность	+++	+++	++++
направленность на деавтоматизацию восприятия	+	+++	+++++

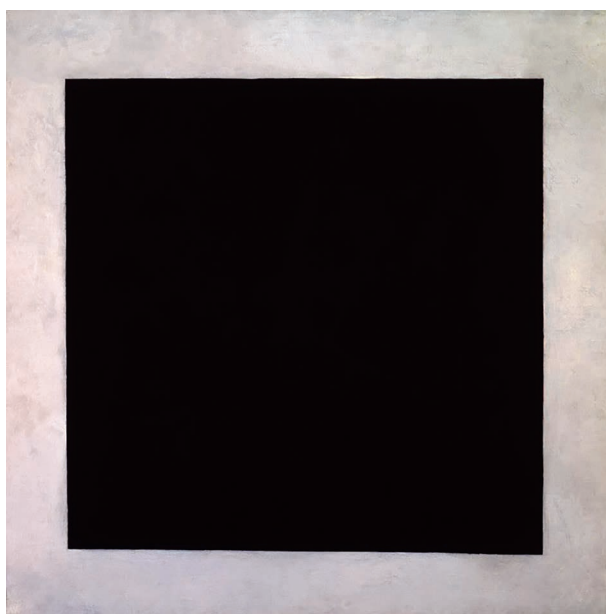

Рис. 4. Казимир Малевич.
«Чёрный квадрат» (1915 г.)

да, идиостилия и могут быть квалифицированы как авангардные невербальные идиомы (см. подробнее в [18]). В качестве примера такого рода авангардной невербальной идиомы можно привести изображение чёрного квадрата Казимира Малевича (рис. 4).

В целом, созданная в ходе исследования комплексная методология позволяет осуществить верифицированный отбор вербальных и невербальных единиц, представляющих идиоматику русского авангарда, и провести разработку принципов системного лексикографического описания с учётом их типологических особенностей.

Результаты лексикографического изучения идиоматики русского авангарда

В результате проведённого лексикографического исследования, основанного на разработанной методологии, был сформирован словник проектируемого словаря «Идиоматика русского авангарда: кубофутуризм» (И.В. Зыкова, О.С. Соколова). В первичный словарный список вошло более 6400 единиц, отобранных из разножанровых, преимущественно литератур-

ных, а также и художественных произведений кубофутуристов. В ходе дальнейшего анализа из данного списка было выделено около 1000 наиболее репрезентативных для творчества представителей раннего авангарда единиц-вокабул, составивших общий объём словника проектируемого Словаря. Отличительная черта данного словника заключается в сбалансированном количестве вокабул, представляющих разные типы собственно авангардных идиом и «традиционных» фразеологизмов, а также невербальных идиом.

В процессе лексикографического исследования был определён жанр проектируемого Словаря и разработана общая концепция его построения (см. подробнее в [18]).

С точки зрения жанровой специфики словарь «Идиоматика русского авангарда: кубофутуризм» представляет собой справочник-конкорданс интегративного типа. Макроструктура Словаря формируется из двух основных разделов, отличающихся по трём взаимообусловленным параметрам: 1) количеству лексикографируемых единиц; 2) объёму лексикографической информации и 3) внутренней организации словарной статьи.

В одном из разделов содержатся в алфавитном порядке все вокабулы, словарное описание которых осуществляется по единому принципу без учёта их типологических особенностей. В структуре словарной статьи каждой заголовочной единицы выделяются две словарные зоны с соответствующей лексикографической информацией: «зона шифра», указывающая на литературный или художественный источник использования единицы идиоматики авангарда, и «зона типологической характеристики», содержащая информацию об отнесённости лексикографируемой единицы к определённому классу и подтипу вербальной или невербальной идиоматики авангарда. Приведём в качестве демонстрации небольшой фрагмент из рассматриваемого раздела Словаря (рис. 5).

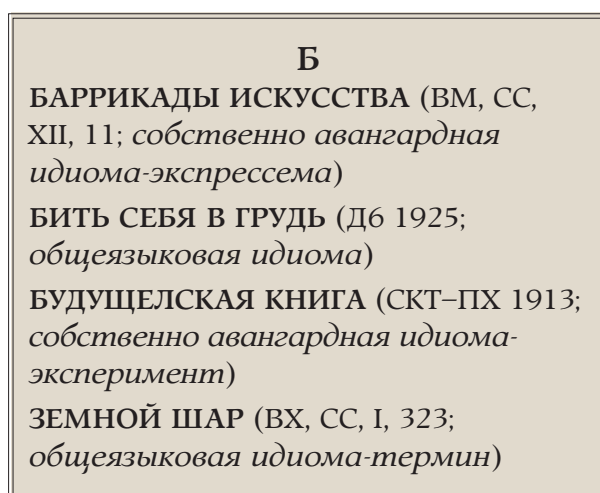

Рис. 5. Фрагмент Словаря

В другом разделе Словаря представлено более развёрнутое и более детальное словарное описание только тех вокабул, которые относятся к ядру идиоматики русского авангарда и которые в наибольшей степени способны раскрыть её уникальную природу. Словарное описание единиц идиоматики русского авангарда в этом разделе проходит с учётом её семиотических видов и их типологических особенностей, что отражается в различной организации структуры словарных статей в данном разделе.

В ходе исследования была установлена разная степень значимости определённых словарных зон для разных типов единиц авангардной идиоматики. К примеру, репрезентация значения обладает высокой степенью релевантности в структуре словарной статьи для «традиционных» фразеологизмов и может рассматриваться как обязательная зона. Для собственно авангардных идиом, которые представляют собой авторские неологизмы, целесообразность лексикографической трактовки их значения, согласно весьма распространённому в современной авторской лексикографии мнению, является весьма спорной. В случае с единицами невербальной идиоматики очевидно, что, если описание значения и может иметь место в их словарной презентации, то оно будет обладать существенными отличительными

особенностями. Кроме того, потребовалась разработка **новых словарных зон**, отражающих специфику творчества лексикографируемых авторов: «зоны межсемиотической репрезентации» и «зоны межъязыкового перевода» [18], а также «зоны вариантов и окказиональных (экспериментальных) модификаций».

Продемонстрируем специфику словарного описания вокабул в данном разделе Словаря на примере такого «традиционного» фразеологизма, как *попадать/попасть пальцем в небо*. Отметим, что к **обязательным зонам** структуры словарной статьи данного класса вербальной идиоматики русского авангарда относятся «зона типологической характеристики заголовочной единицы», «зона значения» и «зона контекстов»; а к **факультативным зонам** — «зона основного варианта и окказиональных (экспериментальных) форм заголовочной единицы», «синонимо-антонимическая зона», «зона первичного употребления», «зона комментария», «зона межсемиотической репрезентации», «зона межъязыкового перевода» и «зона гиперссылок».

Попадать / попасть пальцем в небо

- ✓ **Зона типологической характеристики:** *общезыковой фразеологизм; подтип – идиома*
- ✓ **Зона значения:** 'Отвечать невпопад, объяснять что-либо несуразно, бестолково' («Фразеологический словарь русского литературного языка», 2008).
- ✓ **Зона вариантов и окказионализмов:** *тыкать пальцем в небо: поПаЛь пальЦемъ въ нЕбо (эксп., межсем.)*
- ✓ **Зона межсемиотической репрезентации:**

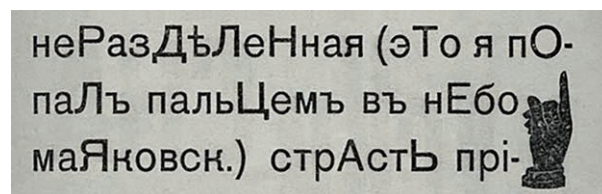

Рис. 6. Терентьев «17 ерундовых орудий»

✓ **Зона контекстов:**

(1) Но зато / кто / где бы / мыслям дал / такой нечеловечий простор! / Это я / **попал пальцем в небо**, / доказал: / он – вор! (Маяковский, «Владимир Маяковский. Трагедия», СС, I, 172)

(2) Все построенное в чертежах с удивительной точностью движения не что иное, как результат, <оно представлено> как нечто фактическое, незыблемое, верное, данное. Создание этой правды произошло, конечно, через знание, здесь ум **попал пальцем в небо**, прочертил и вычертил, и все ясно стало. (Малевиц, «Беспредметность», СС, IV, 112)

(3) Я виноват, / Что пошел назад. / **Тыкал пальцем в небо**, / Горько упрекая, / И с земли поднял и бросил / В лицо горсть / Обвинительных писем, / Что поздно. (Хлебников, «Шествие осеней Пятигорска», СС, III, 327)

(4) неРазДеленная (эТо я по- / **паль пальцемъ въ небо** / маяковск.) страсть при- / учаеъ къ оЖивлеНнОму / разговору с самИм собой / даЕт сУхой гоРячий усТой- / сИВЫЙ пЕрПЕнЛиКуляР / МЫСЛИ / тАК поЯвилСя маякОвскИ (Терентьев, «17 ерундовых орудий» (рис. 6))

✓ **Зона межъязыкового перевода:**

(1En) On the other hand, / who'd / have given his thoughts such inhuman latitude? / Who, and where? / It was I / who **stuck my finger into the sky**: / I proved that He's / a thief! (transl. by Guy Daniels, "Vladimir Mayakovsky. Mayakovsky Plays")

Note: A play on the idiom *popast' pal'tsem v nebo* (literally: "to stick one's finger into the sky"), meaning to make a bad blunder. (transl. by Guy Daniels, "Vladimir Mayakovsky. Mayakovsky Plays")

(3En) I'm to blame / for wanting to come back here. / I **point my prosecuting finger at the sky**, / I plead my complaint, / from the ground I grab / a handful of damaging letters / and hurl them at / heaven's face. / Too late. (transl. by Paul Schmidt, "Collected Works of Velimir Khlebnikov", III, "Autumns Passing in Piatigorsk", 232)

(1It) Ma in compenso / chi mai / e dove / avrebbe dato ai pensieri / un così libero e inumano corso? / Così io / **ho ficcato un dito nel cielo**, / ho dimostrato: / è un ladro! (a cura di Guido Carpi, "Vladimir V. Majakovskij. Poesie", 467)

✓ **Подзона иноязычных коррелятов:**

En: *to stuck one's finger into the sky*.
Modifications: *to point one's prosecuting finger at the sky*

It: *ficcare un dito nel cielo*

Необходимо также отметить, что, помимо создания словника Словаря, разработки его макро- и микроструктур, учитывающих особую природу и специфику внутреннего устройства идиоматики русского авангарда, в сферу авторской лексикографии и филологии нами вводится ряд новых понятий, способствующих постижению особенностей литературного и художественного творчества кубофутуристов: «установка на идиоматизацию в авангарде», «собственно авангардная идиома», «ID card авангардной идиомы», «поэтика авангардного дискурса», «поэтика авангардного манифеста», «концептуально-метафорический коллаж», осмысливаемый нами как один из ведущих лингвокогнитивных приёмов построения авангардного дискурса, «невербальная идиоматика авангарда». А также уточняются понятия «межсемиотичность» и «алогичность» применительно к единицам идиоматики русского авангарда и понятие «экспериментальной модификации фразеологизма».

Заключение

Разработанный в настоящем исследовании подход к лексикографическому анализу идиоматики русского авангарда позволяет расширить представление о способах и формах реализации креативного потенциала русского языка в литературе и искусстве авангарда, а также о формах взаимодействия и глубинных связях русской поэзии с русским искус-

ством начала XX в., ознаменовавшегося радикальными поворотам в истории русской культуры и коренными переменами в русском обществе. Созданный методологический инструментарий исследования может быть использован в дальнейшем для лексикографического изучения идиоматики других течений и направлений как русского, так и зарубежного авангарда. Кроме того, словарь «Идиоматика русского авангарда: кубофутуризм» бу-

дет полезен в разных сферах преподавания русской литературы и русского языка, а также ряда разделов искусствоведения и культурологии, посвящённых, в частности, изучению авангардного движения.

Основные результаты исследования очерчивают перспективу развития нового междисциплинарного направления в гуманитарных науках — «Идиоматика авангарда», основанного на синтезе филологического и искусствоведческого знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарабьянов Д.В. Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева / Под ред. М.Б. Мейлаха и Д.В. Сарабьянова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 83–91.
2. Винокур Г. Маяковский — новатор языка. М.: Советский писатель, 1943.
3. Харджиев Н.И. От Маяковского до Кручёных: Избранные работы о русском футуризме / Сост. С. Кудрявцев. М.: Гилея, 2006.
4. Якобсон Р.О. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987.
5. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1999.
6. Григорьев В.П. Велимир Хлебников в четырёхмерном пространстве языка: Избранные работы. 1958–2000-е годы. М.: Языки славянских культур, 2006.
7. Баран Х. О Хлебникове. Контексты, источники, мифы. М.: РГГУ, 2002.
8. Дуганов Р.В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М.: Советский писатель, 1990.
9. Семиотика и Авангард: Антология / Под общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Академический Проект; Культура, 2006.
10. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014.
11. Соколова О.В. От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019.
12. Валавин В.Н. Словотворчество Маяковского: опыт словаря окказионализмов: около 3 500 слов. М.: Азбуковник, 2010.
13. Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря Северянина / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Азбуковник, 2008.
14. Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. М.; Vien: Hansen-Löve, 1995.
15. Словарь языка русской поэзии XX века / Отв. ред. Л.Л. Шестакова. Т. VIII. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.
16. Зыкова И.В. Идиоматика авангарда: ID card идиомы в авангардном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXV. С. 210–219.
17. Зыкова И.В., Соколова О.В. Языковой эксперимент как установка на идиоматизацию в манифестах кубофутуристов: Идиоматика авангарда // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 7–20.
18. Зыкова И.В. Общая концепция, методология и актуальные проблемы словаря нового типа «Идиоматика русского авангарда» в контексте современных тенденций авторской лексикографии // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 131–160.

ENGLISH

Idiomatics of the Russian Avant-Garde from the Perspective of Lexicography

Zykova Irina Vladimirovna – Doctor of Philology, Leading Researcher at the Department of Theoretical Linguistics of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Head of the Project – “Idiomatics of the Russian Avant-garde: A New Type Dictionary” (18-012-00134a).

E-mail: irina_zykova@iling-ran.ru

The article describes the practices of lexicographical analysis of idiomatic units related to the Russian avant-garde and experience in developing principles to present such units in the developed dictionary – “Idiomatics of the Russian Avant-garde: Cubo-Futurism”. The author demonstrates the relevance of lexicographical studies of literary and artistic works of representatives of the avant-garde movement. The definition of the Russian avant-garde idiomatics is formulated on the basis of its distinctive features identified. The article outlines that the unique nature of avant-garde idiomatics, involving the integration of verbal and non-verbal idioms, supposes creating a specific methodology for its vocabulary definition.

Special focus is made on the elaborated approach to compile the glossary of the developed Dictionary, to create its macro- and microstructure. As a result of studies, new scientific concepts have been formulated and the need to integrate new zones into the structure of dictionary entries has been demonstrated. The author makes a conclusion on the proposed use of the developed Dictionary and notes the possibility to develop a new interdisciplinary field – “Avant-Garde Idiomatics”, based on the interrelation of Philology and Art History.

Keywords: avant-garde, avant-garde idiomatics, Cubo-Futurism, new type dictionary, phraseological unit, avant-garde idiom, nonverbal idiom

REFERENCES

1. Sarab'yanov D.V. Poeziya i zhivopis': Sbornik trudov pamyati N.I. Khardzhieva / Pod red. M.B. Meylakha i D.V. Sarab'yanova. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. S. 83–91 (in Russian).
2. Vinokur G. Mayakovskiy – novator yazyka. M.: Sovetskiy pisatel', 1943 (in Russian).
3. Khardzhiev N.I. Ot Mayakovskogo do Kruchyonykh: Izbrannye raboty o russkom futurizme / Sost. S. Kudryavtsev. M.: Gileya, 2006 (in Russian).
4. Yakobson R.O. Raboty po poetike: Perevody / Sost. i obshch. red. M.L. Gasparova. M.: Progress, 1987 (in Russian).
5. Ivanov Vyach. Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. I. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999 (in Russian).
6. Grigor'ev V.P. Velimir Khlebnikov v chetyryokhmernom prostranstve yazyka: Izbrannye raboty. 1958–2000-e gody. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006 (in Russian).
7. Baran Kh. O Khlebnikove. Konteksty, istochniki, mify. M.: RGGU, 2002 (in Russian).
8. Duganov R.V. Velimir Khlebnikov. Priroda tvorchestva. M.: Sovetskiy pisatel', 1990 (in Russian).
9. Semiotika i Avangard: Antologiya / Pod obshch. red. Yu.S. Stepanova. M.: Akademicheskii Proekt; Kul'tura, 2006 (in Russian).

10. Feshchenko V.V., Koval' O.V. Sotvorenie znaka: ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014 (in Russian).
11. Sokolova O.V. Ot avangarda k neoavangardu: yazyk, sub"ektivnost', kul'turnye perenosy. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2019 (in Russian).
12. Valavin V.N. Slovtvorchestvo Mayakovskogo: opyt slovarya okkazionalizmov: okolo 3 500 slov. M.: Azbukovnik, 2010 (in Russian).
13. Nikul'tseva V.V. Slovar' neologizmov Igorya Severyanina / Pod red. V.V. Lopatina. M.: Azbukovnik, 2008 (in Russian).
14. Pertsova N.N. Slovar' neologizmov Velimira Khlebnikova. M.; Vien: Hansen-Löve, 1995 (in Russian).
15. Slovar' yazyka russkoy poezii XX veka / Otv. red. L.L. Shestakova. T. VIII. M.: Izdatel'skiy Dom YASK, 2019 (in Russian).
16. Zykova I.V. Idiomatika avangarda: ID card idiomy v avangardnom diskurse // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2018. Vyp. XXXV. S. 210–219 (in Russian).
17. Zykova I.V., Sokolova O.V. Yazykovoy eksperiment kak ustanovka na idiomatizatsiyu v manifestakh kubofuturistov: Idiomatika avangarda // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2019. № 2. S. 7–20 (in Russian).
18. Zykova I.V. Obshchaya kontseptsiya, metodologiya i aktual'nye problemy slovarya novogo tipa «Idiomatika russkogo avangarda» v kontekste sovremennykh tendentsiy avtorskoy leksikografii // Voprosy leksikografii. 2020. № 17. S. 131–160 (in Russian).

О.В. КАЛУТИНА*

Границы реализма: к проблеме терминологии

Главной задачей настоящей публикации является необходимость проследить процесс становления термина «реализм» как в пластических искусствах, так и в европейской художественной культуре в целом. Необходимость такого анализа определяется современным состоянием терминологии, применяемой к различным явлениям в истории европейского искусства, что привносит в понятийный ряд большую долю неопределённости. Хотя истоки понятия «реализм» и восходят к схоластической религиозной философии Средневековья, использование его в искусствоведении имеет совершенно иные предпосылки и фактически прослеживается только с середины XIX в. Для западноевропейского искусства его употребление начинается с творческой практики Курбе. В истории отечественного искусства в целом и художественной критики в частности бытование термина принято прочно увязывать с возникновением и развитием натуральной школы.

В то же время тщательный анализ, в том числе эпистолярного и художественно-критического наследия ведущих деятелей отечественной культуры середины и второй половины XIX в., таких как Белинский, Тургенев, Толстой, Стасов и другие, прямо указывает на исключительно раннее использование данного термина, но в основном в сфере литературной, а не художественной критики. Такое положение вещей вполне объяснимо общим господством литературоцентризма в искусстве России XIX в., в свою очередь, продиктованного спецификой социально-политического развития нашей страны. Прямое перенесение данных понятий в сферу пластических искусств было одновременно связано с использованием терминологических уточнений, типа «критический», «дидактический», «социалистический» реализм, что только повышало уровень понятийной неопределённости. Не вызывает сомнения, что в настоящее время анализ истории становления и особенностей образно-пластической системы реализма как творческого метода должен наконец стать предметом всестороннего анализа, что способно устранить и излишне расширительное его терминологическое толкование.

Ключевые слова: натуральная школа, реализм, правда жизни, правда искусства, творческий метод

* **Калутина Ольга Вениаминовна** — доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета, руководитель проекта «Феномен “реализма” в изобразительном искусстве XIX–XXI веков: трактовки, смыслы, образы» (20-012-00113).
E-mail: evaksenia@gmail.com

Рождение термина

Проблема интерпретации термина «реализм» в истории культуры в целом и художественной культуры в частности является поистине грандиозной и, разумеется, не может быть раскрыта в одной публикации. Поэтому настоящая статья представляет собой попытку обозначить некоторые общие очертания темы, подлежащей в дальнейшем всестороннему исследованию. Тем не менее разработка вопросов, связанных с возникновением и бытованием данной терминологии, мыслится как оправданная отправная точка для дальнейшего анализа.

В истории искусства найдётся немного понятий, которые бы трактовались столь расплывчато и расширительно, как «реализм». В результате степень содержательной неопределённости данного термина оказалась столь велика, что порой возникает некоторое сомнение в его теоретической значимости для исследования, в нашем случае — для стилистической эволюции пластических искусств. Однако такой подход не снимает вопросов и не разрешает проблемы, поскольку не исключает бытования понятия, а лишь станет попыткой игнорировать его объективное существование.

Как известно, термин «реализм» в истории культуры первоначально был связан с одним из направлений схоластической философии, главным теоретиком которого принято считать Вильгельма [Гийома] из Шампо (1070–1121) [1]. Но в теории изобразительного искусства и литературы его внедрение проходило совершенно независимо от богословского наследия. Хотя, производя понятие «реализма» о латинского *realis*, что означает «действительный», приверженцы данной доктрины уже несомненно задавали определённое направление его интерпретации. В первой половине XIX в. сложение так называемой натуральной школы, прежде всего проявившей себя в литературном творчестве, принято считать начальным этапом становления реализма

как художественного метода. В основном эти вопросы достаточно подробно разработаны именно в литературоведении. И некоторые исследователи усматривают первые признаки творческой программы реализма уже в творчестве Оноре де Бальзака [2]. Действительно, в своём предисловии к «Человеческой комедии», написанном в 1842 г., великий прозаик неоднократно обращается к проблеме художественной правды, которая видится ему достижимой исключительно в контексте презентации социальной жизни. Более того, именно с дальнейшим развитием этого социохудожественного анализа и связывает писатель перспективы своего творчества: «Скоро я напишу два других произведения этого жанра. Во-первых, “Патологию социальной жизни”, затем — “Анатомию педагогической корпорации” и “Монографию о добродетели”» [3, с. 132]. А ведь именно острое внимание к социальным проблемам станет одной из принципиальных установок будущих художников-реалистов.

Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день в отношении западноевропейской истории пластических искусств большинство историков искусства сходятся во мнении, что первые признаки реализма возникают только в середине XIX в. Именно Гюстава Курбе они позиционируют как первого проповедника эстетической программы данного направления и в определённой мере инициатора внедрения понятия «реализм» в терминологическую базу теории искусства [4, с. 68]. Вместе с тем полной ясности с первым использованием термина «реализм» не усматривается и в этом случае. Многие исследователи указывают, что из-за отказа организаторов Салона (открытого одновременно с Международной выставкой 1855 г.) принять к экспонированию полотна Курбе «Похороны в Орнане» и «Ателье» художник арендовал отдельный павильон под вывеской «Реализм» и выпустил каталог с изложением своей творческой позиции: «Быть в состоянии передавать

нравы, идеи, внешний вид моей эпохи согласно моей оценке — одним словом, создавать искусство живое — такова была моя цель» [5, с. 41].

Однако ещё в 1840-х гг. творческие установки мастера достаточно внятно продемонстрировали выставленные в Салоне семь его живописных полотен. Действительно, в целом Курбе уже вполне осознал, что само «поименование» явления искусства мало что может объяснить в его подлинном содержании: «Кличка реалиста была навязана мне, как людям 30-х гг. была навязана кличка романтиков. Кличка никогда не давала правильного понятия о вещах; если бы дело обстояло иначе, произведения искусства были бы излишни» [6, с. 407]. Тем не менее от этой «клички» он более не открещивался и в своих выступлениях прямо называл избранное направление творчества реализмом.

Термин «реализм» в отечественной критике

В России, что и является предметом нашего особого интереса, всё происходило намного сложнее. Так, совершенно не ясен вопрос о первом использовании термина, но однозначно это было связано с развитием именно литературы, а не пластических искусств. С одной стороны, неоднократно упоминается, в том числе и в Большой российской энциклопедии [7], что впервые понятие «реализм» ввёл в России Павел Васильевич Анненков в 1849 г. Исследователи ссылаются при этом на его обзор «Современника», который он выполнил после смерти Виссариона Григорьевича Белинского [8, с. 31]. Знаменательно, по нашему мнению, высказывание Анненкова, которое чётко обрисовывает заявившую о себе проблему терминологической неопределённости: «Появление реализма в нашей литературе произвело сильное недоразумение, которое уже пора объяснить. Некоторая часть наших писателей поняла реализм в таком ограниченном смысле, какой не заклю-

чала ни одна статья, писанная по этому предмету в петербургских журналах» [2].

При этом из содержания статьи становится ясно: П.В. Анненков озабочен не определением реализма в литературе как такового, хотя некоторые пассажи говорят о том, что такое определение в целом в сознании критика уже вполне сложилось. Писателя более волнует уже возникшая тенденция своеобразной имитации реализма, которой он присваивает название «псевдорелизм» и определяет смысл этого понятия, если можно так выразиться, от обратного, а именно, выявляя его принципиальные, по мнению Анненкова, отличия от подлинного реализма: «С первого взгляда читатель имеет удовольствие видеть всю перспективу романа, знать, что будет говорить герой его, чем он кончит, как сложится во круг него происшествие. Неисчерпаемый источник всех неожиданных и поучительных рассказов — душа человека определена здесь заранее и притом по одному образцу, словно столб большой дороги. Самый талант в писателе делается не нужен, и если встречается (а встречается он часто), то кажется читателю излишней роскошью. Можно сбить рассказ, как фабрикуется карета из готовых частей, и потом навести на составные его принадлежности лак мыслей и заметок, более или менее произвольных... То ли думали значительные люди, писавшие у нас о реализме?» [9, 20].

В то же время исследователь В.Н. Захаров отмечает в своей статье, что ещё в 1847 г. Иван Сергеевич Тургенев сообщил в письме от 14 (26) ноября из Парижа, адресованном В.Г. Белинскому, о своём намерении, впрочем нереализованном, написать статью, в названии которой уже упомянуто понятие «реализм»: «Затеял я тоже статью под названием “Славянофильство и Реализм” — может быть, хорошо выйдет. Вообще, я не намерен тратить время попустому» [10, с. 386]. Известно, однако, что критик «не воспользовался его [Тургенева. — О.К.] тер-

минологической подсказкой» [2]. Таким образом, Захаров противоречит сам себе, прямо указывая на первенство в этом вопросе Тургенева, опередившего и европейских мастеров. Одновременно очевидна серьёзность отношения Тургенева к зарождавшемуся новому направлению в искусстве, коль скоро он счёл необходимым в заглавии планируемой публикации написать слово «реализм» с прописной буквы. Одновременно знаковым видится само сопоставление славянофильства и реализма, а в целом письмо свидетельствует о том, что понятие «реализм» уже прочно вошло в лексикон русских писателей и критиков конца 1840-х гг.

В отношении русского изобразительного искусства процесс внедрения понятия «реализм» происходил в 1850-х гг., и решающую роль здесь несомненно играла позиция Владимира Васильевича Стасова как наиболее авторитетной фигуры русской художественной критики середины – второй половины XIX в. [11, с. 120–132]. Он недаром вошёл в историю русской художественной культуры как последовательный борец «за реализм в искусстве». В то же время данный термин напрямую длительное время критик использовал крайне осторожно. Впервые сопоставление «реального» и «идеального» в искусстве он озвучивал в статье «О голландской живописи» только в 1856 г. [12, с. 35], где первое направление ассоциировано им с теоретическими позициями Винкельмана, а второе – с концепцией популярного в те годы, а ныне практически забытого Карла Фридриха Румора.

С этой точки зрения наиболее последовательным изложением своего взгляда на задачи современного искусства и соответственно понимание термина «реализм» Стасов раскрывает в ряде своих критических статей и программных сочинений, написанных и опубликованных с начала 1860-х гг. В статье 1862 г. «После всемирной выставки» критик прямо указывает, что она «заключала в себе, вместе с представителями двух прежних направлений

наших (академического и портретного), несколько представителей и нынешнего, реалистического» [13, с. 90]. И главную задачу русского изобразительного искусства Стасов видит в необходимости «стать на верную, надёжную почву, почву действительности и национальности, чтоб превратиться в реалистов, замысляющих, по-видимому, обыкновенное, но производящих значительное» [13, с. 90].

Заметим при этом, что начавшиеся во второй половине 1870-х гг. тесная дружба и активная переписка с Львом Николаевичем Толстым не содержит ни одного упоминания реализма. Совершенно очевидно, что Стасов был достаточно осторожен в этом вопросе, опасаясь навязывать свои теоретические установки великому писателю, в отличие от публицистического напора его критических статей, обращённых к широкому кругу читателей. Здесь нам видится одна из характерных проблем рассматриваемой темы, поскольку критик напрямую выводил становление реализма в русском искусстве из расцвета реалистического направления именно в литературе. Так, в работе «Двадцать пять лет русского искусства», опубликованной в 1882–1883 гг., Стасов с присущим ему достаточно безответственным отношением к фактам прямо указывает: «Родился у нас Гоголь и создал “натуральную школу”, т.е. реализм нашего нового времени, не имея никакого понятия ни о Бальзаке, ни о Диккенсе. Но как тут, так и там главная основа, главный принцип были одинаковы» [13, с. 521].

Прежде всего необходимо отметить, что Гоголь, безусловно, знал Бальзака, недаром он присваивал в шутку его имя друзьям-литераторам, наряду с Дюма и Гюго. Диккенсом же Гоголь, по утверждению Ф.И. Буслаева, просто зачитывался. Характерен в этом смысле следующий фрагмент воспоминаний о пребывании в Риме: «...Только в том углу сидел, сгорбившись над книгою, какой-то неизвестный мне господин, и в течение получаса, пока

я поджидал своего Панова, он так погружён был в чтение, что ни разу ни с кем не перемолвился ни единым словом, ни на кого не обратил хоть минутного взгляда, будто окаменел в своей невозмутимой сосредоточенности. ...Оказалось, что я целых полчаса просидел за столом с самим Гоголем. Он читал тогда что-то из Диккенса, которым, по словам Панова, в то время он был заинтересован. Замечу мимоходом, что по этому случаю узнал я в первый раз имя великого английского романиста: так и осталось оно для меня навсегда в соединении с наклонённой над книгой фигурой в полусвете тёмного угла» [14, с. 259]. Так что положение, согласно которому наша «натуральная школа» родилась в полном неведении о существовании таковой в Европе, было обычным для Стасова сильным допущением.

Впрочем, достаточно странно выглядит и стремление критика безоговорочно приписать Гоголя «натуральной школе», учитывая тот факт, что Белинский с нею связывал только его поэму «Мёртвые души». Естественно, гоголевский романтизм ни в какие рамки столь незначительного по достигнутым в России результатам направления заключён быть не может. Далее Стасов, как всегда, противореча сам себе, тут же выводит определение реализма для изобразительных искусств именно из высказывания Курбе: «Основа реализма – это отрицание идеальности» [7, с. 521]. То есть критик прямо сопоставляет становление реалистического направления в художественной культуре России с тенденциями развития европейской живописи, прежде всего, французской.

Однако ни в этой программной статье, ни в грандиозном труде «Искусство XIX века», увидевшем свет в 1901 г., где автор определяет реалистическое направление как главную творческую платформу настоящего искусства, собственно специфических признаков данного направления критик не обозначает и не ана-

лизирует. Заметим, что отмеченное исследование вместе с рядом статей должно было оформиться в некую грандиозную монографию под названием «Разгром». На самом деле, звучать это должно было ещё более угрожающе, а именно – «Carnage général», или «Генеральная бойня» [15, с. 353], что даёт достаточное представление о характере критического настроения Стасова по отношению к современной художественной культуре и его видения перспектив её развития. Основную направленность «Разгрома» Стасов прекрасно раскрывает в письме к Репину от 30 мая 1888 г.: «Я принялся обдумывать свою работу, самую большую и самую важную. Пора, пора, а то и ноги протянешь, а всё будешь собираться. Я решил слить вместе несколько задуманных прежде (давно) работ: "Мои любви и ненависти в искусстве", "История художественной публики", "Художественные критики прежние и нынешние" и ещё кое-что. Куда же мне к чёрту сладить со всем этим поодиночке?! Много лет надо. Нет, лучше всё повести разом, всё сжать в одну компактную, крепкую, твёрдую, стальную массу... схватить и напечатать огненными буквами, да так, чтобы правда дотла была... Я хочу назвать эту свою лебединую песню: "Старое и новое искусство"» [16, с. 867].

Заметим, что Л.Н.Толстой активно поддерживал идею издания «Разгрома» Стасова, что отлично иллюстрируется их перепиской: «"Разгром" ваш очень важен и очень меня интересует. Я убеждён, что во всех делах прогресс всегда только в устранении предрассудка, слепшегося с истинами и добром. Что истина и добро даны от начала и что поэтому дело людей, служащих прогрессу, устранять суеверия, затемняющие истину и добро. Вы это и хотите делать в искусстве. И это очень-очень важно» [15, с. 172]. Сопоставление текста Стасова с программной публикацией Толстого «Что такое искусство» [17, с. 41–231] позволяет наиболее полно выявить эстетические установки Стасова в отношении

как понятия «реализм», так и всей системы оценки достижений в области пластических искусств, что ещё предстоит сделать в дальнейших исследованиях. Стоит притом отметить особо, что перед нами именно изложение эстетических установок, а отнюдь не исследование собственных качеств произведений данного художественного направления.

В дальнейшем разработка вопроса о содержании современного искусства наиболее полно раскрывалась в переписке Стасова с деятелями русской культуры, и особо показательным в этом смысле является эпистолярное наследие критика, связанное, как уже упоминалось, с именем Льва Толстого. Именно из этой переписки можно последовательно сформировать представление о том, что Стасов (хотя и избегающий самого термина) понимает под реализмом в изобразительном искусстве. Знаковым в этом смысле следует считать сам факт обсуждения данных вопросов именно с писателем. В дальнейшем становится очевидным, что признаки «новизны» и «прогрессивности» Стасов соотносил прежде всего с содержательной, пролитературной, а не с формально-пластической характеристикой произведений живописи и скульптуры, что вполне объяснимо в условиях господства литературоцентризма во всей русской художественной культуре второй половины XIX в.

Как известно, во второй половине XIX столетия произведения, единодушно приписываемые направлению реализма, появлялись практически во всех европейских странах. Особое значение его развитие имело для русской художественной культуры ввиду специфики социально-политической ситуации, сложившейся в нашей стране. С определённого момента понятие реализма начинает прочно увязываться с понятием правды жизни и правды в искусстве. В связи с этим признание произведения принадлежащим реалистическому направлению становится как бы определённым

знаком качества и общественной значимости. Но в отличие от Стасова, уже в энциклопедии Брокгауза и Эфрона статья, посвящённая реализму в изобразительном искусстве, демонстрирует новый, гораздо более вдумчивый подход к анализу явления. Так, автор статьи «Реализм и натурализм в живописи», известный русский физик и теоретик цветоведения Фёдор Фомич Петрушевский основное внимание обращает на процесс зарождения и становления реалистических установок в западноевропейской живописи, а русским мастерам оставляет только последний небольшой абзац. Таким образом, вслед за Стасовым, учёный усматривает поиски соответствующего подхода к природе в более древних эпохах, но, в противовес знаменитому критику, границы эти заметно расширяет и делает серьёзный упор на развитие именно новой техники письма и колористики.

В дальнейшем, уже в XX в., понятие реализма большей конкретности не приобретает, а, напротив, резко расширяется, и к этому направлению ряд отечественных исследователей начинает относить всё более широкий круг школ и направлений европейской художественной культуры. В результате терминологические границы, предельно раздвигаясь, окончательно утрачивали свою научную конкретность и обоснованность. Реалистическим начинают именовать и искусство Древней Греции и Рима, и искусство мастеров XVII в., не демонстрировавших чёткую приверженность господствующим большим стилям – барокко и раннему европейскому классицизму. В итоге данному направлению было присвоено название «внестилевого искусства».

Эволюция истолкования в XX веке

Характерной чертой отечественной традиции истолкования реализма явилось предельное расширение его исторических границ даже в рамках искусства Нового времени. Так, в изданной в 1960-х гг.

«Всеобщей истории искусства» стремление придать временным параметрам явления максимальную масштабность приводит к утверждению, что «романтизм, по существу, явился одной из форм становления реализма...» [5, с. 41]. Причём в тексте главы, посвящённой французскому искусству от конца XVIII в. до последней четверти XIX, постоянно подчёркивается мысль о прогрессивности, особой ценности творческих достижений художников, причисляемых к когорте реалистов. Интересно отметить, что сам термин «реализм» начинает систематически дополняться определением «критический», тем самым привнося в позицию мастеров соответствующую социально-ангажированную окраску: «Этому неглубокому, обезличенному, но зато признанному искусству [академизма. — О.К.] противостояло полнокровное искусство прогрессивных художников. Среди них были и романтики, и представители критического реализма» [5, с. 55]. Аналогичных цитат можно привести достаточно большое количество. Всё это ещё острее поставило вопрос об убедительном определении данного направления в развитии пластических искусств.

Таким образом, в настоящее время рассматриваемый термин в устах различных

исследователей может в равной степени означать и самую высокую оценку, и явно негативное отношение к результату. Одновременно к понятию «реализм» как таковому стали добавляться крайне ангажированные определения типа дидактический, социалистический и т.д., ещё более усугубляющие понятийную неопределённость. По нашему глубокому убеждению, настало время вернуться к этому вопросу и начать более обоснованно определять реальные характеристики этого значимого явления в мировой художественной культуре Нового и Новейшего времени. Признавая за произведением изобразительного искусства самодостаточность и смысловую ценность, не ограниченную вербализуемым содержанием, представляется крайне важным встать на иные, специфически искусствоведческие основания анализа. Не вызывает сомнения, что данное явление нуждается в глубоком и всестороннем исследовании специфики присущих ему средств выразительности и способов образного построения. Именно такой подход позволит вывести понятие «реализма» из тени смысловой неопределённости и более аргументированно охарактеризовать его значение и роль в истории мировой художественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология средневековой мысли (Теологи и философия европейского Средневековья): В 2 т. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2001. С. 250–257.
2. Захаров В.Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) (<https://www.portal-slovo.ru/philology/37309.php>) (дата обращения: 15.06.2020).
3. Бальзак О. Зарубежная литература XIX века. Реализм. Хрестоматия историко-литературных материалов. М.: Высшая школа, 1990. С. 132.
4. Laurent Stéphane, Le rayonnement de Gustave Courbet: un fondateur du réalisme en Europe et en Amérique, Paris: L'Harmattan, 2007.
5. Яворская Н.В. Всеобщая история искусств: В 6 т. Т. 5. М.: Искусство, 1964.
6. Мастера искусства об искусстве / Под ред. Д.Е. Аркина, Б.Н. Терновца. М.; Л.: Государственное издательство изобразительных искусств, 1936.
7. Ранчин А.М. Большая российская энциклопедия (<https://bigenc.ru/literature/text/3500737>) (дата обращения: 12.06.2020).

8. Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки: Собрание статей и заметок: 1849–1868 гг.: В 3 отд. Отд. 2. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1879.
9. Анненков П.В. Современник. 1849. № 1. Отд. III. 1–23.
10. Белинский В.Г. Письма: В 3 т. Т. 3: 1843–1848 / Ред. и примеч. Е.А. Ляцкого, Россия, СПб.: Огни, 1914.
11. Калугина О.В. Правда жизни и правда искусства в творческом методе русских скульпторов второй половины XIX – начала XX в.: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 1 (11). С. 120–132.
12. Стасов В.В. Избранные сочинения: В 3 т. Т. 1. М.: Искусство, 1952.
13. Стасов В.В. Собрание сочинений В.В. Стасова 1847–1886: В 4 т. Т. I: Художественные статьи. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894.
14. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897.
15. Л.Н. Толстой, В.В. Стасов. Переписка, 1878–1906 гг. / Ред. и примеч. В.Д. Комарова и Б.Л. Модзалевского. СССР. М.: Прибой, 1929.
16. Стасов В.В. Избранные сочинения: В 3 т. Т. 3. СССР, М.: Искусство, 1952.
17. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 15. СССР. М.: Художественная литература, 1983.

ENGLISH

Boundaries of Realism: Terminology Issues

Kalugina Olga Veniaminovna – Doctor of Arts, Chief Researcher at the Russian State University for the Humanities, Head of the Project – “Phenomenon of ‘Realism’ in the Visual Arts of the 19–21st Centuries: Interpretations, Meanings, Images” (20-012-00113).
E-mail: evaksenia@gmail.com

The major objective of this publication is to trace the formation of the term “realism” both in the plastic arts and European artistic culture in general. The need for such an analysis is determined by the current terminology applied to various phenomena in the history of European art, which results in a large degree of ambiguity with respect to the conceptual range. Although the origins of the concept “realism” date back to the scholastic religious philosophy of the Middle Ages, its application in Art Studies has entirely different backgrounds and can actually be traced back to the middle of the 19th century. As far as the Western European art is concerned, this concept is first used with respect to the artistic works by Courbet. In the history of the Russian Art in general and art criticism in particular, the term is commonly used with reference to the emergence and development of the “Natural School” literary movement.

At the same time, a thorough analysis of, inter alia, the epistolary and artistic-critical legacy of the leading figures of the Russian culture in the middle and the second half of the 19th century, such as Belinsky, Turgenev, Tolstoy, Stasov, and others, explicitly reveals a rather early application of this term, but mainly in the field of literary rather than artistic criticism. This situation can be explained by the total predominance of literary centrism in the 19th century Russian Art, which, in its turn, was determined by the specific aspects of our country’s social and political development. The explicit translation of this concept into the plastic arts domain was at the same time associated with the use of terminological qualifiers such as “critical”, “didactic”, and “socialist” with respect to the word realism, which resulted in even greater conceptual ambiguity. There is no doubt that the analysis of historical formation and that of characteristics of the figurative-plastic system of realism as a creative method should finally be subject to a comprehensive review, which can allow avoiding its excessively broad terminological interpretation.

Keywords: Natural School, realism, facts of life, truth of art, creative method

REFERENCES

1. Antologiya srednevekovoy mysli (Teologi i filosofiya evropeyskogo Srednevekov'ya) v 2 tomakh. Tom 1. SPb.: RKHGI, 2001. S. 250–257 (in Russian).
2. Zakharov V.N. Khristianskiy realizm v russkoy literature (postanovka problemy) (<https://www.portal-slovo.ru/philology/37309.php>) (data obrashcheniya: 15.06.2020) (in Russian).
3. Bal'zak O. Zarubezhnaya literatura XIX veka. Realizm. Khrestomatiya istoriko-literaturnykh materialov. M.: Vysshaya shkola, 1990. S. 132 (in Russian).
4. Laurent Stéphane, Le rayonnement de Gustave Courbet: un fondateur du réalisme en Europe et en Amérique, Paris: L'Harmattan, 2007.
5. Yavorskaya N.V. Vseobshchaya istoriya iskusstv: V 6 t. T. 5. M.: Iskusstvo, 1964 (in Russian).
6. Mastera iskusstva ob iskusstve / Pod red. D.E. Arkina, B.N. Ternovtza. M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo izobrazitel'nykh iskusstv, 1936 (in Russian).
7. Ranchin A.M. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya (<https://bigenc.ru/literature/text/3500737>) (data obrashcheniya: 12.06.2020) (in Russian).
8. Annenkov P.V. Vospominaniya i kriticheskie ocherki: Sobranie statey i zametok: 1849–1868 gg.: V 3 otd. Otd. 2. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1879 (in Russian).
9. Annenkov P.V. Sovremennik. 1849. № 1. Otd. III. 1–23 (in Russian).
10. Belinskiy V.G. Pis'ma: V 3 t. T. 3: 1843–1848 / Red. i primech. E.A. Lyatskogo, Rossiya, SPb.: Ogn, 1914 (in Russian).
11. Kalugina O.V. Pravda zhizni i pravda iskusstva v tvorcheskoy metode russkikh skulptorov vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: k postanovke problemy // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie». 2018. № 1 (11). S. 120–132 (in Russian).
12. Stasov V.V. Izbrannye sochineniya: V 3 t. T. 1. M.: Iskusstvo, 1952 (in Russian).
13. Stasov V.V. Sobranie sochineniy V.V. Stasova 1847–1886: V 4 t. T. I: Khudozhestvennyye stat'i. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1894 (in Russian).
14. Buslaev F.I. Moi vospominaniya. M., 1897 (in Russian).
15. L.N. Tolstoy, V.V. Stasov. Perepiska, 1878–1906 gg. / Red. i primech. V.D. Komarova i B.L. Modzalevskogo. SSSR. M.: Priboy, 1929 (in Russian).
16. Stasov V.V. Izbrannye sochineniya: V 3 t. T. 3. SSSR, M.: Iskusstvo, 1952 (in Russian).
17. Tolstoy L.N. Sobranie sochineniy: V 22 t. T. 15. SSSR. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

УДК 159.9.1
ГРНТИ 15.01.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-101-112

Н.А. ЛОГИНОВА*

Новые страницы истории Петербургской психологической школы

История Петербургской психологической школы недостаточно изучена по сравнению с зарубежными и московскими научными школами. В статье представлены новые конкретные сведения об институционализации психологии в Ленинграде в послевоенный период в связи с созданием кафедры и отделения, а позже, в 1966 г., — факультета психологии в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) государственном университете. Конкретизированы факты влияния исторических катаклизмов, послевоенных политических событий, идеологических кампаний на развитие психологической науки и образования: Великая Отечественная война, «борьба с космополитизмом», Объединённая сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук, посвящённая учению И.П.Павлова, изменение ситуации в стране и науке в период «оттепели» и т.д. Эти последствия выразились в резком прерывании переписки с зарубежными коллегами в 1948 г. Восстановление и расширение международных контактов произошли во второй половине 1950-х гг.

Дополнены сведения о кадровом составе научной школы, выдающейся роли Б.Г.Ананьева в её целенаправленном формировании в процессе интенсивной повседневной работы на посту руководителя отделения психологии университета, декана факультета психологии, директора НИИ педагогики. Подтверждены документально факты об инициативах Б.Г.Ананьева по созданию Института комплексных социальных исследований в структуре Ленинградского университета, лаборатории дифференциальной психологии и антропологии в нём, организации комплексных исследований человека-индивидуальности. Установлена дата начала его активной работы по написанию книги «Человек как предмет познания» (1963 г.).

Петербургская психологическая школа развивалась неравномерно, часто вопреки обстоятельствам. В ней сложился демократический и творческий стиль коллективной работы. Здесь сформировались профессиональные психологи, лучшие из них стали заметными деятелями отечественной науки. В статье предложена новая периодизация Петербургской психологической школы, в которой выделены бехтеревский, послебехтеревский, ананьевский и послепананьевские периоды.

* **Логинава Наталья Анатольевна** — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «История Петербургской психологической школы (1944–1991): архивные разыскания и изучение источников» (17-06-00484а).

E-mail: n_a_loginova@mail.ru

Ключевые слова: Петербургская психологическая школа, архивные документы, исторические события, политические и идеологические условия, кадровый состав, направления научной работы, лидирующая роль Б.Г. Ананьева, институциональные центры психологической науки и образования в Ленинграде (Санкт-Петербурге) после войны, международные контакты

История отечественной психологии неизменно является актуальной как частица истории страны. Эта отрасль науки привлекает внимание, поскольку является важным источником идей для современных исследований. Кроме того, она имеет собственные цели — изучение закономерностей развития психологической науки. Самые общие закономерности зафиксированы в формулировках принципов единства логического и исторического в научном развитии, социально-исторического контекста, индивидуальной и коллективной субъектности, системности, междисциплинарных связей [1, 2]. Эти принципы реализуются в анализе конкретного исторического материала в координатах предметно-логического, социально-исторического и личностно-биографического измерения науки. Причём история науки рассматривается как процесс её развития [3].

Несмотря на наличие ряда публикаций об истории петербургской психологии [4–9], далеко не всё нам известно либо известно в общих чертах и неточно. Надо отметить, что историография российской психологии создаётся в основном на материалах творчества московских научных институций и персоналий. Такое положение оправдано особым столичным статусом Москвы и наибольшего кадрового потенциала столицы. Однако картина будет неполной без охвата других научных и образовательных центров России, в которых развивалась наша наука и создавались научные школы. Это замечание относится и к исследованиям петербургской психологии. Остаются нетронутыми массы документов о деятельности психологов Петербурга–Ленингра-

да, хранящихся в архивах как государственных, так и частных, семейных. Архивные материалы — необходимая для теоретического исследования историков источниковедческая база. Архивные разыскания и изучение релевантных источников — цель нашего проекта.

Объект исследования — материалы государственных и личных домашних архивов, относящиеся к истории Петербургской психологической школы военного и послевоенного советского периода (1941–1991). **Предмет** — история Петербургской психологической школы во время Великой Отечественной войны и послевоенный период — 1941–1991 гг. Избранный интервал исторического времени обусловлен меньшей его изученностью по сравнению с дореволюционными и довоенными периодами XX в.

Наше исследование сосредоточено на психологическом отделении и факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ, а ныне СПбГУ). Это не случайно и объясняется сложившимся у нас представлением об историческом перемещении центра развития психологии в Ленинграде. До войны лидерство в ленинградской психологии занимала кафедра психологии Педагогического института им. А.И.Герцена (РГПУ), возглавляемая последовательно М.Я.Басовым, А.П.Болтуновым и С.Л.Рубинштейном. Наряду с ней центром психологической науки в те годы были Институт мозга им. В.М.Бехтерева, возглавляемый В.М.Бехтеревым, а после его смерти — известным психиатром бехтеревской школы В.П.Осиповым. Особое место занимал и Психоневрологический институт им. В.М.Бехтерева, которым с 1939 по 1961 г. руководил круп-

ный психолог-персонолог и психотерапевт В.Н.Мясищев. В послевоенное время довольно быстро центром притяжения психологов города стали вновь открытые в 1944 г. отделение и кафедра психологии ЛГУ (СПбГУ) во главе с Б.Г.Ананьевым.

Методы исследования. Изучение прошлого опирается на источники, важнейшими из которых являются материалы архивных фондов, старые, выпавшие из научного информационного оборота публикации, свидетельства участников и наблюдателей былых событий. Поиски релевантных источников по описям в архивных фондах, по личным обращениям к родственникам учёных и коллегам, контакты, беседы с ныне живущими участниками исторического процесса составляют трудоёмкую начальную стадию нашего исследования. Использование психобиографических методов и интервью позволили увидеть человеческую сторону истории науки, роль личности в ней.

Предметно-логический, социально-исторический, личностно-биографический, процессуальный аспекты научного развития конкретизировались в нескольких направлениях анализа: институциональные формы психологической науки и образования, тематика научных исследований и дипломных работ, содержание и стиль учебно-воспитательного процесса, круг участников событий, относящихся к истории Петербургской психологической школы, внутрисоюзные и международные научные контакты, стиль руководства кафедрой психологии ЛГУ (СПбГУ), характер отношений и всё вместе – как процесс работы по созданию и развитию научной школы с центром в Ленинградском – Петербургском государственном университете и её особой научной программы.

Фиксация добываемых сведений проводилась путём фотографирования и сканирования документов, выписок и полного переписывания текстов вручную. Обработка – расшифровка записей, построение графиков и хронологических таблиц, систематизация, сопоставление

разных источников, установление и уточнение фактов и т.п., что называется критика источников. Далее подготовленный материал был проанализирован в свете исходных представлений об изучаемом предмете. Исследовательский цикл работы над данным проектом завершился теоретическим обобщением о развитии Петербургской психологической школы в послевоенный период.

Полученные результаты и их обсуждение

В процессе работы по проекту были выявлены и прочитаны десятки протоколов заседаний кафедры психологии первых десяти лет существования в ЛГУ. В этих и других документах содержатся свидетельства о самоотверженной работе Б.Г.Ананьева и его сотрудников по созданию научно-образовательного центра по психологии в ЛГУ (ныне СПбГУ), который после войны стал ядром Петербургской психологической школы.

В протоколах кафедры психологии и других документах отражены все направления её работы. Известные ныне учёные Л.М.Веккер, А.А.Бодалёв, Е.С.Кузьмин, Б.Ф.Ломов, Е.Ф.Рыбалко, Е.В.Шорохова и другие предстают в архивных протоколах в качестве студентов и аспирантов. Уже в первых научных исследованиях и выступлениях угадываются их интересы, способности, особенности характера и то, что Ананьев называл «энергией старта». Прослеживается и преемственность в индивидуальном жизненном пути воспитанников психологического отделения ЛГУ. Ярко эту закономерность демонстрирует научная биография выдающегося учёного Л.М.Веккера. Первый его опыт экспериментально-психологических исследований осозания в студенческие и аспирантские годы, участие в написании коллективной монографии «Осозание в процессах познания и труда» (1959 г.) многократно осмысливался им и стал важным источником его теории психических процессов [10–12]. Здесь

Ил. 1. Декан факультета психологии Ленинградского университета проф. Б.Г. Ананьев и директор Института комплексных социальных исследований Ленинградского университета проф. Д.А. Керимов (ок.1967 г.)

есть и тематика НИР сотрудников кафедр, тематические планы публикаций, их обсуждения, отчёты преподавателей и пр.

Документы архивов обогащают картину политической обстановки, в которой работали психологи. Это и трагические события Великой Отечественной войны, и послевоенные тяготы жизни, и политические кампании 1947–1953 гг., инициированные сталинской властью. История страны отразилась в военной тематике исследований и публикаций. Например, рукопись доклада В.Н.Мясищева «О нарушениях кожной чувствительности при нервно-психических заболеваниях военного времени», «О пограничных состояниях в условиях блокады» [13, 14]. В архивах Института мозга им. В.М.Бехтерева есть материалы о работе сотрудников и ущербе, причинённом институту в период блокады Ленинграда [15]. В личных делах ленинградских психологов, хранящихся в архивах РАН, СПбГУ и др., находим сведения об их участии в Великой Отечественной войне как в блокадном городе, так и в местах эвакуации. По этим документам удаётся выявить новые биографические и исторические данные, уточнить даты и многое другое.

Своеобразными были условия развития советской науки. В политических и идео-

логических кампаниях в обязательном порядке должны были участвовать все граждане — от рабочих и колхозников до академиков и заслуженных деятелей искусства. Фактор строгого партийного руководства действовал в каждом научном и образовательном учреждении. Под видом научных дискуссий были затеяны и проведены политико-идеологические кампании по подавлению всякого разномыслия, кампании, искажившие и на долгие годы затормозившие развитие науки в нашей стране. В архивах отложились рукописи статей и стенограмм докладов в обществе «Знание», на общих

собраниях коллектива учёных и преподавателей, направленных против зарубежной, «буржуазной», психологии. В качестве примера можно привести тексты В.Н.Мясищева «Критика физикализма в психологии К.Левина», «О реакционной сущности фрейдизма», инспирированных кампанией борьбы с «космополитизмом» [16, 17].

Психологам ЛГУ приходилось не раз пересматривать учебные планы и рабочие программы, подстраиваясь под новые идеологические требования. Так было и после названной «павловской» Объединённой научной сессии АН СССР и Академии медицинских наук СССР 1950 г. После конференции, проведённой в связи с празднованием 100-летия И.П.Павлова, началась кампания «павловизации» всех наук о человеке, в том числе и психологии. В общем, это известная история, но в архивных документах мы находим совершенно конкретные последствия этого события для психологов ЛГУ. Уже 31 августа 1950 г. на заседании кафедры психологии обсуждался вопрос «О путях перестройки работы кафедры» [18]. Б.Г.Ананьев предложил организовать семинар, посвящённый изучению трудов И.П.Павлова. В тематике дипломных и аспирантских работ часто присутствовало павловское учение. Характерны название кандидатской дис-

сертации Е.Ф.Рыбалко 1952 г. «Об усвоении и применении понятий о нервной системе и её деятельности в процессе обучения анатомии и физиологии человека в средней школе» и название одной из дипломных работ 1952 г. «Роль дифференцировки временных связей в умственной деятельности».

В условиях торжества ортодоксов, пытавшихся упразднить психологию, психологи отстаивали свою науку. Выступая с главным докладом о павловской сессии на общем собрании ленинградского НИИ педагогики АПН РСФСР 8 сентября 1950 г., Б.Г.Ананьев заявил: «Никто не дал права никому утверждать, что советская психология не сделала никаких шагов в обоснование своего предмета, в раскрытии природы сознания» [19, с. 132–133].

Большие прогрессивные изменения в политике государства после смерти Сталина в 1953 г. и развенчания его культа в 1956 г. способствовали развитию общества, включая науку. Появились смелые проекты и многообещающие начинания, проходили общественные дискуссии. Именно в тот период, в начале 1960-х гг., были выдвинуты инициативы Б.Г.Ананьева и его коллег – университетских гуманитариев по созданию Института комплексных социальных исследований (НИИКСИ ЛГУ) и лаборатории дифференциальной психологии и антропологии в его структуре (ил. 1). Лаборатории отводилась важная роль в подготовке и проведении комплексных исследований человека по программе и под руководством Б.Г.Ананьева.

В этом плане особый интерес для истории Петербургской школы представляют протоколы лаборатории дифференциальной психологии и антропологии НИИКСИ ЛГУ 1965–1980-х гг., сохранившиеся в домашних архивах М.Д.Дворяшиной и Л.В.Куликова. Стиль руководства и коллективной работы, атмосфера увлечённости и заинтересованности в успехе общего дела хорошо переданы в воспоминаниях сотрудников лаборатории

и других участников комплексных исследований. (Были собраны и зафиксированы устные воспоминания к.п.н. О.М.Анисимовой, к.п.н. Л.А.Барановой, Н.М.Владимировой, к.п.н. Н.А.Грищенко-Розе, к.п.н. К.Д.Шафранской и др.)

История создания классической книги Б.Г.Ананьева «Человек как предмет познания» раскрывается в протоколах заседания кафедры психологии и других документах. Теперь можно уверенно датировать начало работы непосредственно над текстом книги 1963 годом. В неопубликованной рукописи 1964 г. «К вопросу о взаимосвязи труда, познания и общения» Ананьев высказывает идеи и аргументы, которые были развиты и опубликованы в выше названной книге в 1968 г.

Документы архивов дают богатый материал для ответа на вопрос о персональном составе Петербургской психологической школы. Вначале на кафедре работали сотрудники и ученики В.М.Бехтерева: Б.Г.Ананьев, В.И.Кауфман, В.Н.Мясищев, Н.В.Опарина, А.А.Прессман, А.В.Ярмоленко. Позже были приняты на работу в ЛГУ первые выпускники отделения психологии, ставшие видными учёными, деятелями нашей науки, – А.А.Бодалёв, Л.М.Веккер, Б.Ф.Ломов, Е.С.Кузьмин, Е.Ф.Рыбалко и др. Установлены и менее известные сотрудники отделения и позже факультета психологии. На всех лежит печать особенностей научной школы, которую мы называем теперь Петербургской (ил. 2).

Международные связи ленинградских психологов наглядно отразились в зарубежной переписке Б.Г.Ананьева. В его домашнем архиве есть 87 писем к нему. Первое письмо, датированное июнем 1947 г., от венгеро-голландского психолога Гезы Ревеша (Géza Révész) из Амстердама, известного у нас в то время по его работам о способностях.

Другое письмо от 31 июля 1947 г. написано известным историком психологии Эдвином Борингом в ответ на письмо Ананьева. Как можно понять из текста, Б.Г.Ананьев, будучи автором книги

Ил. 2. Выступает одна из основателей отделения психологии профессор факультета психологии Ленинградского госуниверситета (ЛГУ) А.В. Ярмоленко. В президиуме на переднем плане декан факультета психологии ЛГУ проф. А.А. Бодалёв, во втором ряду – заведующая отделом психологии Института образования взрослых Академии педагогических наук СССР проф. Е.И. Степанова, заведующая кафедрой педагогики и педагогической психологии ЛГУ проф. Н.В. Кузьмина (ок. 1975 г.)

и статей по истории русской психологии [20, 21], обращал внимание американского учёного на русский вклад в психологическую науку и умолчание о нём в книге Э.Боринга «История экспериментальной психологии» 1929 г. [22]. Боринг в ответ объяснял свою позицию так: «Я пишу о прошлом настоящего, а не о прошлом как таковом. Это означает, что те прошлые события, которые были значительны в своё время, я игнорирую, если они не повлияли на настоящее» (перевод мой. — Н.Л.). Он признал, что мало знает русскую психологию, её деятелей, кроме В.М.Бехтерева и И.П.Павлова, и не считает русскую психологию значительной для мировой науки. Боринг предлагал Б.Г.Ананьеву подумать о публикации перевода книги Ананьева по истории русской психологии 1947 г. в англоязычных странах (ил. 3).

К 1947–1948 гг. относятся и письма из Америки, Нидерландов от психологов, заинтересовавшихся статьями Б.Г.Ананьева, с просьбой прислать их. Речь идёт о статье, посвящённой успехам советской психологии, о некоторых других публи-

кациях. Переписка с адресатами из США и других зарубежных стран резко обрывается в 1948 г., когда начались «холодная война» и кампания «борьбы с космополитизмом» в СССР.

Оживление переписки с зарубежными коллегами происходит уже после смерти Сталина и благоприятных событий времени «оттепели» в середине 1950-х гг. Писали психологи из стран социалистического лагеря, в большинстве те, кто учился в ЛГУ, К.Пуфан (Румыния), З.Капустинска (Польша), К.Яро (Венгрия), С.Желев (Болгария), другие бывшие студенты и аспиранты психологического отделения и факультета. Они стали проводниками влияния советской психологии в научном обществе у себя на родине.

Возобновилась переписка и с учёными капиталистических стран в связи с командировками Б.Г.Ананьева в Великобританию (1956), страны Южной Америки (1957), Италию (1958), приездом иностранных учёных в нашу страну, встречами с московскими и ленинградскими психологами. В 1960-х гг. установился де-

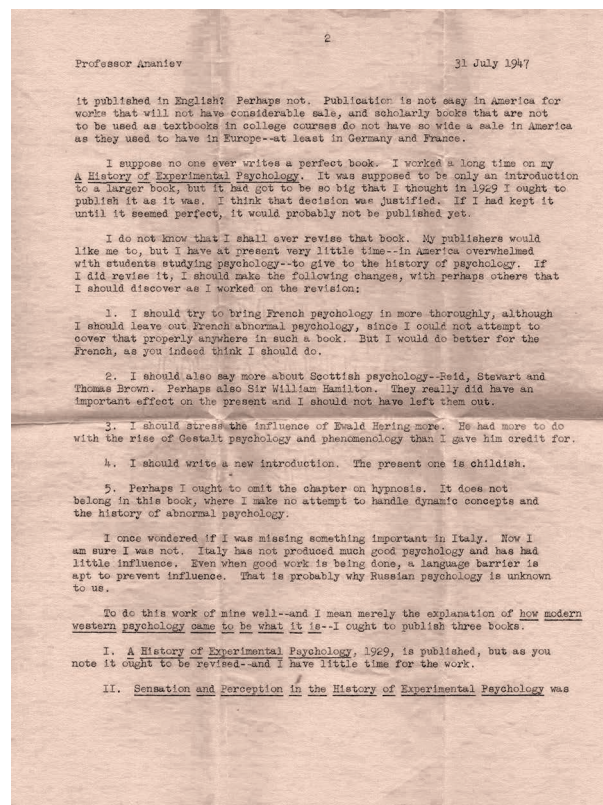
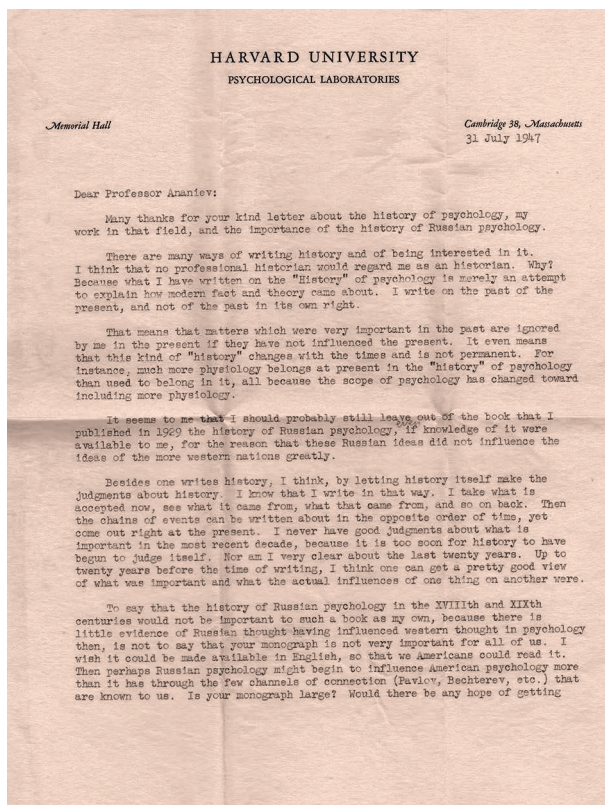
ловой контакт с японским профессором Иошихару Акишиге (Yoshiharu Akishige) по обоюдному интересной теме восприятия пространства и по поводу соответствующего симпозиума, который организовал Б.Г.Ананьев на XVIII Международном психологическом конгрессе (Москва, 1966) (ил. 4). Из иностранной корреспонденции мы делаем выводы о составе, содержании и временной динамике связей с зарубежными учёными в контексте общеполитической ситуации в нашей стране и международных отношениях.

Более 100 писем к Б.Г.Ананьеву пришло от отечественных психологов и не только. Среди советских корреспондентов были К.А.Абульханова, П.Я.Гальперин В.С.Мерлин, К.А.Рамуль, И.А.Соколянский, Д.Б.Эльконин, М.Г.Ярошевский и др., а также ученики и сотрудники Бориса Герасимовича. Содержание писем чаще всего касалось деловых вопросов. Например, академик И.М.Забелина отвечает Борису Герасимовичу по поводу возможной научной статьи о причастности географической нау-

ки к проблемам человекознания. Письмо датировано 1964 г., т.е. оно написано в период активной работы Ананьева над книгой «Человек как предмет познания». В ней идеи И.М.Забелина о Земле приводятся как один из аргументов к тезису Ананьева о всеобщности научного движения к проблеме человека.

В 1970 г. Б.Г.Ананьев инициировал создание коллективного психолого-антропологического пособия для учителей средних школ. Он обратился к руководству АПН СССР с этим предложением, изложил тематику глав и круг авторов пособия, включая самого Б.Г.Ананьева, А.Н.Леонтьева, А.Р.Лурия, М.В.Кольцову, А.А.Смирнова и др. Проект был принят Академией педагогических наук СССР, прошёл несколько обсуждений, но, к сожалению, так и не был осуществлён [23].

Публикация документов – важный результат историко-архивных разысканий. Кроме упомянутых публикаций 2017 и 2019 гг., была подготовлена и опубликована стенограмма выступления Б.Г.Ана-

Ил. 3. Первая и вторая страницы из письма Э.В. Боринга Б.Г. Ананьеву (1947 г.)

Ил. 4. Слева направо: сотрудницы лаборатории дифференциальной психологии и антропологии Г.И. Акинщикова, М.Д. Дворяшина, заведующий лабораторией инженерной психологии Института комплексных социальных исследований ЛГУ Б.Ф. Ломов и другие участники XVIII Международного психологического конгресса (Москва, 1966 г.)

ньева по актуальным вопросам психологической службы в школе. Его психолого-педагогические исследования, новый проект педагогической антропологии, борьба за внедрение психологии в практику в этом выступлении были ярко представлены практическим работникам образования, учителям средних школ [24]. Вопрос о том, как осуществлялась связь теории, научных исследований и практики в ЛГУ и других организациях, причастных к изучаемой научной школе, — особая линия истории школы. Она требует дополнительных исследований.

В архивах упоминаются также другие планы и начинания Ананьева и его кафедры. Не всё удалось воплотить в жизнь, но были генерированы перспективные идеи, которые остаются актуальными и для современной науки.

Выводы и заключение

◆ Развитие Петербургской психологической школы в изучаемый период шло

интенсивно и вместе с тем неравномерно. Последнее объясняется обстоятельствами непреодолимой силы — социально-историческими (война, репрессивный при Сталине и строго контролируемый способ отношений советской власти к науке и обществу в целом), а также роковыми личностно-биографическими событиями жизни учёных.

- ◆ Кадровый состав научной школы менялся и рос в процессе её развития, особенно в связи с открытием психологического отделения (1944) и факультета психологии (1966) в Ленинградском государственном университете, а также организацией новых научных институций в стране, городе и университете в последующие годы. Однако остаются дискуссионными вопросы о критериях научной школы (не только Петербургской) и принадлежности к ней.
- ◆ Международные связи ленинградских психологов в значительной степени зависели от политической ситуации

в стране в разные периоды истории, что подтверждается характером и динамикой переписки с зарубежными учёными.

- ◆ Переписка Б.Г.Ананьева с советскими адресатами показывает его активную позицию в строительстве психологической науки и образовании, высокую оценку его деятельности коллегами и учениками.
- ◆ Неоднократно подтверждённая фактами из разных источников и предыдущих историко-научных исследований выдающаяся роль В.М.Бехтерева и Б.Г.Ананьева в развитии Петербургской психологической школы даёт основание для периодизации её истории путём выделения в ней бехтеревского (1900–1930 гг.), послебехтеревского (1931–1943) и ананьевского (1944–1980) периодов.

В итоге нашего исследования составлена хроника событий в Петербургской школе изучаемого периода, особенно в годы её расцвета — 1950–1970-е гг. Определён круг самых деятельных её представителей. Составлены опись большей части домашнего архива, полная (на настоящий момент) опись писем к Б.Г.Ананьеву и начальный вариант библиографии учёных изучаемой школы. Найдены ранее неизвестные документы. Среди них есть достойные опубликования.

На рубеже веков в результате событий перестройки и распада СССР кардинально изменилась страна, возникли новые запросы общества и новый политический курс государства, что сильно сказалось на развитии науки. Эти условия ещё предстоит исследовать и понять применительно к психологической науке в Санкт-Петербурге постсоветского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будилова Е.А. Категории исторического и логического в методологии истории психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988.
2. Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
3. Ярошевский М.Г. Трёхаспектность науки и проблемы научной школы // Социально-психологические проблемы науки. М.: Наука, 1973. С. 174–184.
4. Логинова Н.А. Опыт человекознания: история комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.
5. Логинова Н.А. Психологическая наука в Санкт-Петербургском государственном университете: начало // Психологическая наука в Санкт-Петербургском государственном университете: к 50-летию открытия факультета психологии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. университета, 2016. С. 24–40, 240–241.
6. Балин В.Д., Степанова Ю.В. Л.М. Веккер и Санкт-Петербургская психологическая школа // Методология и история психологии. 2018. Вып. 4. С. 17–33.
7. Головей Л.А., Журавлёв А.Л., Тарабрина Н.В. Б.Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. № 5. С. 108–117.
8. Левченко Е.В. Научное наследие В.М. Бехтерева и его школа // В.М. Бехтерев. Психика и жизнь. Избранные труды по психологии личности: В 2 т. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1999. С. 5–23.
9. Степанова Е.И. Становление психологической школы Б.Г. Ананьева: памятные даты и события. СПб.: Симпозиум, 2003.
10. Логинова Н.А. Л.М. Веккер в пространстве современной психологии // Методология и история психологии. 2018. № 4. С. 5–16.

11. Логинова Н.А. Теоретик психологии Лев Маркович Веккер // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. 2019. № 1. С. 106–115.
12. Логинова Н.А., Осорина М.В., Холодная М.А., Чередникова Т.В. Единая теория психических процессов Л.М. Веккер в современной психологии (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2018. № 6. С. 102–113.
13. Мясичев В.Н. О нарушениях кожной чувствительности при нервно-психических заболеваниях военного времени (в соавторстве с А.В. Бровар) 1942 г. // Санкт-Петербургский государственный архив научно-технической информации. Ф. 313. Оп. 1. Д. 204.
14. Мясичев В.Н. О пограничных состояниях в условиях блокады. Там же. Ф. 406. Оп. 11. Д. 485. Рукопись доклада. 1950.
15. Акты и переписка о причинённых убытках во время войны // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 805. Оп. 2. Д. 5 (1943).
16. Мясичев В.Н. О реакционной сущности фрейдизма. 1948 // Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга. Ф. 313. Оп. 11. Д. 324.
17. Мясичев В.Н. Критика физикализма в психологии К. Левина. 1950 // Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга. Ф. 313. Оп. 21. Д. 222.
18. Протокол № 1. Заседания кафедры психологии ЛГУ. 1950 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1788. Л. 59–62.
19. Стенограмма общего собрания НИИ педагогики. Заключительное слово Б.Г. Ананьева // Там же. Ф. 9754. Оп. 1. Д. 684. С. 132–133.
20. Ананьев Б.Г. Русская научная психология и её роль в мировой психологической науке // Советская педагогика. 1945. № 3. С. 47–56.
21. Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии. М.: Институт философии АН СССР; Госполитиздат, 1947.
22. Boring E. History of Experimental Psychology. New York: Century Company, 1929.
23. Логинова Н.А. Неосуществлённый проект // Институт психологии РАН. «Человек и мир» Электронный журнал. 2017. Т. 1. № 2. С. 1–11. <http://chelovekimir.ru/engine/documents/document216.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).
24. Логинова Н.А. О выступлении Б.Г. Ананьева на всесоюзном семинаре работников школьного образования // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 105–116.

ENGLISH

New Chapters in the History of St. Petersburg School of Psychology

Loginova Natalia Anatolyevna – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Developmental and Differential Psychology of St. Petersburg State University, Head of the Project – “History of St. Petersburg School of Psychology (1944–1991): Archival Investigations and Study of Sources” (17-06-00484a).
E-mail: n_a_loginova@mail.ru

The history of St. Petersburg school of psychology has not been sufficiently studied if compared to foreign and Moscow scientific schools. The article provides new specific information on the institutionalization of psychology in Leningrad in the postwar period due to the establishment of the department and division, and later on, in 1966, the Faculty of Psychology at Leningrad (now St. Petersburg) State University. The author specifies the facts regarding the influence of historical cataclysms, postwar political events, ideological campaigns on the development of psychological science and education: The Great Patriotic war, “the struggle against cosmopolitanism”, Joint Session of the USSR Academy of Sciences and the Academy of Medical Sciences focused on the teachings of I.P. Pavlov, changes in the country’s situation and sciences

during the “Soviet thaw”, etc. The consequences of these events resulted in the abrupt suspension of communications with foreign colleagues in 1948. The reestablishment and expansion of international contacts occurred in the second half of the 1950s.

The information concerning the scientific school staff and B.G. Ananyev's remarkable contribution to the school focused establishment in the course of his hard daily work as Head of Psychology Department at the university, Dean of the Faculty of Psychology, and Director of the Research Institute of Pedagogy has been supplemented. The facts about B.G. Ananyev's initiatives to create the Institute of Comprehensive Social Studies within Leningrad University, the laboratory of differential psychology and anthropology, and to organize comprehensive studies of human individuality have been documented. The author establishes the date when Ananyev began vigorously writing his book “Man as a Subject of Cognition” (1963).

The development of St. Petersburg school of psychology was uneven, often against the odds. The collective work style at school was democratic and creative. The school educated professional psychologists; the best of them became prominent figures in the national science. The article presents a new periodization of St. Petersburg school of psychology, which identifies the Bekhterev, post-Bekhterev, Ananyev and post-Ananyev development periods.

Keywords: St. Petersburg school of psychology, archival documents, historical events, political and ideological conditions, staff, research focus areas, leading role of B.G. Ananyev, postwar institutional centers of psychological science and education in Leningrad (St. Petersburg), international contacts

REFERENCES

1. Budilova E.A. Kategorii istoricheskogo i logicheskogo v metodologii istorii psikhologii // Kategorii materialisticheskoy dialektiki v psikhologii. M.: Nauka, 1988 (in Russian).
2. Kol'tsova V.A. Istoriya psikhologii: problemy metodologii. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2008 (in Russian).
3. Yaroshevskiy M.G. Tryokhaspektnost' nauki i problemy nauchnoy shkoly // Sotsial'no-psikhologicheskie problemy nauki. M.: Nauka, 1973. S. 174–184 (in Russian).
4. Loginova N.A. Opyt chelovekoznaniya: istoriya kompleksnogo podkhoda v psikhologicheskikh shkolakh V.M. Bekhtereva i B.G. Anan'eva. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005 (in Russian).
5. Loginova N.A. Psikhologicheskaya nauka v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete: nachalo // Psikhologicheskaya nauka v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete: k 50-letiyu otkrytiya fakul'teta psikhologii. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. universiteta, 2016. S. 24–40, 240–241 (in Russian).
6. Balin V.D., Stepanova Yu.V. L.M. Vekker i Sankt-Peterburgskaya psikhologicheskaya shkola // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2018. Vyp. 4. S. 17–33.
7. Golovey L.A., Zhuravlyov A.L., Tarabrina N.V. B.G. Anan'ev i mezhdistsiplinarnye issledovaniya v psikhologii (k 110-letiyu so dnya rozhdeniya) // Psikhologicheskii zhurnal. 2017. № 5. S. 108–117 (in Russian).
8. Levchenko E.V. Nauchnoe nasledie V.M. Bekhtereva i ego shkola // V.M. Bekhterev. Psikhika i zhizn'. Izbrannyye trudy po psikhologii lichnosti: V 2 t. T. 1. SPb.: Aleteyya, 1999. S. 5–23 (in Russian).
9. Stepanova E.I. Stanovlenie psikhologicheskoy shkoly B.G. Anan'eva: pamyatnye daty i sobytiya. SPb.: Simpozium, 2003 (in Russian).

10. Loginova N.A. L.M. Vekker v prostranstve sovremennoy psikhologii // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2018. № 4. S. 5–16 (in Russian).
11. Loginova N.A. Teoretik psikhologii Lev Markovich Vekker // Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. 2019. № 1. S. 106–115 (in Russian).
12. Loginova N.A., Osorina M.V., Kholodnaya M.A., Cherednikova T.V. Edinaya teoriya psikhicheskikh protsessov L.M. Vekker v sovremennoy psikhologii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) // Psikhologicheskiy zhurnal. 2018. № 6. S. 102–113 (in Russian).
13. Myasishchev V.N. O narusheniyakh kozhnoy chuvstvitel'nosti pri nervno-psikhicheskikh zabolevaniyakh voennogo vremeni (v soavtorstve s A.V. Brovar) 1942 g. // Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy arkhiv nauchno-tekhnicheskoy informatsii. F. 313. Op. 1. D. 204 (in Russian).
14. Myasishchev V.N. O pogranichnykh sostoyaniyakh v usloviyakh blokady. Tam zhe. F. 406. Op. 11. D. 485. Rukopis' doklada. 1950 (in Russian).
15. Akty i perepiska o prichinennykh ubytkakh vo vremya voyny // Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN. F. 805. Op. 2. D. 5 (1943) (in Russian).
16. Myasishchev V.N. O reaktsionnoy sushchnosti freydizma. 1948 // Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv nauchno-tekhnicheskoy dokumentatsii Sankt-Peterburga. F. 313. Op. 11. D. 324 (in Russian).
17. Myasishchev V.N. Kritika fizikalizma v psikhologii K. Levina. 1950 // Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv nauchno-tekhnicheskoy dokumentatsii Sankt-Peterburga. F. 313. Op. 21. D. 222 (in Russian).
18. Protokol № 1. Zasedaniya kafedry psikhologii LGU. 1950 g. // Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga. F. 7240. Op. 14. D. 1788. L. 59–62 (in Russian).
19. Stenogramma obshchego sobraniya NII pedagogiki. Zaklyuchitel'noe slovo B.G. Anan'eva // Tam zhe. F. 9754. Op. 1. D. 684. S. 132–133 (in Russian).
20. Anan'ev B.G. Russkaya nauchnaya psikhologiya i eyo rol' v mirovoy psikhologicheskoy nauke // Sovetskaya pedagogika. 1945. № 3. S. 47–56 (in Russian).
21. Anan'ev B.G. Ocherki istorii russkoy psikhologii. M.: Institut filosofii AN SSSR; Gospolizdat, 1947 (in Russian).
22. Boring E. History of Experimental Psychology. New York: Century Company, 1929.
23. Loginova N.A. Neosushchestvlyonnyy proekt // Institut psikhologii RAN. «Chelovek i mir» Elektronnyy zhurnal. 2017. T. 1. № 2. S. 1–11 (in Russian). <http://chelovekimir.ru/engine/documents/document216.pdf> (data obrashcheniya: 20.02.2020) (in Russian).
24. Loginova N.A. O vystuplenii B.G. Anan'eva na vsesoyuznom seminare rabotnikov shkol'nogo obrazovaniya // Voprosy psikhologii. 2018. № 5. S. 105–116.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 903.53

ГРНТИ 03.41.01

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-113-128

**Е.А. СОЛОВЬЁВА, И.С. ГНЕЗДИЛОВА,
А.Л. НЕСТЕРКИНА, А.И. СОЛОВЬЁВ***

Изучение погребальных памятников эпохи палеометалла Корейского полуострова и Японских островов

Исследование посвящено культурным контактам населения Корейского полуострова и Японских островов в эпоху палеометалла по материалам погребальных памятников курганного типа. Данному времени соответствует период яёй и кофун в Японии и период Троецарствия в Корее. Полевые исследования археологических памятников на территории Республики Корея и Японии позволяют выделить формы насыпей курганов как характерных только для Японских островов, так и встречающихся на обеих территориях. На памятниках Корейского полуострова в последние годы были обнаружены фрагменты глиняных фигур, аналогичных японским ханива. Сравнительный анализ сюжетно-фигурной керамики позволил определить сходные образы и сюжеты: жилые строения, лодки, птицы, олени и т.д. Аналогии обнаружены в деревянных внутримогильных конструкциях – использование колод и составных гробов в погребениях. Применение древесины в погребениях древней Японии связывается с влиянием мигрантов с территории Корейского полуострова. Раскопки курганного могильника Кёдон-Сонхёдон на юге Корейского полуострова позволили выявить следы контактов с населением Японских островов. Могильник Кёдон-Сонхёдон относится к памятникам типа сэндзука в Японии – могильникам из сотен или тысяч небольших курганов с круглой насыпью, тесно прилегающих друг к другу. Наличие сходных памятников в Центральной Японии и на юге Корейского полуострова подтверждает наличие тесных связей между двумя территориями.

* **Соловьёва Елена Анатольевна** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН, руководитель проекта «Корейский полуостров и Японский архипелаг: культурные контакты в эпоху палеометалла по материалам погребальных комплексов курганного типа» (18-09-00507).

E-mail: easolovievy@mail.ru

Гнездилова Ирина Сергеевна — младший научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Нестеркина Анастасия Леонидовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Соловьёв Александр Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: natarkus@mail.ru

Ключевые слова: палеометалл, курган, Корейский полуостров, Японские острова, яёй, кофун, Троецарствие

Начиная с эпохи раннего металла, древние культуры Корейского полуострова и Японского архипелага развивались в постоянном взаимодействии. Наибольшей интенсивности контакты древнего населения этих территорий достигли в III в. до н.э. – VII в. н.э. В этот период в обоих регионах повсеместно получили распространение сходные по ряду базовых признаков памятники – курганы. Они представляют собой уникальные по своей концепции объекты и в то же время маркеры особой исторической эпохи как для Корейского полуострова, так и для Японского архипелага. Возникновение феномена близкой степе-

ни сходства данных комплексов требует специального исследования и объяснения его с привлечением широкого круга источников. В рамках работы по проекту группа учёных ИАЭТ РАН приняла участие в полевых исследованиях археологических памятников на территории Республики Корея и Японии (рис. 1).

Материалы исследованных памятников и музейных коллекций позволили проанализировать конструкции курганных насыпей, внутримогильные сооружения, глиняные фигуры *ханива*. Контакты носителей восточноазиатских традиций – островной и материковой – сыграли важнейшую роль в дальнейшей исто-

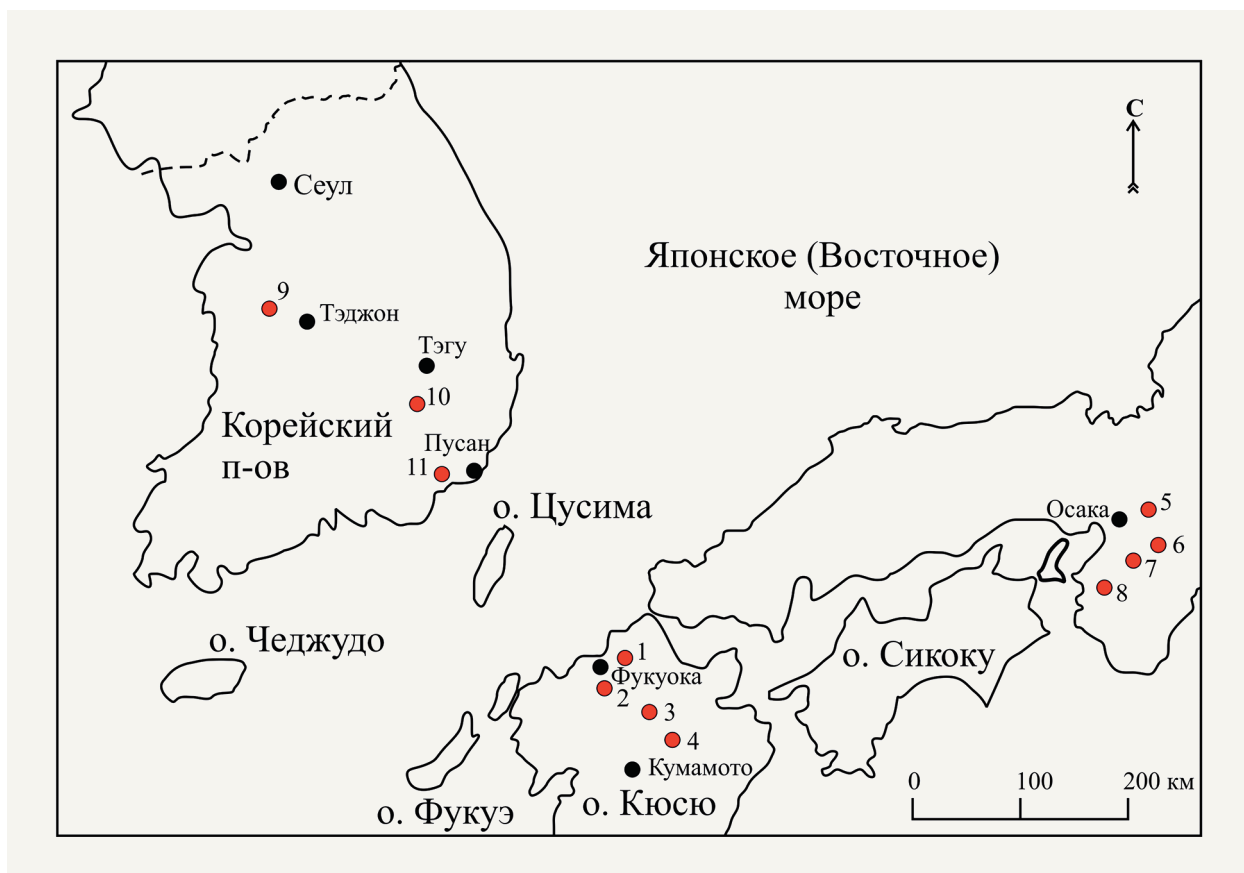

Рис. 1. Карта расположения памятников, исследованных в ходе работ по проекту: 1 — Накоку-но ока, 2 — Хирабару, 3 — Ёсиногари, 4 — Иватояма, 5 — Имасиродзука, 6 — Ниидзава сэндзука, 7 — Даисэн, 8 — Икэгами Сонэ, 9 — Сонсанни, 10 — Кёдон-Сонхёндон, 11 — Понхвандон

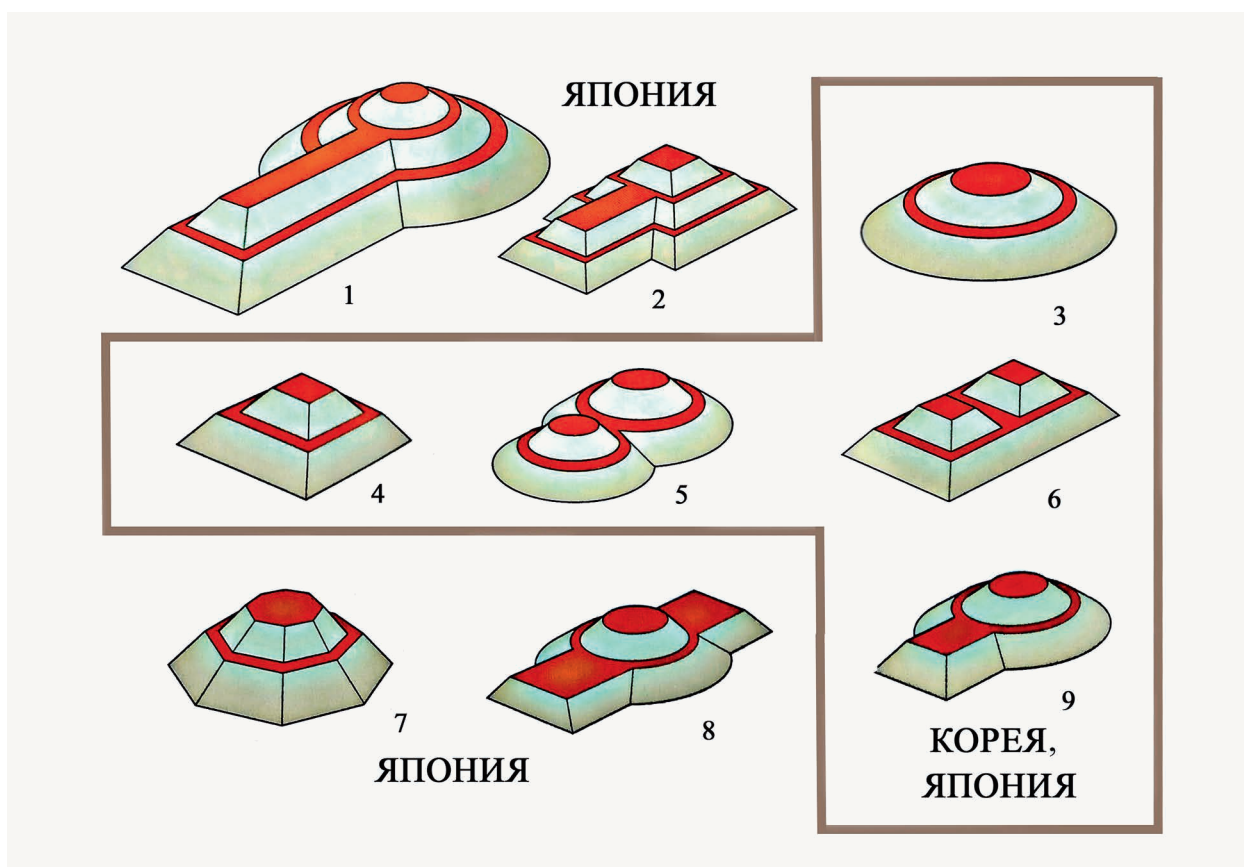

Рис. 2. Виды курганных насыпей и их распространение на территории Японии и Кореи: 1 — квадратно-круглая, 2 — квадратно-прямоугольная, 3 — круглая, 4 — квадратная, 5 — двойная круглая, 6 — двойная квадратная, 7 — многоугольная, 8 — парная квадратная с круглой серединой, 9 — в форме морского гребешка

рии Кореи и Японии. Изучение начального этапа данного процесса, определение направлений взаимодействия двух культурных традиций, выявление особенностей и общих черт на примере курганных конструкций представляется крайне значимым. Проведение сравнительного изучения памятников курганного типа предпринимается в отечественной науке впервые, что и определяет новизну исследования.

На Корейском полуострове эпоха палеометалла соответствует периоду Троецарствия, который получил в литературе также название «эпоха курганов». На Японских островах к данному времени относятся периоды *яёй* и *кофун*. Для этого временного интервала курганы являются самым полным источником для изучения различных аспектов жизни общества, в том числе и его внешних культурных

контактов. Кроме того, общие черты задаёт культурный фон — на обеих территориях были распространены сельское хозяйство, основанное на влажной культуре риса, и производство бронзовых изделий, основы которого были привнесены на Японский архипелаг с территории Кореи.

Отметим, что исторический фон на изучаемых территориях заметно различался. Данный период представляет собой время конфликтов, вооружённых столкновений различных государственных образований, имевших собственные отличительные черты. На Японских же островах происходило постепенное распространение власти политического центра Ямато и интеграция прилегающих районов сначала на острове Кюсю, затем далее на северо-восток. Корейский полуостров в силу географического положения, осо-

бенно северная его часть, находился под сильным, в том числе и культурным, влиянием со стороны императорского Китая. Японский архипелаг испытал это в меньшей степени – сказалась специфика его географического положения. Культурные импульсы со стороны Срединного государства достигали его территории в значительной мере опосредованно, через Корейский полуостров. Это касается как проникновения буддизма и иероглифической письменности в более поздние эпохи, так и появления на островах предметов материальной культуры, навыков производства изделий из металла, строительства различных сооружений [1, с. 38]. На Корейском полуострове расцвет курганной традиции приходится на эпоху *Троецарствия* (III–VII вв.). Курганы начинают строиться в Когурё ещё в I в. до н.э., в Пэкче – с начала III в., в Силла и Кая – с середины III в. и исчезают в середине VI в. в результате распространения буддизма [2, с. 7]. Изучение курганов Корей-

ского полуострова и Японских островов позволяет говорить о наличии общих черт в формах, конструкциях, погребальном инвентаре и, вероятно, о процессах взаимопроникновения элементов культуры.

В III–IV вв. устройство погребальных сооружений обеих территорий существенно различалось. Захоронения периода *кофун* в Японии представляют собой в некоторой степени продолжение традиций периода *яёй*: земляные насыпи, помещение в погребения бронзовых зеркал, каменных украшений. При этом появляются такие специфические черты, как помещение глиняных фигур *ханива* по кругу по периметру насыпи. Примерно с V в. в погребальных сооружениях Корейского полуострова и Японского архипелага начинает проявляться сходство, которое можно рассматривать даже как явную однородность. Среди общих для Корейского полуострова и Японских островов форм курганных построек следует выделить круглые, квад-

Рис. 3. Ханива на кургане Имасиродзука (фото авторов)

ратные, двойные круглые, двойные квадратные и в форме морского гребешка строения (рис. 2, 3–6, 9). На территории Японских островов в период *кофун* наиболее распространены круглые курганы, аналогичными которым являются курганы Силла и Пэкче в южной части Корейского полуострова. При этом наиболее известным и значимым с точки зрения социальной иерархии типом курганов на Японских островах становится квадратно-круглый (рис. 2, 1).

В Корею в качестве аналога квадратно-круглым курганам Японии, вероятно, можно рассматривать 13 памятников, расположенных во внутриконтинентальных районах юго-запада полуострова (провинция Чолла-намдо). Не все такие строения можно точно датировать, однако находки в курганах, в том числе цилиндрические глиняные фигуры типа *ханива* и деревянные ритуальные предметы, позволяют отнести их к концу V – началу VI в. Под курганными насыпями начиная с V в. появляются каменные комнаты с боковыми коридорами [1, с. 38]. Керамика *суэ* становится типичным элементом погребального обряда как на Японских островах, так и на Корейском полуострове (рис. 3), встречаются изделия из железа, золотые украшения, предметы роскоши. Если конструктивные элементы курганных сооружений приобретают со временем общие черты, то размеры этих сооружений становятся ключевым различием в погребальной архитектуре Корейского полуострова и Японских островов. Курганы Японского архипелага характеризуются большими размерами, что напрямую связано с положением погребённого в обществе. Выделенные общие черты позволяют сделать вывод о взаимном влиянии жителей Корейского полуострова и Японских островов в эпоху палеометалла.

Глиняные фигуры *ханива*, размещавшиеся на насыпи, считаются наиболее характерным элементом погребального обряда периода *кофун*. При раскопках курганов

южной части Корейского полуострова в последние годы было найдено несколько образцов сюжетно-фигурной керамики, сопоставимой с *ханива*. Изучение сюжетно-фигурной керамики Корейского полуострова и Японских островов III–VI вв. позволило определить некоторые закономерности. Синхронно существовавшая сюжетно-фигурная керамика Корейского полуострова и Японских островов имеет ряд общих сюжетов: предметы быта, строения, животные и птицы (рис. 4).

При этом корейские образцы в основном являются сосудами, помещёнными на подставки. Японские образцы лишь своим происхождением связаны с сосудами, но функционально таким образом они использоваться не могли. В силу доступности сырья на территории Японских островов произведений сюжетно-фигурной керамики встречается на порядок больше, чем на Корейском полуострове. Сходство в изображении строений и лодок, вероятно, связано, с одной стороны, со сходным образом жизни и видами деятельности, с другой стороны, может свидетельствовать о заимствовании и привнесении этих форм в процессе миграций. Обнаружение сходных предметов на юге Корейского полуострова, а также на о. Кюсю и в западной части о. Хонсю подтверждает наличие постоянных и долговременных контактов между населением данных территорий. Отметим также, что на древнем Дальнем Востоке с развитием погребального обряда происходило замещение принесения жертв глиняными предметами, этот процесс совпадал со временем формирования народов и государств. Сходство мифологических представлений, характерных для обеих территорий, с мифологическими сюжетами населения материка, территории Дальнего Востока и Сибири, добавляет аргументы в пользу концепции трансевразийской миграции.

В курганных погребениях нередко встречаются деревянные конструкции. На территории Японии они представля-

Рис. 4. Находки сюжетно-фигурной керамики на памятниках Кореи и Японии 1, 2, 6, 7, 10, 11, 14 — предметы с территории Кореи, 3-5, 8, 9, 12, 13, 15, 16 — предметы с территории Японии: 1 — постройка на сваях, поселение Согдон, пров. Кёнсан-намдо; 2 — постройка на сваях, мог. Марисан, пров. Кёнсан-намдо; 3 — ханива-дом, курган Куварадзука, преф. Сайтама; 4 — ханива-дом, курган Имасиродзука, преф. Осака; 5 — ханива-дом, курган Имасиродзука, преф. Осака; 6 — лодка, курган Кымнёнчхон пров. Кёнсан-пукто; 7 — лодка, мог. Хёндон, пров. Кёнсан-намдо; 8 — ханива-лодка, курган Саитобару, преф. Миядзак; 9 — ханива-лодка, курган 1 Такарадзука, преф. Мизэ; 10 — птицы, мог. Чунсанни, пров. Кёнсан-намдо; 11 — птица, мог. Хёндон, пров. Кёнсан-намдо; 12 — ханива-водоплавающие птицы, курган Суяма, преф. Нара; 13 — ханива-баклан, курган Хатимандзука, преф. Гумма; 14 — олень, мог. Марисан, пров. Кёнсан-намдо; 15 — ханива-олень, Хэтабира курган 1, преф. Сидзуока; 16 — ханива-олень, памятник Хирадокоро, преф. Симанэ (1 — по: [11]; 2, 14 — по: [12]; 3-5, 12, 13, 16 — по: [13]; 6 — по: [14]; 7, 11 — по: [15]; 8 — по: [16]; 9 — по: [17]; 10 — по: [18]; 15 — по: [19])

Рис. 5. Деревянная колода из гробницы Тахори (по: 2008 тхыкпхельджон, 2008, с. 118–123)

ют собой деревянные колоды или гробы, деревянную отделку стен могильной ямы. В период *яёй* деревянные конструкции встречаются преимущественно в Западной Японии, включая остров Кюсю. Для района Кинки (современный Кансай) характерны сооружение деревянных гробов из досок, деревянная отделка стен. В качестве сырья чаще всего использовали древесину зонтичной пихты, ногоплодника китайского, кипарисовика японского. В районе Санъин (современный Тюгоку) деревянные гробы сопровождалась земляными насыпями квадратной формы, богатым инвентарём, часто использовалась киноварь в качестве красного пигмента [3, с. 17]. На Кюсю могилы располагаются рядами, зачастую вместе с деревянным гробом помещался сосуд, на поверхности земли нередко дольмены. В рядах могил встречаются как погребения в деревянных гробах (преимущественно взрослых), так и в керамических сосудах и просто в земле (преимущественно дети) [4, р. 62].

Параллельно с деревянными гробами на всей территории встречаются каменные гробы-ящики, повторяющие кон-

струкцию деревянного гроба. К концу периода *яёй* деревянные конструкции вытесняются керамическими урнами. В период *кофун* также в погребениях встречаются деревянные сооружения. Вначале гробы изготавливались из цельного ствола дерева и представляли собой колоды. Позднее преобладающей стала практика хоронить в деревянных гробах, обмазанных глиной (в курганах без каменной камеры), деревянных составных гробах, а также в каменных гробах, напоминавших по форме лодку, расщеплённый бамбук или домик. К концу периода *кофун* появились деревянные гробы, покрытые лаком, и гробы, сделанные из склеенных при помощи лака полотён ткани.

На Корейском полуострове ранние достоверно известные погребения с деревянными конструкциями найдены в юго-западной его части, на территории провинции Чхунчхон-намдо, а также Чхунчхон-пукто и Чолла-намдо. Исследователи относят их к раннему железному веку и датируют IV–II вв. до н.э. Деревянные конструкции в этих погребениях обнаружены в виде древесного тлена, поэтому установить их форму, материал и точ-

ные размеры невозможно. Представления о форме и конструкции деревянного гроба в подобных погребениях Корейского полуострова дают материалы памятника Тахори, пров. Кёнсан-намдо. Обнаруженная в погр. № 1 деревянная колода из дуба возрастом 350 лет, длиной 2,4 м и шириной 0,85 м имеет хорошую сохранность (рис. 5). Предполагаемый диаметр бревна для изготовления гроба составляет около 1 м. Дата погр. № 1 и самого памятника Тахори определена по ханьским монетам ушу I в. до н.э. – I в. н.э. [5, с. 14; 6, с. 108–124].

Практика использования деревянных конструкций в погребениях эпохи палеометалла на Корейском полуострове была достаточно распространённой и продолжалась длительное время. Археологические данные свидетельствуют о контактах населения Корейского полуострова и древней Японии на примере погребальной практики. В гробнице короля Мурёна (рис. 6) и его супруги на территории Кореи найден составной деревянный гроб,

изготовленный из японской зонтичной пихты (лат. *Sciadopitys*), ареал произрастания которой относится к территории Японии.

Исследователи считают маловероятным, что в Корею поставлялось сырьё. Скорее всего, туда был привезён уже готовый гроб [7]. Появление же деревянных конструкций в погребениях на Японских островах, вероятнее всего, связано с активными контактами и волнами миграции населения Корейского полуострова на территорию Японии. Прибывающее население являлось носителем собственной мифологии, отдельные сюжеты которой могли проникать в представления о мире жителей древней Японии. Среди подобных сюжетов – образ дерева как символа жизни и перерождения, помещение умершего в деревянный гроб в таком случае приобретает особое значение. Однако на территории Японии использование деревянных конструкций в погребениях не стало повсеместной и преобладающей практикой.

Рис. 6. Гробница короля Мурёна (фото авторов)

Рис. 7. Могильник Кёдон-Сонхёдон в процессе раскопок (фото авторов)

Участие в раскопках и изучение археологических материалов курганного могильника Кёдон-Сонхёдон в сравнении с материалами полевых исследований в Японии позволило участникам проекта прийти к неожиданным выводам. Могильник Кёдон-Сонхёдон (рис. 7) датируется V–VI вв., расположен в пров. Кёнсан-намдо, месте существования древнего государства Кая.

На территории могильника насчитывается около 140 курганных насыпей, расположенных небольшими группами, каждая из которых соответствует одному погребению. Преобладающее большинство захоронений в курганах совершались в сложенных из камня погребальных камерах с входом в одной из коротких боковых стенок. Наиболее яркими находками на могильнике Кёдон-Сонхёдон являются серебряные украшения головного убора в форме крыльев, серебряные ажурные поясные бляхи, бронзовые с по-

золотой мечи с ажурным кольчатый навершием, содержащим изображение трилистника [8, с. 125–126]. В 2016–2019 гг. исследовался курган № 39 на участке Кёдон. Диаметр насыпи составляет около 30 м, сохранившаяся высота насыпи — около 5 м. Курган подвергался неоднократным ограблениям, одно из которых, как показали настоящие работы, произошло в 1980-х гг. Погребальная камера сложена из массивных каменных плит, подпрямоугольной формы, камера ориентирована продольной осью по линии север-юг, длина её составляет 6,9 м, ширина 1,7 м. Верхним перекрытием служили 8 плоских каменных плит. Такая конструкция погребальной камеры типична для могильника Кёдон-Сонхёдон и прослеживается также на материалах других погребений.

При проведении раскопок в 2019 г. был выявлен курган № 12 участка Кёдон. В нём была обнаружена камера верти-

Рис. 8. Бронзовые утюжки-жаровни из могильника Кёдон-Сонхёдон (фото авторов)

кального типа с захоронением двух человек, кости скелета в центре находились в анатомическом порядке, кости второго скелета расположены западнее, рядом с инвентарём, анатомический порядок нарушен. Инвентарь погребений содержит большое число фрагментов керамики разных типов, в том числе керамики японского типа — *хадзи*, на территории Кореи не производившейся. Обнаружены

бронзовые и глиняный жаровни-утюжки (рис. 8), характерные для погребений представителей высших слоёв общества.

Полевые исследования на памятнике Ниидзава сэндзука в Японии позволили участникам проекта поставить вопрос о существовании особой группы памятников на территории Японских островов и Корейского полуострова. Ниидзава сэндзука — группа курганов, расположен-

Рис. 9. Могильник Ниидзава сэндзука (фото авторов)

ная на территории юго-западной части г. Касихара, преф. Нара (рис. 9). Группа насчитывает около 600 курганов конца IV – конца VI в. н.э.

Крупные курганы сооружались на возвышенностях, их окружали более мелкие сооружения. Большая часть курганов имеет круглые насыпи, но встречаются и курганы с двумя соединёнными насыпями: круглой и трапециевидной (в форме «замочной скважины»), курганы с двумя насыпями: квадратной и трапециевидной, а также квадратные и прямоугольные. На сегодняшний день на данном памятнике исследовано около 200 объектов. Конструкции погребальных камер разнообразны, встречаются склепы, сложенные из крупных камней, погребальные камеры из каменных плит и мелких камней, в которых размещались колоды и составные гробы из дерева. В крупных курганах, датируемых второй половиной V в., обнаружен богатый погребальный инвентарь, включающий бронзовые зеркала, доспехи, оружие, украшения. В более поздних погребениях VI в. появляются элементы конского снаряжения [9, с. 2].

На сегодняшний день самая представительная коллекция погребального инвентаря была обнаружена в кургане № 126.

В погребальной камере находился деревянный гроб длиной 3,1 м и шириной 0,5–0,6 м. Умерший был захоронен с многочисленными украшениями. В районе головы исследователи обнаружили золотую пластину, которая являлась частью головного убора. Кроме этого, найдены золотые и серебряные браслеты, кольца, серьги; сохранились детали украшения одежды: поясные пряжки, заклёпки, бусины. Рядом с умершим обнаружен меч, у изголовья — бронзовое зеркало, стеклянная чаша и тарелка. В погребальной камере рядом с гробом находился бронзовый «утюжок» и ещё один меч. В небольших погребениях группы, помимо оружия и доспехов, находят также керамику типов *суэ* и *хадзи* (рис. 10). Размеры курганов и состав погребального инвентаря показывают, что данный могильник использовался для захоронения людей различных социальных слоёв.

В названиях групп курганов встречается слово сэндзука (яп. «тысяча холмов»). Подобный компонент применяется в названиях памятников, в которых насчитывается от нескольких сотен до тысяч курганов, расположенных достаточно близко друг к другу и состоящих преимущественно из курганов с круглыми насыпями.

ми диаметром 10–20 м. Подобные памятники являются характерной чертой второй половины периода *кофун* (V–VII вв.), причём часть из них формируется за счёт объединения нескольких более мелких групп курганов [4, р. 301]. Среди общих черт курганных могильников типа *сэндзука* следует назвать также погребальные камеры с «коридором» и входом с боковой стороны насыпи, что позволяло использовать их неоднократно. Что касается погребального инвентаря, то самыми распространёнными предметами являются керамические сосуды *хадзи* (японского происхождения) и *суэ* (корейского происхождения), найденные вместе.

Курганные могильники, состоящие из нескольких сотен курганов, расположены главным образом в центральной части

о. Хонсю. Факт обнаружения на памятниках периода *кофун* предметов вооружения, деталей доспехов и конской упряжи корейского происхождения или изготовленных по корейским образцам широко известен. Тем более интересными оказались находки синхронных курганных могильников типа *сэндзука* на юге Корейского полуострова в ходе работ с коллекциями в научных центрах и на раскопках в Японии и Корее. Все могильники расположены на юге Корейского полуострова. Данная территория относится к ареалу влияния одного из древних корейских государственных образований Кая, с центром в районе современного г. Кимхэ. Распространение во второй половине периода *кофун* курганных могильников типа *сэндзука* связано со сменой правящего клана. В V в. появляются

Рис. 10. Керамика типов *суэ* и *хадзи* из кургана № 206 группы Ниидзава сэндзука: 1, 4, 8 — кувшины; 2, 5–7, 13 — чаши; 3, 11–12 — чаши с крышками; 9–10 — сосуды на подставке (1–7, 9, 11–13 — *суэ*; 8–10 — *хадзи*) (по: Ниидзава сэндзука кофунгун гайдо букку [Справочник группы курганов Ниидзава сэндзука]. — Нара: Мэйсинся, 2014)

курганы огромных размеров, что может свидетельствовать об утверждении власти и появлении широкой социальной опоры правящей элиты [10, р. 201].

Параллельно в погребальном инвентаре появляется керамика с твёрдым тестом суэ, изготовленная на гончарном круге. Посуда суэ, обнаруженная в более ранних памятниках, привозилась непосредственно с территории Корейского полуострова. Представляется вероятным, что к этому времени произошло переселение мастеров гончарного дела с Корейского полуострова на Японские острова [10, р. 210]. Маршрут переселения пролегал через Внутреннее море Сэто, что подтверждает обнаружение крупных гончарных мастерских Окугати (преф. Окаяма) и Суэмура (преф. Осака). Военные конфликты с китайскими государствами заставляли носителей континентальной культуры переселяться с Корейского полуострова на более

безопасные Японские острова, с жителями которых сложились прочные торговые и политические связи в прошлые эпохи.

Изменения в погребальной обрядности свидетельствуют о повышении значимости принадлежности к клану, рода занятий и статуса клана. Группировка множества мелких курганов вокруг нескольких крупных, помещение в погребение предметов, связанных с профессиональной деятельностью (посуда для гончара, фигуры-лодки для моряков, железный шлак для кузнецов, оружие и доспехи для воинов), отражают изменения в социальном устройстве. Увеличение числа находок, производство которых связано с территорией Корейского полуострова («рисоварки», «утюжки», оружие и доспехи и т.д.), позволяет сделать вывод о переселении и вливании в древнеяпонское общество мигрантов с юга Корейского полуострова в период *кофун*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ямамото Т. Кодай канханто: то яматококу (Древний Корейский полуостров и страна Ямато). Токио: Тюокоронсинся, 2018 (на яп. яз.).
2. Ким Гиун. Кобун (Курганы). Сеул: Тэвонса, 1991 (на кор. яз.).
3. Яёйдзидай-но хака. Сися-но сэкай [Погребения эпохи яёй. Мир умерших]. — Рицукасихара ко:когаку кенкю:дзё фудзокухакубуцукан [Музей института археологии г. Касихара], 2014 (на яп. яз.).
4. Mizoguchi K. Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.
5. Ли Гонму, Ли Ёнхун, Юн Гванджин, Син Дэгон. Чханвон. Тахори пальгуль чинджон пого (I) (Предварительный отчёт об археологических раскопках памятника Тахори в уезде Чханвон) // Когохак джи (Сборник статей по археологии). 1989. № 1. С. 5–174. (на кор. яз.).
6. 2008 тхыкпхэльджон «Кальдэпат сок-ый нара Тахори – кыпальгуль-гва кирок» (Каталог тематической выставки 2008 г. «Страна тростниковых полей Тахори – археологические раскопки и исследования»). Сеул: Нац. музей Республики Корея, 2008. (на кор. яз.).
7. Пак Санджин. Пэкчейский король Мурён, чей деревянный гроб был изготовлен из японской пихты // Premium Chosun. 2013. 5 Dec. — URL: http://premium.chosun.com/site/data/html_dir/2013/12/04/2013120402697.html (на кор. яз.) (дата обращения: 18.07.2019).
8. Ким Ёнсон. Чханнён чиег кочхон мёдже-ый тхыксон-гва ыый [Особенности и значимость курганных захоронений в районе Чханнён] // Хангук кодэса сог-ый Чханнён [Чханнён в древней истории Кореи]. Тэгу: Чханнён-гун, Кёнбугдэ Йонам мунхва ёнгувон [Администрация уезда Чханнён, Ин-т культуры района Йоннам при ун-те Кёнбук], 2009. — С. 93–151 (на кор. яз.).

9. Ниидзава сэндзука кофунгун гайдобукку [Справочник группы курганов Ниидзава сэндзука]. Нара: Мэйсинся, 2014 (на яп. яз.).
10. An Illustrated Companion to Japanese Archaeology/ Edited by W. Steinhaus and S. Kaner. Oxford: Archaeopress, 2016.
11. Куннип Кимхэ панмульгван (Каталог нац. музея Кимхэ). Кимхэ: Куннип Кимхэ панмульгван (Нац. муз.Кимхэ), 2018 (на кор. яз.).
12. Сон Вонъён. Кая мунхва-ый пальсанджи, Кимхэ Кымгван Кая-ый кая юджок (Колыбель культуры Кая: памятники культуры Кымгван Кая в городе Кимхэ) // Мэгэзин Кая [Журнал «Кая»]. 2019. Вып. 1. С. 20–25 (на кор. яз.).
13. Вакаса Т. Ханива-но сэкай. Кодайсякай-кара мэссэ:дзи (Мир ханива. Послание из древнего мира). Токио: Кабусикигайся Токё:бидзюцу, 2009 (на яп. яз.).
14. Кэйсю: Кинрэйдзука, Сёкурундзука хаккуцу тё:са хо:коку хонбун (Отчет о раскопках на памятниках Кинрэйдзука и Сёкурундзука на территории Южной Кореи). Киото: Кабусикигайся гёкудо, 1931 (на яп. яз.).
15. Чханвон Хёндон-эсо Ара Кая чхведэ кюмо-ый кобунгун хвагин (Результаты изучения крупнейшего могильника Ара Кая в квартале Хёндон города Чханвон) // Мунхваджэчхон (Управление по культурному наследию Республики Корея), 2019. — URL: http://www.cha.go.kr/newsBbz/selectNewsBbzView.do?newsItemId=155701462§ionId=b_sec_1&pageIndex=8&strWhere=&strValue=&mn=NS_01_02 (дата обращения: 20.01.2020 — на кор. яз.).
16. Кофундзидай-но фунэ то суйун (Корабли и другие водные транспортные средства периода кофун). Такацуки: Имасиродзукакодайрэкисикан, 2014 (на яп. яз.).
17. Ходзуми Х. Фунэгатаханива то кодай-но со:со:. Такарадзука итигокофун (Ханива-лодки и древний погребальный обряд. Такарадзука курган № 1). Токио: Синсэнся, 2017 (на яп. яз.).
18. Ульсан Чунсанни юджок I — понмун (Памятник Чунсанни в городе Ульсан I: основная часть). — Чханвон тэхаккё панмульгван (Муз. ун-та Чханвон), 2006 (на кор. яз.).
19. Инори-но сэкай-но до:буцуэн (Мир животных в религиозном пространстве). Нара кокурицу хакубуцукан (Национальный музей Нара). Осака: LIVE ArtBooksInc., 2019 (на яп. яз.).

ENGLISH

Studies of Paleometallic Era Burial Monuments on the Korean Peninsula and the Japanese Islands

Solovyova Elena Anatolievna — Candidate of Sciences in History, Researcher at the Siberian Branch of Institute of Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Head of the Project – “The Korean Peninsula and the Japanese Islands: Cultural Contacts During the Paleometallic Era Based on the Materials of the Mound-Type Burial Monuments” (18-09-00507).

E-mail: easoloviev@mail.ru

Gnezdilova Irina Sergeevna — Junior Researcher at the Siberian Branch of Institute of Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, executor of the same project.

E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Nesterkina Anastasia Leonidovna — Candidate of Sciences in History, Researcher at the Siberian Branch of Institute of Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, executor of the same project.

E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Solovyov Aleksander Ivanovich — Doctor of Sciences in History, Chief Researcher at the Siberian Branch of Institute of Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, executor of the same project.

E-mail: natarkus@mail.ru

The study is focused on the cultural contacts between the population of the Korean Peninsula and that of the Japanese islands during the Paleometallic Era based on the materials of the mound-type burial monuments. The time span under study corresponds to Yayoi and Kofun periods in Japan and the Three Kingdoms period in Korea. Field studies of archaeological sites in the Republic of Korea and Japan allow identifying the shapes of barrow mounds characteristic of the Japanese islands solely as well as those found in both territories. In recent years, fragments of clay figures similar to the Japanese Haniva have been discovered at the monuments located on the Korean Peninsula. The comparative study of plot-figure ceramics allowed identifying similar images and plots: dwelling structures, boats, birds, deer, etc. The wooden intra-grave structures – wells and composite coffins used for burials – were found analogous. The use of wood for burials in ancient Japan has been attributed to the influence of migrants from the Korean Peninsula. The excavations of the Kyo-dong Songhyo-dong burial mound in the south of the Korean Peninsula have revealed traces of contacts with the population of the Japanese islands. The Kyo-dong Songhyo-dong burial ground belongs to the Japanese Senzuka burial monuments, which are burial mounds comprising hundreds or thousands of small circular mounds closely adjoining each other. The similar sites found in central Japan and in the south of the Korean Peninsula attest to the close relationships between the two territories.

Keywords: Paleometallic Era, mound, Korean Peninsula, Japanese islands, Yayoi period, Kofun, Three Kingdoms

REFERENCES

1. Yamamoto T. Kodai kanhanto to yamatokoku (Ancient Korean Peninsula and Yamato). Tokyo: Chuokoronshinsha, 2018. 256 pp. (in Jap.)
2. Kim Giun. Kobun (Mounds). Seoul: Daewonsa, 1991, 120 p. (in Kor.)
3. Yayoijidai-no haka. Shisha-no sekai [Yayoi period burials. World of dead]. – Ritsukashihara ko:kogaku kenkyu:jo fuzokuhakubutsukan, 2014. – 88 p. (in Jap.)
4. Mizoguchi K. Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. – 393 p.
5. Lee Geonmu, Lee Yeonghun, Yun Gwangjin, Sin Daegon. Daho-ri pal'gul' chindzhon pogo (I) (Research report of excavation of the Proto-Three-Kingdoms burial site at Daho-ri in Uichang county). In Gogohakji (Journal of Archaeology). 1989. No. 1. P. 5–174. (In Kor.)
6. 2008 tkhykpkhel'dzhon «Kal'depat sok-yi nara Dakho-ri – ky pal'gul'-gva kirok» (Special Exhibition of Daho-ri). Seoul: National Museum of Korea, 2008. – 209 p. (In Kor.)
7. Park Sangjin. Il'bon-dzhe kymson-yro mookkvan mantyn Baekje Muryeongwang (Peckchey King Mooren, whose wooden coffin was made of Japanese fir). In Newspaper “Premium Chosun”, 05.12.2013 http://premium.chosun.com/site/data/html_dir/2013/12/04/2013120402697.html (in Kor.)
8. Kim Yongseong. Changnyeong jiyeok gochong myoje-ui teukseong-gwa uiui [Characteristics and significance of burial grounds in Changnyeong area]. Hanguk godaesa sog-ui Changnyeong [Changnyeong in Korean Ancient History]. Daegu: Changnyeong County, Institute of Younghan Cultural Research In Kyungpook National University, 2009, p. 93–151 (In Kor.).
9. Niizawa senzuka kofungun gaidobukku [Niizawa Sendzuka Tumuli Group Guide]. Nara: Meishinsha Co., Ltd., 2014, 73 p. (in Jap.).
10. An Illustrated Companion to Japanese Archaeology/ Edited by W. Steinhaus and S. Kaner. Oxford: Archaeopress, 2016. 342 p.

11. Gukrip gimhae bakmulgwan (Gimhae National Museum catalogue). Gimhae: Gimhae National Museum, 2018. 311 p. (In Kor.).
12. Song Wonyeong. Gaya munhwa-ui balsanji, Gimhae Geumgwan Gaya-ui gaya yujeok (Cradle of Gaya culture: Geumgwan Gaya culture sites in Gimhae). Magazine Gaya. 2019. Iss. 1. pp. 20–25 (In Kor.).
13. Wakasa T. Haniwa-no sekai. Kodaisekai-kara messe:ji (World of haniwa. Message from the Ancient World). Tokyo: Kabushikigaisha Tokyo:bijutsu, 2009. 80 c. (In Jap.).
14. Keishu: Kinreizuka, Shokurinzuka hakkutsu cho:sa ho:koku honbun (Report on archaeological research of Kinreizuka, Syokurinzuka mounds in South Korea). Kyoto: Kabushikigaisha gyokudo, 1931. 252 p. (in Jap.)
15. Changwon Hyeondong-eseo Ara Gaya choedae gyumo-ui gobungun hwagin (The results of the study of the largest burial site of Ara Kaya in the Hyeon-dong of Changwon city). Munhwajaechyeong (Cultural heritage administration), 6.2019. – ULR: http://www.cha.go.kr/newsBbz/selectNewsBbzView.do?newsItemId=155701462§ionId=b_sec_1&pageIndex=8&strWhere=&strValue=&mn=NS_01_02 (date of query: 20.01.2020 – in Kor).
16. Kofunjidai-no fune to siuun (Ships and other water vehicles in the Kofun period). Takatsuki: Imashirozuka kodairekishikan, 2014. 64 p. (in Jap.).
17. Hozumi H. Funegatahaniwa to kodai-no so:so. Takarazuka ichigokofun (Haniwa-boats and ancient funeral rite. Takarazuka burial mound N1). Tokyo: Shinsensha, 2017. 96 p. (in Jap.).
18. Ulsan Jungsanri yujeok I: bonmun (Jungsanri site in Ulsan I: The main part). Changwon: Changwon daehakgyo bakmulgwan (Changwon university museum), 2006. 397 p. (In Kor.).
19. Inori-no sekai do:butsun (The animal world in religious space). Nara kokuritsu hakubutsukan (Nara National Museum). Osaka: LIVE Art Books Inc., 2019. 154 p. (in Jap.).

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-129-134

Е.Е. КРАСНОЖЕНОВА*

Третья Международная научно-образовательная конференция «СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти» (Санкт-Петербург, 15–16 октября 2020 г.)**

Третья Международная научно-образовательная конференция «СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти» была посвящена 75-летию Победы над нацистской Германией и её союзниками. Конференция стала площадкой для решения актуальных проблем сохранения и популяризации памяти о войне, обсуждения роли СССР в победе над фашизмом. Были рассмотрены события истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, получившие отражение в исторической памяти и являющиеся объектами исторических исследований. Анализ представленных на конференции докладов свидетельствует об активном расширении авторами источниковой базы, переосмыслении официальной концепции войны, постановке новых проблем и вопросов, применении новых подходов к изучению памяти о войне в целом.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, историческая память, сопротивление агрессору, советский тыл, нацистская оккупация, увековечивание памяти, эволюция исторической памяти, мемориализация памяти

В состоявшейся в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (СПбПУ) конференции приняли участие ведущие историки из России, Белоруссии, Израиля, Италии, Болгарии, Великобритании, Литвы, Украины, Казахстана, Узбекистана. С учётом пандемических ограниче-

ний зарубежные и часть российских историков участвовали в ней в удалённом формате, однако это не помешало проведению плодотворных и содержательных научных дискуссий, направленных прежде всего на исследование проблем исторической памяти о Великой Отечественной войне.

* **Красноженова Елена Евгеньевна** — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, заместитель председателя Оргкомитета конференции.
E-mail: eleena@inbox.ru

** Проект 20-09-20022.

Фото 1. Выступает Е.Е. Красноженова

На шести секциях конференции, посвящённой 75-летию Великой Победы, прошло всестороннее обсуждение докладов, в которых авторы расширили источниковую базу исследований (И.В.Быстрова, В.А.Исупов, Е.Е.Красноженова), переосмыслили официальную концепцию войны (Г.Е.Корнилов, А.Н.Кашеваров, С.В.Кулик), поставили новые проблемы и вопросы (В.Л.Пянкевич, А.А.Михайлов), применили междисциплинарные подходы к изучению памяти о войне в целом (В.К.Хазов).

Открывая Конференцию, научный руководитель СПбПУ, д.т.н., академик РАН Ю.С.Васильев подчеркнул важность сохранения памяти о тех, кто защищал нашу страну и сохранил мир на Земле. «Именно поэтому, — подчеркнул академик, — долг россиян и всего народа — суметь пронести память о великих подвигах наших дедов, отцов, сыновей».

Каждый из российских и зарубежных исследователей, выступивших далее на пленарном заседании, по-своему развил эту мысль и обогатил её представленными материалами. Так, автор этой статьи остановилась на вкладе в Победу сотрудников и студентов ленинградского Политеха, пять тысяч студентов и преподавателей которого воевали на фронтах войны (фото 1).

А.И.Шнеер из Национального института Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления «Яд Вашем» (Израиль) свой видеодоклад посвятил проблемам памяти о трагедии Холокоста.

Интерес вызвал доклад И.В.Быстровой, которая показала основные направления, динамику, номенклатуру и значение ленд-лизских поставок на основе недавно рассекреченных документов из Российского государственного архива экономики. Доклад был построен в виде реконструкции деятельности Правительственной закупочной комиссии СССР в США.

Живой отклик у участников вызвал эмоциональный, но основанный на установленных исторических фактах доклад С.В.Кулика, посвящённый особенностям партизанского движения. Он привёл факты, свидетельствующие, что осенью-зимой 1941–1942 гг. то небольшое количество партизанских отрядов, которое существовало на оккупированных территориях, оказалось без соответствующего обмундирования и питания, что привело к значительной смертности среди партизан от обморожений и голода.

Доклад Б.Н.Ковалёва, одного из ведущих российских историков, специализирующегося на особенностях национального коллаборационизма на оккупированной территории СССР, был посвящён деятельности крупных латышских, латвийских и эстонских полицейских формирований на Новгородчине и Псковщине в 1942–1944 гг. Учёный проанализировал причины их активного сотрудничества с нацистами, показал участие в карательных акциях, зверских убийствах захваченных в плен советских солдат и мирного населения.

Своеобразный взгляд на советскую пропаганду в годы войны предложил собравшимся А.А.Михайлов (фото 2). Он рассмотрел использование в годы Великой Отечественной войны имён героев, примеров стойкости и отваги русской армии из истории Первой мировой войны, проанализировал круг тем, которые

наиболее активно использовались в пропаганде (научно-популярных брошюрах, публицистике, художественной литературе и др.) с целью укрепления чувства патриотизма, боевого духа действующей армии и населения. А.А.Михайлов отметил, что в газетных и журнальных очерках о боевых действиях в годы Великой Отечественной войны популярным персонажем был старый солдат, который прошёл Первую мировую войну и делится своим опытом с молодыми бойцами.

Белорусская делегация историков, включавшая 16 исследователей, стала одной из самых представительных на конференции. На пленарном заседании в формате видеодоклада директор Национального архива Республики Беларусь А.К.Демянюк поделился богатым опытом сохранения исторической памяти о войне на примере работы с архивными документами. Изданные документальные сборники, выставочные проекты архива, созданные им и действующие базы данных активно используются учёными и всеми интересующимися не только в Республике Беларусь, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Одним из крупных проектов архива стала база данных «Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны». Архив ведёт активную работу по персонификации истории движения Сопротивления на оккупированной территории БССР. В рамках совместного проекта активно наполняется база данных участников партизанского и подпольного движения в Беларуси на интернет-портале «Партизаны Беларуси».

Важность настоящей конференции в контексте противостояния информационной войне по дискредитации роли СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войнах подчеркнула Е.М.Мальшева. В развернувшейся бескомпромиссной информационной войне мы не имеем права, — сказала она, — проиграть сражение за правду истории: слишком высокая

цена была заплачена советским народом за победу над нацистской Германией и её европейскими союзниками, чтобы сегодня мы могли позволить отнять её и переиграть итоги войны.

Чрезвычайно насыщенной и научно значимой оказалась работа секций. Участники секции «Боевые действия и Сопротивление агрессору как фактор формирования коллективной памяти о войне» всесторонне обсудили процесс формирования исторической памяти об антифашистской борьбе советских партизан и подпольщиков, а также ее интерпретацию в научной литературе. Особый интерес на секции вызвали очные доклады М.В.Ходякова, В.А.Исупова, А.А.Гринева, видеодоклад С.В.Кулинка. Малоисследованной проблеме создания и функционирования лагерей для иностранных военнопленных на территории Крыма, оказавшихся в советском плену на завершающем этапе Великой Отечественной войны, посвятил своё выступление М.В.Ходяков. На основе документов Российского государственного военного архива он очертил круг проблем, которые нуждаются в дальнейшем исследовании.

Исследуя проблему численности и состава мобилизованных в Вооружённые силы СССР в годы Второй мировой войны, В.А.Исупов, привлекая ранее не использованные источники из центральных и региональных архивов, развенчал миф о неисчерпаемости людских ресурсов, долгое время бытовавший в исторической науке. С.В.Кулинок в формате видеодоклада проанализировал деятельность органов партизанской контрразведки по выявлению немецкой агентуры, засланной с задачами разведывательного и террористического характера, на оккупированной территории Белоруссии.

На секции «Воспроизведение исторической памяти о жизни в советском тылу» выступавшие представили результаты исследований о работе тыла, реализации социальной политики и охраны детства, работе учреждений здравоохранения, дея-

Фото 2. Выступление А.А. Михайлова

тельности местных органов власти, восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. Участников секции заинтересовали исследования демографических процессов в Волго-Вятском районе, основанные на подсчётах и анализе статистических данных (Н.В. Чернышева), динамики медицинской сети, кадрового обеспечения, финансирования органов здравоохранения в Восточной Сибири (М.А. Семёнов), показателей работы производственных коллективов судоремонтных предприятий Ленинграда в условиях блокады (Н.В. Селюнина).

Докладчики на секции «Предвоенные годы и начало Великой Отечественной войны в СССР и государствах Европы как объект исторического анализа» сосредоточили внимание на отдельных проблемах предвоенной экономики, вопросах национальных отношений, видах вооружений в предвоенный период и др. Эти научные проблемы нашли отражение в выступлениях и видеодокладах А.Ю. Давыдова, А.А. Киличенкова, В.А. Саблина, Д.В. Суржика, А.Г. Цымбала, Дж. Римонди.

В докладе А.Ю. Давыдова были рассмотрены вопросы централизации и унификации информационной и пропагандистской работы в СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны. Учёный

убедительно доказал, что в первые полтора года войны усилия коллектива Совинформбюро были сосредоточены на развёртывании пропаганды среди населения, в то время как в дальнейшем в первую очередь решалась задача формирования положительного имиджа советской страны за рубежом. Анализируя место антифашистских комитетов среди подчинённых Совинформбюро органов, автор отметил, что сталинское руководство позиционировало их как независимые общественные объединения, что совершенно не соответствовало методике их конструирования путём мелочной опеки со стороны власти.

Доклад А.А. Киличенкова заинтересовал научную аудиторию тем, что автор на основе комплекса архивных документов из фондов Российского государственного военного архива и Российского государственного архива социально-политической истории выявил и проанализировал вклад И.В. Сталина и М.Н. Тухачевского в развитие танковых войск, создание теории танковой войны, формирование структуры новых вооружений.

В центре внимания секции «Нацистская оккупация в памяти народов СССР» ожидаемо оказались зверства немецко-фашистских захватчиков на оккупированной советской территории, трагедия гражданского населения и особенности исторической памяти о тех страшных событиях. Исследователи на широком фактическом материале показали бесчеловечность нацистского режима на материалах Северо-Запада России, Северного Кавказа, Белоруссии, Украины и других регионов СССР (В.Л. Пянкевич (фото 3), А.Н. Кашеваров, Е.М. Мальшева, А.В. Броварь, С.Е. Новиков, Е.В. Дьякова и др.). Внимание привлёк доклад В.Л. Пянкевича, посвящённый малоизученной проблеме блокады Ленинграда — восприятию её звукового пространства жителями города. Автор пришёл к выводу, что звуковая среда города-фронта не просто порождает эмоциональные впечатления и реакции, но и формировала стратегии поведения и выживания в катастрофе.

Попытки некоторых представителей исторической науки представить в положительном свете церковную политику оккупантов опроверг А.Н.Кашеваров. На основе проведённого анализа религиозной ситуации на временно оккупированной территории он сделал выводы о массовом обращении к религии за утешением в связи с постигшим людей несчастьем, переживаниями, которые принесли им война и фашистская оккупация, о сплочении значительной части населения оккупированных областей вокруг приходских храмов, о росте влияния Церкви как поборницы патриотизма. Динамику восстановительных процессов угольной отрасли Донецкого региона начиная с февраля 1943 г. по май 1945 г. в видеодокладе показал А.В.Броварь.

На секции «Формы и способы увековечивания памяти о Великой Отечественной войне» с докладами выступили А.Е.Епифанов, В.К.Хазов, О.А.Баландина, А.В.Трофимов, А.И.Корсак, Ю.Траکشялис. Исторической памяти о войне в визуальном пространстве советских городов во второй половине 1940-х годов был посвящён доклад А.В.Трофимова. Обращение к визуальной составляющей послевоенной эпохи позволило ему выявить «следы войны» в ландшафте и социокультурном пространстве советских городов, реконструировать ценностные предпочтения и модели поведения населения. О деятельности «Института военного наследия» по увековечению памяти погибших при защите Отечества и сохранению советских воинских захоронений рассказал Ю.Траکشялис. В.К.Хазов отметил, что в настоящее время проблема сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне рассматривается, главным образом, на уровне противодействия осознанным практикам её искажения. Однако существует и ещё один уровень угрозы существования этого пласта российской исторической памяти – нецеленаправленные, естественные процессы вытеснения содержания исторической па-

Фото 3. Выступает В.Л. Пянкевич

мяти в социокультурное бессознательное, сведение её к пустым, неосознаваемым формам. Автор обозначил данное явление как «отчуждение прошлого». В качестве способов преодоления «отчуждения прошлого» он предложил формировать практики осознания функциональной природы исторической памяти.

Секция «Эволюция исторической памяти в послевоенное время» дала возможность исследовать особенности памяти о военных преступлениях нацизма, последствия войны в визуальном пространстве советских городов, роль военных праздников и Дней воинской славы в праздничной культуре советского общества, деятельность вузов по сохранению памяти о войне (Г.Е.Корнилов, А.С.Мохов, А.В.Шаманаев, Д.Ю.Асташкин, В.Г.Кокоулин, А.Д.Попов, А.В.Липатов, О.В.Андреев, И.Е.Татаринов).

Проблеме анализа демографических потерь населения Украинской ССР во Второй мировой войне в современной украинской историографии был посвящён доклад Г.Е.Корнилова. Автор отметил острую дискуссию, чрезмерную политизированность темы демографических потерь Украины и значительную вариацию их оценок, что свидетельствует о том, что данная проблема не решена. Основными причина-

ми этой историографической ситуации, по мнению Г.Е. Корнилова, являются неправильно выбранные методологические подходы, использованные при оценке потерь населения.

Д.Ю. Асташкин рассказал о проблеме расследования военных преступлений нацизма в советской пропаганде 1960-х гг. посредством обращения к делу Эрвина Шюле 1965 г., которое привлекло внимание к масштабным военным преступлениям на Северо-Западе РСФСР.

Подводя итоги конференции, её участники единодушно признали, что важнейшими направлениями деятельности по сохранению памяти и исторической правды о Великой Отечественной войне должны стать:

- ♦ координация институтов гражданского общества, общественных ветеранских организаций и объединений, органов государственной и муниципальной власти в области сохранения исто-

рического наследия, связанного с историей Великой Отечественной войны;

- ♦ борьба с фальсификацией истории Великой Отечественной войны и попытками пересмотра её итогов;
- ♦ патриотическое воспитание молодёжи;
- ♦ бережное отношение к памятным местам, связанным с сохранением памяти о Великой Победе;
- ♦ развитие научно-исследовательской деятельности и объективное отражение в научных работах малоисследованных проблем Великой Отечественной войны.

Все предложения вошли в итоговую резолюцию конференции, а доклады и выступления опубликованы в сборнике трудов «СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти: Сборник трудов Международной научно-образовательной конференции, 15–16 октября 2020 г.». СПб.: Своё издательство, 2020. — 608 с. (http://hsss.spbstu.ru/userfiles/files/conference/sssр/2020_sbornik.pdf).

ENGLISH

The Third International Scientific and Educational Conference – “USSR in the Second World War (1939–1945): Historical Memory Issues” (St. Petersburg, October 15–16, 2020)

Krasnozhenova Elena Evgenievna – Doctor of Sciences in History, Professor at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Deputy Chairman of the Conference Organizing Committee.
E-mail: eleena@inbox.ru

The Third International Scientific and Educational Conference – “USSR in the Second World War (1939–1945): Historical Memory Issues” was devoted to the 75th Anniversary of the Victory over Nazi Germany and its Allies. The conference became a platform to address topical issues regarding preserving and popularizing the war memories and discussing the role of the USSR in the victory over fascism. The historical events of the Great Patriotic War and Second World War, being both part of historical memory and objects of historical studies, were given consideration. The review of the reports, presented at the conference, demonstrates that the authors extensively expand their source base, reconsider the formal concept of war, raise new problems and questions, and apply new approaches to study war memories in general.

Keywords: Second World War, Great Patriotic War, historical memory, resistance to aggressor, Soviet rear, Nazi occupation, perpetuating the memory, evolution of historical memory, memorialization

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-135-140

**В.Э. БАГДАСАРЯН,
С.Н. ФЕДОРЧЕНКО***

Всероссийская онлайн-конференция с международным участием «Исторические итоги Второй мировой войны в актуальной повестке современности» (Москва, 9 сентября 2020 г.)**

Всероссийская онлайн-конференция с международным участием прошла на базе Московского государственного областного университета. Повестка форума определялась необходимостью разоблачения попыток фальсификации истории Второй мировой войны и ревизии её итогов. Благодаря участию специалистов в области политологии и истории конференция носила междисциплинарный характер. Статья представляет собой аналитический обзор мероприятия в контексте оценки научной и политической актуальности поднятых на нём проблем. В обобщённом виде представлены практические предложения докладчиков по противодействию фальсификациям истории.

Ключевые слова: онлайн-конференция, Вторая мировая война, политика памяти, деконструкция исторических мифов

Актуальность проведения конференции связана, с одной стороны, с эскалацией конфликта в современной мировой политике, с другой — с сопряжёнными с ним трансформациями исторического сознания и «войнами памяти». Сочетание этих вызовов определило методологически междисциплинарный характер конференции, соединившей политологическую и историческую проблематику. В фокусе этих вызовов оказались попытки ревизии Ял-

тинско-Потсдамской системы, итогов Второй мировой войны и всей истории военного конфликта конца 1930-х – первой половины 1940-х гг. Для России такой ревизионизм содержит угрозы девальвации значения Победы, пересмотра права вето в Совете безопасности ООН, формирования негативного образа в мире и чувства исторической вины перед своим народом, прежде всего молодёжи. Основной замысел форума и состоял в критике мифологизации

* **Багдасарян Вардан Эрнестович** — доктор исторических наук, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ), председатель Оргкомитета конференции.

E-mail: vardanb@mail.ru

Федорченко Сергей Николаевич — кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права МГОУ, член Оргкомитета конференции.

E-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

** Проект 20-09-22005.

Фото 1. Открытие конференции. Слева направо: С.Н. Федорченко, к.пол.н., профессор кафедры политологии и права МГОУ, В.Э. Багдасарян, д.и.н., профессор, декан факультета истории, политологии и права МГОУ, Е.Я. Журавина, к.э.н, доцент, и.о. проректора по научной работе МГОУ

и фальсификации истории, деконструкции исторической пропаганды.

Конференция была приурочена к 75-летней годовщине окончания Второй мировой войны. Работа форума соотносилась и с идейной направленностью внесённого в Конституцию РФ положения о защите исторической правды, недопущении умаления значения народного подвига.

Всего в конференции (фото 1) принял участие 201 исследователь из Ярославской, Московской, Тамбовской областей, Санкт-Петербурга, Москвы, Хабаровского края, Республики Башкортостан, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. К участию в конференции были привлечены учёные из Беларуси, США и Румынии, что имело особое значение для диагностирования восприятия поставленных проблем за рубежом. Важно подчеркнуть, что более половины докладов основывалось на исследованиях, поддержанных ранее соответствующими проектами РФФИ.

Конференция состояла из пленарного заседания (фото 2) и тематических секций.

Проводилось мероприятие на базе платформы Zoom. С приветственными словами к участникам конференции обратились и.о. проректора по научной работе МГОУ Е.Я. Журавина, председатель программного комитета, д.и.н., проф. МГОУ и РУДН С.И.Реснянский, директор Института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского госуниверситета, д.пол.н., проф. И.Ф.Ярулин, заместитель руководителя Департамента политики и управления Высшей школы экономики, д.и.н., проф. И.Б.Орлов, директор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, к.и.н., проф. А.Б.Ананченко, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, д.и.н., проф. В.Л.Телицын. Модерировавший пленарное заседание председатель Оргкомитета В.Э.Багдасарян зачитал приветственное слово доктора наук, директора Исторического научного центра Рожкова (Новый Южный Уэльс, Австралия) Джона Антонио Гонзалеза. В приветственных обращениях отмечалась тенденция эскалации

«войн памяти», говорилось о необходимости целевой защиты образа Победы. Особо важным было свидетельство иностранного участника австралийского учёного Дж.Гонзалеза: «Сейчас переписывается история. По мере того, как люди становятся убеждёнными в том, что всё, что есть в русском, плохо, зло, лживо, жестоко, корыстно националистически и так далее, они всё меньше склонны хотеть узнать о них и ещё меньше желают узнать правду об исторических событиях. Истина становится разрозненной, сложной и, в конце концов, некоторые даже считают её непознаваемой. Сейчас – 75-летие грандиозной победы России над нацистской Германией, но этот факт был забыт за пределами России. В популярном представлении, которое экспортируется по всему миру, считается, что Вторая мировая война была решена на пляжах Нормандии и Иводзимы, Великая Отечественная война Советского Союза почти ничего не значит».

С первым докладом на пленарном заседании выступил заведующий кафедрой новейшей истории России, лауреат Государственной премии РФ д.и.н., проф. В.В.Журавлёв, поделившийся с аудиторией результатами своего исследования на тему формирования антифашистского дискурса в общественно-политической мысли русского зарубежья. В его выступлении развенчивался миф о доминании коллаборационистских настроений в эмигрантской среде, показывалось активное участие российских эмигрантов в движении «Сопrotивления», что фактически стало основанием для преодоления исторического раскола между «красными» и «белыми».

Руководитель научно-образовательного центра Сургутского госуниверситета д. полит.н. М.Ю.Мартынов представил итоги проведённого им контент-анализа ежегодных президентских посланий. Докладчик подчеркнул, что при противодействии антироссийской исторической пропаганде недостаточно оперировать только факто-

логией истории войны, необходимы выход на концептуальный уровень и использование инструментария символической политики.

В докладе В.Э.Багдасаряна были представлены материалы, раскрывающие подмену семантики Победы в современной антироссийской исторической пропаганде. Ревизию итогов Второй мировой войны докладчик соотнёс с угрозами новой фашизации мира и ростом военной эскалации. Один из тезисов доклада: именно СССР представлял в период Второй мировой войны основную альтернативу нацизму, в то время как союзники по антигитлеровской коалиции в значительной степени сохраняли приверженность расистским и колониальным стереотипам, пересмотр которых сам по себе явился следствием Победы.

Детальный анализ процесса формирования послевоенного международного порядка и возникшей системы геополитического баланса сил представил доктор философии в области политологии, к. соц.н. из Департамента политической науки Университета Западной Джорджии (США) М.А.Безносков. Он провёл сравнительное сопоставление взглядов сторон на генезис «холодной войны», сменившей период союзнических отношений по антигитлеровской коалиции, и сделал вывод о том, что задачи обеспечения безопасности каждой из противоборствующих систем явились определяющим фактором перехода к новому миропорядку.

Профессор кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Санкт-Петербургского госуниверситета д.полит.н. И.А.Быков на конкретных примерах раскрыл значимость твиттер-дипломатии и грамотного позиционирования событий Второй мировой войны, отечественной истории в целом с помощью сетевых медиа. В противовес создаваемым на Западе визуальным образам будто бы имевшего место соучастия СССР в развязывании Второй мировой войны докладчик предложил использо-

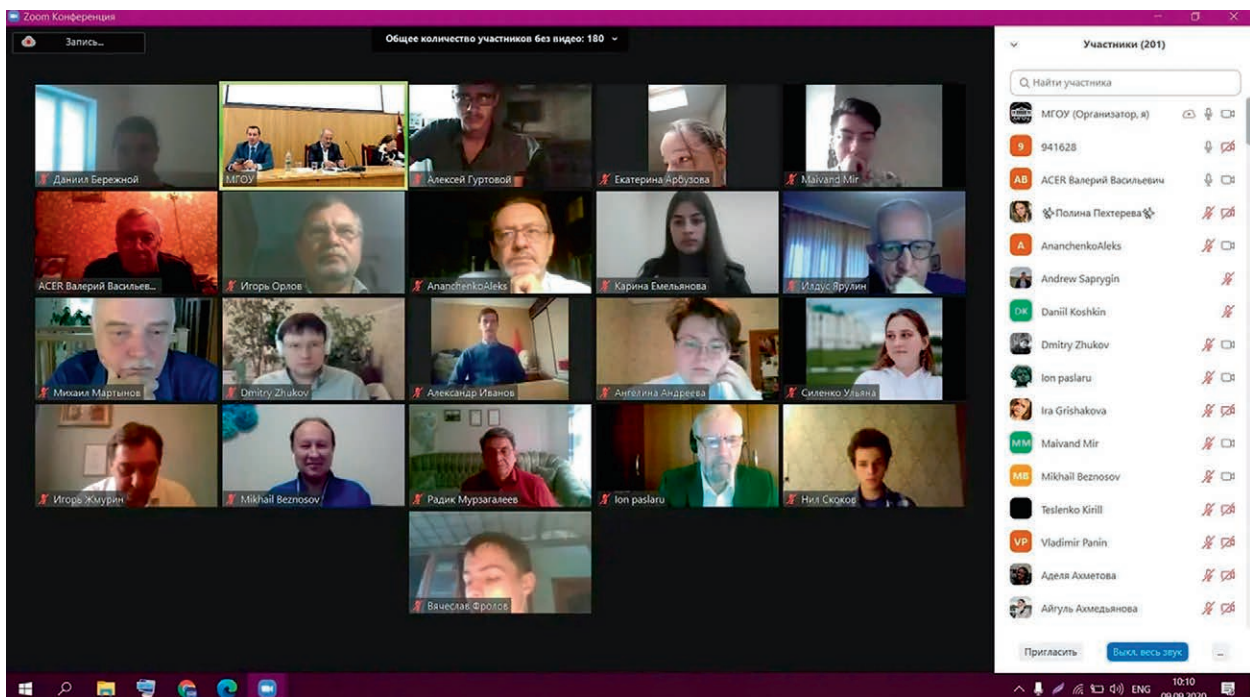

Фото 2. Участники онлайн-конференции

вать другие образы, которые, к примеру, показывают факты германско-польского предвоенного сотрудничества. Он продемонстрировал, в частности, фото участия германских военных в параде «Дня независимости» Польши в 1938 г., контекстом которого являлась проведённая месяцем ранее оккупация Тешинской области.

В докладе заведующего кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского госуниверситета им. П.Г.Демидова д.и.н., проф. Ю.Ю.Иерусалимского были показаны, с одной стороны, значение дальневосточного направления в российской и советской политике, с другой – факторная роль Красной Армии в победе над японским империализмом. Как и в других выступлениях, осмысление событий прошлого проецировалось на актуальную политику и, в частности, на определение стратегических подходов российского внешнеполитического курса в тихоокеанском регионе.

После перерыва конференция продолжила свою работу на онлайн-площадках секций, в рамках которых была сохранена общая методологическая линия междисциплинарного подхода.

На секции «Историческая память о Второй мировой войне: аспекты политики, культуры и религии» затрагивались различные аспекты «политики памяти» на современном этапе. Д.и.н., проф. О.Н.Наумов продемонстрировал возможности применения социогенеалогического метода исследования на примере рода Пушкиных в реконструкции событийной канвы истории Великой Отечественной войны. История знаменитого рода в представлении докладчика оказалась тесно вплетена в историю общенародного подвига военных лет.

Профессор кафедры политологии и права МГОУ, к.полит.н. С.Н.Федорченко основное внимание в своём докладе уделил возможностям реализации политики памяти в компьютерных играх. Он подчеркнул, что недостаточный учёт Computer Game Studies («исследований компьютерных игр») в современной политологии и истории создаёт риски разрушения исторической преемственности между разными поколениями и единой макрополитической идентичности. Как показал докладчик, не только традиционные медиа (телевидение, радио), но и сете-

вые (от видеохостингов до многопользовательских игр) стали фундаментом конструирования новых виртуальных миров, влияющих на реальную повестку, интерпретацию исторической памяти, а также на саму идентичность гражданина. Были приведены конкретные примеры негативизации образа СССР, советского народа и Красной Армии в ряде компьютерных игр зарубежного производства, что актуализирует, по мнению докладчика, задачу разработки отечественных игровых исторических программ.

На основе анализа публикаций и архивных документов д.и.н. И.Пыслару (Румыния) раскрыл малоизвестные детали деятельности румынских археологов на оккупированных армией Румынии территориях.

Представлявший Республику Беларусь к.и.н., доцент А.Ю.Бодак впервые ввёл в научный оборот большой объём фактологического материала о деятельности антисоветских националистических формирований на западно-белорусской территории. Значение представленного доклада состоит в раскрытии исторической правды о деятельности националистов в противовес современным мифам героизации националистической оппозиции, используемых, в частности, в рамках современной антигосударственной пропаганды в Беларуси.

К интересным выводам пришли исследователи и на секции «Вторая мировая война в ракурсе социальных процессов и проблем». Так, источниковедческое исследование д.и.н., проф. Д.В.Маслова позволило доказать, что фактор Победы по мере проведения горбачёвских реформ утратил в силу целого ряда причин консолидирующее значение для советской системы. Была показана факторная связь ревизии памяти о Великой Отечественной войне с распадом СССР.

Перспективным исследовательским направлением, где могли бы объединить свои усилия политологи и историки в анализе исторических мифов и политических ма-

нипуляций, связанных со Второй мировой войной, стало направление Network Studies («сетевые исследования»). В докладе к.и.н. Д.С. Жукова из Тамбовского госуниверситета им. Г.Р.Державина были представлены результаты исследования социальной памяти в дифференциации различных групп российского общества. Опираясь на данные репостной активности в отношении материалов по Великой Отечественной войне, докладчик проанализировал динамику исторической дискурсивности пользователей сетевых интернет-сообществ. Выступающий раскрыл потенциал мониторинга исторического сознания по группам популярных сообществ в плане выявления акторов общественного влияния.

Участники конференции пришли к общему мнению, что память о Великой Отечественной войне является стратегической областью для российской государственной политики. Констатировалась важность исторического просвещения различных поколений, что должно формировать единую символическую и макрополитическую идентичность страны. Такая политика должна учитывать современные тренды цифровизации, а также опыт различных стран в области сохранения исторической памяти через такие каналы, как кинематограф, компьютерные игры, социальные сети и т.п.

Другим интегральным выводом конференции явилось положение о недопустимости ревизии итогов Второй мировой войны, что, по мнению выступавших, продуцирует новую военную напряжённость в мире, приводит к возрождению фашизма и нацизма. Участники форума солидаризировались в мнении о том, что такого рода исторические ревизии могут привести к непоправимым последствиям для судеб человечества в целом, а потому должны быть подвергнуты критике на уровне международного сообщества.

Участники конференции высказали предложения по формированию дальнейшей повестки исследовательского взаимодействия:

- ♦ продолжить межрегиональное, междуниверситетское и международное сотрудничество российских и зарубежных учёных по противодействию фальсификации истории Второй мировой войны в рамках мониторинга исторических мифов, организации научных конференций и публикаций;
- ♦ развивать междисциплинарный подход, адаптируя исторические исследования к задачам формирования государственной исторической политики России;
- ♦ поддерживать развитие не только традиционных, но и новых исследовательских направлений, которые, с одной стороны, являются наиболее перспективными с точки зрения глубокой диагностики источников исторических фальсификаций, политических манипуляций и исторических мифологизаций в цифровой среде, а с другой стороны, могут стать стратегическим каналом для апробации коммеморативных технологий в рамках исторической политики;
- ♦ приступить к формированию совместными усилиями синтезированной концепции Второй мировой войны, отражающей реалии современных мировых вызовов, накопленных эмпирических знаний, преодолевающей стереотипы неолиберальных, националистических подходов и теории тоталитаризма, опирающейся на ценности солидаризационного развития человечества, гуманизма и многополярности мира.

ENGLISH

All-Russian Online Conference with International Participation — “Historic Outcomes of the Second World War in Terms of Current Issues” (Moscow, September 9, 2020)

Bagdasaryan Vardan Ernestovich — Doctor of Sciences in History, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law at Moscow Region State University (MRSU), Chairman of the Conference Organizing Committee.

E-mail: vardanb@mail.ru

Fedorchenko Sergey Nikolaevich — Candidate of Sciences in Politics, Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the Faculty of History, Political Science and Law of MRSU, a member of the Conference Organizing Committee.

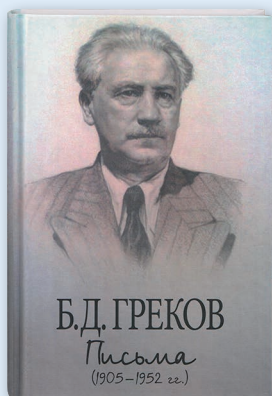
E-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

All-Russian online conference with international participation was held at Moscow Region State University. The conference agenda was determined by the need to uncover attempts to falsify the history of the Second World War and to revise its outcomes. Through the participation of specialists in the field of political science and history, the conference had an interdisciplinary character. The article presents the event analytical review in the context of assessing the scientific and political relevance of the issues raised at the conference. The speakers' practical proposals to counteract falsification of history are presented in general terms.

Keywords: online conference, Second World War, memory policy, deconstruction of historical myths

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-141-143

Л.И. ШОХИН*

Б.Д. Греков. Письма (1905–1952 гг.) /
Сост. В.Г. Бухерт.
М.: Памятники исторической мысли,
2019. — 504 с.: ил. **

Ключевые слова: история исторической науки в СССР, жизнь и научная деятельность академика Б.Д. Грекова

Выдающийся историк академик Б.Д. Греков (1882–1953) — директор трёх советских академических научных учреждений (Института истории, Института истории материальной культуры и Института славяноведения), академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР, не оставил после себя ни мемуаров, ни дневников. Личный архив Бориса Дмитриевича хранился у его сына — известного историка И.Б. Грекова, но лишь фрагменты его оказались на государственном хранении (они поступили в Архив РАН в 2016 г., составив личный фонд Б.Д. Грекова (Ф. 2238), до настоящего времени ещё не обработанный).

В свете этих фактов сборник, в котором опубликованы письма учёного за почти

полувековой период, представляет особый интерес. Его составитель — старший научный сотрудник АРАН, к.и.н. В.Г. Бухерт — вёл их многолетний поиск в 12 архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга, главным образом в личных фондах. В результате он выявил и включил в сборник 309 писем Б.Д. Грекова, адресованных 52 корреспондентам, среди которых такие известные историки, как С.В. Бахрушин, Б.Б. Кафенгауз, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.М. Лукин, П.Г. Любомиров, В.В. Мавродин, М.В. Нечкина, А.М. Панкратова, Д.М. Петрушевский, В.И. Пичета, С.Ф. Платонов, А.Л. Сидоров, И.И. Смирнов, Е.В. Тарле, М.Н. Тихомиров, Н.В. Устюгов, В.И. Шунков, А.И. Яковлев и др.

Составитель тщательно исследовал биографию Б.Д. Грекова и его научное

* **Шохин Леонид Игоревич** — кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского государственного архива древних актов.
 E-mail: shohin1957@mail.ru

** Проект 19-19-00002д.

творчество, проанализировал обширный круг архивных документов и литературы, а также различных публикаций об учёном (статьи, небольшие документальные публикации и даже книга его ученицы Н.А.Горской «Борис Дмитриевич Греков» (1999)). Некоторые письма публиковались ранее, но составитель сборника заново сверил их с подлинниками.

Особая заслуга В.Г.Бухерта состоит в выявлении писем Б.Д.Грекова (свыше 50) в фонде графа Сергея Дмитриевича Шереметева в РГАДА, ведь там письма его корреспондентов систематизированы в алфавитном порядке, при этом значительную их часть граф выделил в подшивки «Смутное время» (начало XX в. по аналогии с XVI в.) и «Военное время» (1914–1917 гг.), однако в описи их содержание не указано, и В.Г.Бухерту пришлось просмотреть все эти подшивки.

Напомним, что С.Д.Шереметев возглавлял Археографическую комиссию, и С.Ф.Платонов, который, как и Греков, преподавал в Санкт-Петербургском коммерческом училище и на Высших женских (Бестужевских) курсах, представил Бориса Дмитриевича председателю Археографической комиссии, вследствие чего Б.Д.Греков был принят туда на работу, в 1910–1913 гг. описывал библиотеку С.Д.Шереметева в его подмосковном имении Михайловское.

Как упоминается в письмах Б.Д.Грекова, именно в Михайловском он в основном написал магистерскую диссертацию «Новгородский Дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений церковной вотчины)».

В письмах к С.Д.Шереметеву можно почерпнуть интересные сведения из биографии Б.Д.Грекова. В 1916–1917 гг. учёный находился в Перми, где создавался университет, испытывал недостаток в книгах и заполнял вынужденное бездействие изучением шведского языка. Борис Дмитриевич собирался поехать в Стокгольм работать в шведских архивах, куда попали русские документы из Новгорода

после того, как во время Смуты его оккупировали шведы. Б.Д.Греков так и не смог побывать в Швеции, но после его смерти Л.В.Черепнин ездил туда и привёз в СССР много интересных копийных материалов.

В 1918–1921 гг. Б.Д.Греков жил в Крыму, где стал профессором Таврического университета и организовал Крымский центральный архив, затем вернулся в Ленинград, впоследствии переехал в Москву и, будучи уже академиком, возглавил Институт истории АН СССР.

Большой интерес представляют письма Б.Д.Грекова периода Великой Отечественной войны из Казани и Ташкента. Они раскрывают обстоятельства жизни и работы учёных в эвакуации.

У Б.Д.Грекова со временем появились новые корреспонденты, его ученики И.И.Смирнов и М.Н.Тихомиров, а также другие представители сравнительно молодого поколения историков: А.И.Яковлев, А.Л.Сидоров, И.У.Будовниц и др. В письмах Б.Д.Грекова имеются интересные отклики об академике С.Б.Веселовском, хотя их переписка в рецензируемое издание не вошла. Составитель не включил в сборник переписку с С.Б.Веселовским исходя из того, что сборник состоит из писем Б.Д.Грекова, а не из его переписки, это решение можно признать оправданным.

В опубликованных в сборнике письмах отражены все этапы творческой биографии Б.Д.Грекова: его путь к вершинам академической науки, период Великой Отечественной войны, послевоенный, наиболее драматический период в биографии учёного. Как определил составитель сборника, главная его цель состояла в том, чтобы дать материал для всесторонней характеристики личности и научного творчества Б.Д.Грекова, и эта цель была успешно достигнута. В письмах учёного упоминаются его главные и наиболее известные труды «Киевская Русь» и «Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века».

Издание снабжено необходимым научно-справочным аппаратом: примечаниями, указателем опубликованных писем, ука-

зателем имён, списком сокращений. Особо следует отметить иллюстративный ряд сборника: это редкие фотографии самого Б.Д. Грекова, малоизвестные или даже ранее неизвестные фотографии других лиц, например его жены Тамары Михайловны.

Особенностью сборника является наличие значительного по объёму и весьма ценного по содержанию раздела «Приложение», куда включены документы, дополняющие письма. Они выявлены В.Г. Бухертом в ряде архивов, в частности, в Государственном архиве Российской Федерации: это материалы самого Бориса Дмитриевича и о нём. Среди них – отзыв Б.Д. Грекова о научных работах И.Л. Маяковского, отзыв С.Г. Томсинского о Б.Д. Грекове, тексты выступлений Б.Д. Грекова и его коллег на заседаниях Учёного совета Института истории АН СССР и многое другое. Интересны (хотя и небесспорны по содержанию) публикуемые в этом разделе воспоминания о Б.Д. Грекове его преемника на посту директора Института истории АН СССР, известного советского историка А.Л. Сидорова, близко знавшего Бориса Дмитриевича на протяжении многих лет.

Известно, что Б.Д. Грекова арестовывали по «Академическому делу» 1929–1931 гг., но, видимо, это не повлияло на его дальнейшее поведение, его выступление, в частности, по вопросам так называемой борьбы с буржуазным космополитизмом выглядит гораздо более умеренным, сдержан-

ным, чем выступления некоторых других историков. Из публикуемых в сборнике документов очевидно, что человеческие качества Бориса Дмитриевича коллеги ценили столь же высоко, как и его научные достижения.

В.Г. Бухерту удалось прокомментировать почти всех упомянутых в письмах лиц. Но кое-что всё же хорошо было бы уточнить. Например, историк и архивист С.А. Белокуров упомянут как сотрудник МГАМИД, но он одновременно являлся казначеем Московского общества истории и древностей российских, а поскольку в данном письме речь идёт о публикации работы Грекова в издаваемом обществом «Чтениях», желательным было бы в комментарии отметить эту сторону деятельности С.А. Белокурова.

В указателе имён к сборнику есть лакуны: пропущены фамилии востоковедов Б.А. Тураева и В.С. Голенищева, к ним не даны примечания биографического характера, вероятно, эти материалы были включены в сборник в последний момент.

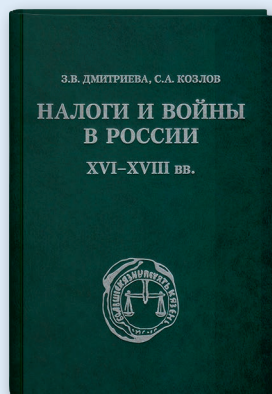
Безусловно, отмеченные мелкие недостатки не влияют на оценку сборника в целом. Книга является весьма ценным историографическим источником. Она продолжает давнюю традицию публикации творческого наследия выдающихся отечественных историков и, несомненно, будет востребована как специалистами, так и более широким кругом читателей.

ENGLISH

**B.D. Grekov. Letters (1905–1952). / Ed. by V.G. Buchert.
Moscow: Historical Thought Memorials, 2019. — 504 p.: ill.**

Shokhin Leonid Igorevich — Candidate of Sciences in History, Leading Specialist at the Russian State Archive of Ancient Acts.
E-mail: buhert-1955@mail.ru

Keywords: history of historical studies in the USSR, life and scientific activities of the academician B.D. Grekov

А.П. ПАВЛОВ*

Дмитриева З.В., Козлов С.А.
Налоги и войны в России XVI–XVIII вв.
СПб.: Историческая иллюстрация,
2020. — 568 с. **

Ключевые слова: налоги, налоговая документация, военные расходы, военно-фискальное государство

Рецензируемая монография петербургских историков З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова представляет собой комплексное фундаментальное исследование системы налогообложения Российского государства на протяжении трёх столетий. Широкие хронологические рамки позволили авторам проследить эволюцию форм налогообложения, влияние на налоговую систему внутренних и внешнеполитических факторов, а также методы взимания налогов и отношение населения к государственным платежам.

Впервые в отечественной и зарубежной историографии российское налогообложение XVI–XVIII вв. рассмотрено в русле глобальной проблемы всеобщей истории «Налоги и войны».

Монография состоит из введения, четырёх основных глав, заключительной главы («Вместо заключения») и обшир-

ных приложений. В первой главе прослежены геополитические приоритеты и налоговая политика Российского государства XVI в. и рассмотрен ряд дискуссионных вопросов формирования и эволюции поссошной системы (проведение земельных описаний, составление кадастров, введение сохи как единой единицы налогообложения). Опираясь на результаты трудов историков второй половины XX в. (работы А.Л. Шапиро, Г.В. Абрамовича, С.М. Каштанова, Е.И. Кольчевой и других исследователей) и свои разыскания, авторы убедительно показали, что сложившаяся в первой половине XVI в. поземельная система была однотипна с европейскими налоговыми системами раннего Нового времени. Налоговая политика Русского государства анализируется в контексте территориального расширения Российского государства. В работе убедитель-

* **Павлов Андрей Павлович** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
E-mail: a.pavlov@spbu.ru; pavlov_ap@mail.ru

** Проект 19-112-00060д.

тельно прослеживаются изменения налоговых приоритетов в годы военных кампаний. Как показывают авторы, постоянная нехватка денежных средств вынуждала власти проводить экстраординарные сборы и применять репрессивные меры для пополнения государственной казны. В работе даётся анализ такой важной стороны опричнины, как её финансовая политика. Представляется плодотворным и перспективным предлагаемый авторами подход к изучению финансовой политики опричнины как чрезвычайной налоговой меры. В главе рассмотрен один из важнейших и дискуссионных вопросов российской истории XVI века: причины кризиса последней четверти столетия и влияние кризиса на введение государственного ограничения «крестьянского выхода» и нарушение норм Судебника 1550 г. о крестьянских переходах. Авторы монографии решительно оспаривают изложенную в новейших работах С.А.Нефедова концепцию, в основу которой положена структурно-демографическая теория американского историка Дж.Голдстоуна о перенаселении как главной причине возникновения кризисов в эпоху раннего Нового времени. Опираясь на всю совокупность имеющихся данных о движении народонаселения в России XVI в., в монографии показана несостоятельность применения идей неомальтузианства к объяснению процессов колонизирующейся страны, где плотность населения (даже в районах, заселённых и хозяйственно освоенных с конца XV в.) часто не превышала одного человека на кв. км.

Вторая глава посвящена рассмотрению экономического положения и системы налогообложения страны в годы Смуты. Исследование проведено на материалах хорошо сохранившегося Новгородского оккупационного архива (1611–1617), хранящегося в Стокгольме. В главе показан значительный урон, который нанесла Смута начала XVII в. экономическому и демографическому развитию общества, а также отмечено существенное изменение

традиционной системы налогообложения в этот период. На «воёванных» землях происходило резкое сокращение площадей тяжёлой пашни и значительное уменьшение налоговых сборов. Шведско-русская администрация в новгородских пятинах, сохранив московскую посошную систему, уже в конце своего пребывания у власти ввела льготное обложение и перешла к взиманию налогов с числа дворов. В 1620-х гг. такой принцип налогообложения («живущая четверть») будет введён на большей территории государства. Важно отметить, что в Новгородском оккупационном архиве сохранились документы, позволившие авторам рассчитать соотношение прямых и косвенных налогов и сделать важный вывод о преобладании косвенных налогов (прежде всего питейных сборов) в совокупном поступлении денежных средств в новгородскую казну. Авторы убедительно раскрыли последствия шведского пребывания для посадского и крестьянского населения Новгородской земли, демографическое восстановление которой не было осуществлено даже в 1670-е гг.

В третьей главе рассмотрено влияние внешнеполитических факторов на налоговую политику российских властей после Смуты до конца XVII в. Русско-польские войны (1632–1634, 1654–1667) потребовали значительных денежных средств, поступление которых не могла обеспечить посошная система. Правительство пытается перейти на косвенное обложение в надежде на быстрое пополнение казны и в феврале 1646 г. резко повышает налог на соль. Так называемая соляная габелла была эффективна и широко применялась в европейских странах (в книге приведён большой сравнительный материал). Однако эти новации в российских условиях не имели успеха. Опираясь на исследование А.В.Крайковского, авторы раскрыли причину краха соляной реформы: добыча и продажа соли в России находились не в руках государства, как это было в Европе, а, как правило, в соб-

ственности церковных корпораций, которые всеми способами пытались уйти от уплаты нового налога. После окончания войны с Речью Посполитой в 1667 г. на повестку дня встала необходимость реорганизации вооружённых сил, что потребовало кардинальных изменений в фискальной сфере и включения в уплату налогов всего населения, в том числе бобыльские, холопские и прочие дворы. Авторы монографии на материалах Кирилло-Белозерского монастыря убедительно раскрыли изменения номенклатуры и величины налогов (стрелецкого хлеба, стрелецких, ямских и полоняничных денег) на единицу обложения и на крестьянский двор в годы военных противостояний (монастырь, как наглядно представлено авторами в таблицах, был одним из крупнейших земельных собственников, во второй половине XVII в. за ним значилось более 3800 дворов в 12 уездах).

В четвёртой главе «Российская империя XVIII в.: геополитические задачи и налогово-финансовое обеспечение» на материалах уже имперского периода показано значительное увеличение финансовых затрат государства и привлечение новых многочисленных людских ресурсов в связи с активизацией внешней политики и формированием регулярных вооружённых сил. В центре внимания авторов главы – решение российским правительством «крымского вопроса», который на протяжении более двух столетий был важнейшей геополитической проблемой Российского государства. В главе убедительно прослеживается изменение налогово-финансовых приоритетов во второй половине XVIII в. В годы русско-турецких войн (1768–1774, 1787–1791) для покрытия военных расходов Екатерина II прибегла к внешним и внутренним кредитам. В эти же годы для покрытия дефицита бюджета были выпущены бумажные деньги. Налогово-финансовые меры, предпринятые Екатериной II, позволили найти необходимые денежные средства для ведения войны с Турцией. Для раскры-

тия поставленных в главе проблем авторы широко использовали достижения российской историографии (работы П.Н. Милюкова, М.В. Ключкова, И.А. Булыгина, А.М. Шабановой, Е.В. Анисимова, Н.Н. Петрухинцева, И.И. Федюкина, Е.С. Корчминой и др.), а также опирались на собственные изыскания, основанные на вновь введённом в научный оборот обширном комплексе документальных материалов. В результате авторам удалось убедительно, на новом уровне проследить процесс становления России в мировую империю, показать масштабы денежных затрат на решение жизненно важных проблем государства, прежде всего выхода к Балтийскому и Чёрному морям.

Таким образом, в процессе исследования авторами монографии на широком хронологическом отрезке последовательно рассмотрен ряд важнейших факторов, влиявших на складывание налоговых приоритетов в России: посильность налогов и роль общины в системе формирования и функционирования системы налогообложения. Нарушение принципа посильности было одной из причин кризиса последней четверти XVI в. и сокрытия объектов обложения при составлении писцовых описаний (сокращение тяжлой пашни, запись части крестьян бобылями после введения «живущей чети» в 1620-е гг.).

В заключительной части работы («Вместо заключения») авторами проведено историко-сравнительное исследование налоговой системы России XVI–XVIII вв. и европейских стран в контексте концепции военно-фискального (fiscal-military) государства раннего Нового времени. Авторы убедительно показали типологическое сходство военно-фискальных государств Европы и России: устойчивый рост налогов и сборов, введение чрезвычайных налогов, увеличение косвенных сборов в общей сумме государственно-го «бюджета», привлечение дополнительных денежных средств в виде внутренних и внешних займов. Следует особо от-

метить, что применение метода компаративистики — это одна из сильных сторон рецензируемой монографии.

Важной частью монографии являются составленные З.В. Дмитриевой и С.А. Козловым совместно с Н.В. Башниным приложения, в которые включены документы, раскрывающие разные аспекты российской налоговой системы: отношение общины к распределению и сбору налогов (челобитных крестьян и посадских людей), отписки о поступлении экстраординарных налогов в Смуту, хозяйственные материалы Кирилло-Белозерского монастыря о сборе и раскладке налогов и участии монастырских слуг в военных действиях, акты о выборе крестьянами даточных людей и др. Приведённый в приложениях комплекс разных по происхождению документов явился источниковой базой для написания рецензируемой моно-

графии; кроме того, он позволяет читателю наглядно представить реальную жизнь общества в условиях военного времени.

Монография снабжена богатым научно-справочным аппаратом: указателями имён и географических названий, а также списком используемой литературы (более 500 названий).

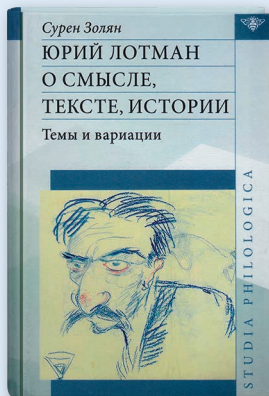
В заключение отметим, что рецензируемая монография органически продолжает изыскания российских учёных по истории социально-экономического развития России раннего Нового времени, которые были начаты петербургскими (ленинградскими) историками-аграрниками в конце 1960-х гг. под руководством Александра Львовича Шапиро. Поэтому неслучайно книга посвящена 50-летию выхода в свет в 1971 г. первого тома коллективного труда по аграрной истории Северо-Запада России второй половины XV–XVII в.

ENGLISH

Dmitrieva Z.V., Kozlov S.A. Taxes and Wars in Russia in 16–18th Centuries. St. Petersburg: Historical Illustration, 2020. — 568 p.

Pavlov Andrey Pavlovich — Doctor of Sciences in History, Professor at the Department of Russian History from Ancient Times until 20th Century of the Institute of History of St. Petersburg State University; Leading Researcher of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: a.pavlov@spbu.ru, pavlov_ap@mail.ru

Keywords: taxes, tax records, military expenses, military-fiscal State

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ*

**Золян С.Т. Юрий Лотман:
О смысле, тексте, истории.
Темы и вариации.
М.: Издательский Дом ЯСК,
2020. — 320 с. — (Studia philologica)****

Ключевые слова: Лотман Ю.М., семиотика, социальная семиотика, текст, текстуализация

Юрий Михайлович Лотман — выдающийся исследователь истории русской литературы и культуры, один из основателей тартуско-московской школы семиотики, внёсшей существенный вклад в развитие не только отечественной гуманитаристики. Многие филологи, философы, социологи выросли на выпусках «Трудов по знаковым системам», выходивших в Тартуском университете под его редакцией. Обращение к его наследию до сих пор даёт импульсы новым трансдисциплинарным исследованиям.

Книга, представленная С.Т. Золяном — одним из учеников и последователей Ю.М. Лотмана, не является пересказом или популяризацией лотмановских идей. Автор предпринимает попытку продолжить высказанные Лотманом мысли, находя контексты, в которых эти мысли могут звучать по-новому.

Можно согласиться с Золяном, что до сих пор — ни в семиотике, ни в линг-

вистике, ни в теории литературы — нет обобщённого описания лотмановской концепции текста в её соотношении с современными представлениями, тогда как именно эти идеи важны при рассмотрении динамических и коммуникативных аспектов текста, для развития существующих и создания новых методик текстового анализа.

В первом основном разделе книги, названном «Темы», автор выделяет пять перспективных, по его мнению, тем лотмановской концепции. *Во-первых*, разграничение между текстом и не-текстом основано не на лингвистических или семантических факторах, а на социально-культурных (прагматических) критериях. Это открывает перспективы развития лотмановской теории текста с использованием теории речевых актов, перформативов, языковых игр. *Во-вторых*, трактовка текста как принципиально многоязычного и мультисемантического явления: любой текст возникает

* **Тульчинский Григорий Львович** — доктор философских наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, заслуженный деятель науки РФ.
E-mail: gtul@mail.ru

** Проект 19-112-00207.

при взаимодействии как минимум двух разнородных языков и допускает множественность интерпретаций, что открывает возможность развития этих идей в плане диалоговых моделей коммуникации и понимания, модальной семантики возможных миров. *В-третьих*, активная роль адресата (культуры-реципиента) в раскрытии семантического потенциала текста, и одновременно — роль текста в формировании читателя (культуры). Здесь открываются перспективы мультидисциплинарных исследований в когнитивистике. В связи с этим, *в-четвёртых*, это трактовка текста как динамического саморазвивающегося объекта. По Лотману, текст, интеллект (сознание) и культура (семиосфера), по сути дела, различные аспекты одного и того же явления, в котором каждый из членов этой триады взаимно определяет, создаёт и развивает другие. Это открывает широкий спектр междисциплинарных исследований в нейролингвистике, теории культуры и коммуникации. И *в-пятых*, это понимание текста как комплексного отношения (функции в математическом смысле) между тремя переменными: знаковой композицией, адресатом и контекстом. К ним можно добавить и четвертую переменную — знаковую систему (конкретный язык).

Автор детально рассматривает историю становления лотмановской концепции текста как в контексте лингвистической линейной парадигмы (когда текст трактовался как итог конструирования из усложняемых синтагм: слово — словосочетание — простое предложение — сложное предложение — сверхфразовое единство — текст), так и поэтики (а также фольклористики), где текст выступал как исходное многомерное единство. Опыт исторического литературоведения, знание структурного подхода в лингвистике позволили Лотману наполнить концепт текста содержанием, преодолевающим как редукцию текста к языковым элементам, так и расширительную неопределённость текста в литературоведении.

Немаловажным является и то, что истинностью текста становится выраженная общностью текстов данной культуры позиция (парадигма, смысловая картина мира). Эта текстуальная реальность — культура, организованная как пространство текстов (метатекст) — выступает внешней по отношению к некоторому тексту системой культурных кодов, позволяющей интерпретировать конкретный текст. Речь идёт о складывании определённых текстовых пластов в замкнутые миры, которые в культурных практиках соотносятся с внесемиотической реальностью.

Для Лотмана текст — не инструмент передачи информации, а механизм смыслопорождения. В наши дни форсированной цифровизации, включая онлайн-форматы образования, это особенно важно для различения информации как данных, меры разнообразия (измеряемой в битах, байтах) и знания как информации осмысленной.

Автором и реципиентом текст может восприниматься в различных функционально-типологических категориях, что порождает неполное понимание или ведёт к созданию новых смыслов. Для Лотмана текст есть генератор смыслов, динамически саморазвивающийся объект, если не организм: самовозрастающий логос, в духе Гераклита Эфесского, разумная психея. Он предстаёт «мыслящей структурой», как модель сознания, где роль пускового механизма играет поступающий извне текст, приводящий исходное сознание в движение. Это позволило уже самому Лотману применять такую трактовку семиотической гетерогенности текста к современным ему нейролингвистическим исследованиям.

Чрезвычайно содержательным, актуальным и методологически важным представляется развитие Золяном второй ключевой темы лотмановской концепции — проспективно-ретроспективной модели исторических описаний (с. 59–96). Идеи Лотмана скрупулёзно сопоставляются с традицией логико-семантического ана-

лиза представлений о прошлом, настоящем и будущем, восходящей к Аристотелю, а в новейшее время продолженной Я. Лукасевичем, Г.-Х. фон Вригтом.

Особенность исторического описания, согласно Лотману, в том, что в нём непредсказуемые в момент совершения события выступают как детерминированные – за счёт ретроспекции историка, когда случайное и недетерминированное событие *post factum* осмысляется как неизбежное, что приводит к детерминистским концепциям философии истории. И логико-семантический анализ показывает, что такой «фатализм» – свойство не самих событий, а высказываний о них, обусловленное ограничениями неизбежной нарративизации и текстуализации истории как формы знания, зависящей от позиции познающего субъекта.

Поэтому настоящее – это время, в котором каждый раз заново одновременно переосмыляется прошлое и будущее. Так, распад СССР дал начало не только новым национальным государствам, но и новым историям, и новым политическим проектам. Единый до этого нарратив истории СССР также распался. А создание новых историй неизбежно сопровождается корректировкой прежних, включая практики вспоминания и забвения. Речь идёт не о политическом волюнтаризме, а именно об изменении контекстов.

Не менее интересна и важна третья основная тема лотмановской концепции, рассмотренная в книге, – перспективы социальной семиотики (с. 97–128). Лотман обычно воспринимается как литературовед и семиотик культуры. Вопрос о том, насколько правомерно рассматривать его идеи в рамках социальной семиотики, до сих пор не поднимался. Автором идеи социальной семиотики считается Майкл Хэллидея, чью концепцию впоследствии развили Роберт Ходж и Гюнтер Кресс. Однако в работах Лотмана термин «социальная семиотика» появляется в 1975 г., одновременно с Хэллидеем. Причём, в отличие от последнего, Лотман не ограничи-

вал социальную семиотику рассмотрением языковых практик в различных паттернах социальной коммуникации, настаивая, что лингвистический анализ должен быть дополнен методом, который он называл «структурно-идеологическим». Лотман семиотически рассматривал сами социальные и политические отношения, в которых реализуется коммуникация.

В свете сказанного выше о лотмановском понимании культуры (проявлением которой являются социальные отношения) как текста, его подход предстает более общим и перспективным для разработки более глубокой теории, в которой как знаковые феномены (тексты) рассматриваются не только языковые знаки и сообщения, но и социальные действия и поведенческие структуры. Не случайно последователи М. Хэллидея пошли именно в направлении, близком Лотману. Это позволяет соотнести концепты социальной семиотики с основными понятиями теоретической и прикладной социологии. И Золян обстоятельно проводит это соотнесение с такими базовыми концептами «понимающей социологии» М. Вебера, как социальное действие, смысл и коммуникация, с методологией полевых исследований Б. Малиновского, убедительно показывая плодотворность такой конвергенции.

В этом плане особенно показательна четвёртая тема, представленная как рефлексия отношения Ю.М. Лотмана к драматической ситуации распада СССР и становления новых государств, свидетелем чего ему довелось стать в последние годы жизни. Такой анализ тем более показателен, что Лотман, сохраняя ответственную гражданскую позицию, не уходил от ответственности учёного, обладающего нетривиальным аппаратом фундаментального анализа, чтобы осмыслять возникающие вызовы развития общества и предлагать ответы на эти вызовы. За лозунгами, идеологиями, персонами он видел нерв и суть проблемы, что уводило от сиюминутных конфликтов. Сущность постсоветского периода Лотман находил в выя-

вленной им зависимости политических процессов от принципа бинарной организации культурно-семиотических систем как постоянной осцилляции между взрывом и застоём, с неизбежной катастрофой в конце обоих путей. Выход из этого тупика Лотман связывал с переключением бинарной системы на тернарную.

Нельзя не заметить, что к близким идеям о необходимости поисков «медиации», преодоления маятникового, инверсионного характера развития русского (и советского) общества пришёл историк и социолог А.С.Ахиезер. Однако до сих пор политический язык строится на бинарности «мы — они», «свои — чужие», «хорошее — плохое», из которой вытекает безальтернативность, а значит — конфликтность, раскалывание социума.

Золяном в этой части книги предложен обзор возможности описания исторического процесса в терминах лексико-семантических отношений — не только бинарных (антонимия, синонимия), но и многозначных (амбивалентность, энантиосемия), дающих возможность компромисса, отказа от игр с нулевой суммой.

Представляется закономерным, что в качестве пятой лотмановской темы (с. 147–156) Золян взял опыт романа-реконструкции — книги Лотмана о Н.Карамзине как не просто историке, а историке-писателе, авторе текста («поэмы» — как называл этот текст сам Н.Карамзин) российской

истории, который заложил основы смысловой картины российской истории в сознании многих поколений.

Второй раздел книги, «Вариации», составляют образцы приложения идей Ю.М.Лотмана к описанию текстов и смыслов: многомерности семантической структуры текста, близнечного мифа применительно к истории, семиотики магии и волшебства в пушкинских текстах, самовозрастания смысла в поэтических текстах.

Дополнительное значение и ценность изданию придают автографы Ю.М.Лотмана, использованные в оформлении книги, и приложения. В первом из них, посвящённом роли Ю.М.Лотмана в развитии связей с научными центрами Армении, в том числе по подготовке молодых специалистов по гуманитарным наукам, впервые публикуются письма Ю.М.Лотмана, свидетельствующие о гражданской позиции в связи с трагическими событиями в Сумгаите и Нагорном Карабахе. Во втором приложении опубликован чрезвычайно содержательный обзор Ю.М.Лотмана «Текст в контексте Тартуско-Московской школы: проблемы и перспективы».

Собранные воедино, предлагаемые «темы», «вариации» и приложения создают нетривиальный кумулятивный и синергетический эффект, показывая возможность «новой жизни» лотмановских идей и приглашая к диалогу относительно их дальнейшего развития.

ENGLISH

Zolyan S.T. Yuri Lotman: On Meaning, Text, History. Themes and Variations.

Moscow: YASK Publishing House, 2020. — 320 p. — (Studia philologica)

Tulchinsky Grigory Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor at the National Research University “Higher School of Economics” — St. Petersburg, Honored Scientist of the Russian Federation.
E-mail: yanazel@mail.ru

Keywords: Lotman Yu.M., semiotics, social semiotics, text, textualization

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В 2020 г.

К 75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Давыдов Ю.А., Баландина О.А. Совинформбюро в СССР и за рубежом в годы Великой Отечественной войны. — № 2. — С. 13–28.

Журавлёв С.В. «Крым — наш!» Новые свидетельства об освобождении Крыма и Севастополя от нацистской оккупации в 1944 году. — № 2. — С. 29–38.

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. «Взгляд из окопа»: фронтовые письма как объект научного осмысления в лингвистической персонологии. — № 2. — С. 52–66.

Мельникова Н.В. Кадровая политика советского атомного проекта. — № 2. — С. 39–51.

К ВЫХОДУ В СВЕТ 100-го НОМЕРА ЖУРНАЛА

Панченко В.Я. К выходу в свет 100-го номера журнала. — № 3. — С. 9–10.

Нас поздравляют:

Макаров Н.А., вице-президент РАН, директор Института археологии РАН, академик РАН. — № 3. — С. 11.

Казанский Н.Н., научный руководитель Института лингвистических исследований РАН, академик РАН. — № 3. — С. 12.

Гагарина Е.Ю., генеральный директор Музеев Московского Кремля. — № 3. — С. 13.

Петров Ю.А., директор Института российской истории РАН. — № 3. — С. 14.

Полонский В.В., директор Института мировой литературы РАН, член-корреспондент РАН. — № 3. — С. 15–16.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

Исторические науки

Базарова Т.А. Дипломатия Петра Великого и Османская империя. — № 3. — С. 29–42.

Гимон Т.В., Мельникова Е.А. Повседневно-практические тексты в средневековой Скандинавии и Древней Руси. — № 4. — С. 9–23.

Головнёв И.А. Кинодокументы по этнографии айнов в коллекциях музеев и архивов Сахалина. — № 4. — С. 24–33.

Лепехин М.П. Издательская деятельность Русского исторического общества. — № 1. — С. 21–37.

Степанкова Е.В. Печати Константинополя из собрания Государственного Эрмитажа. — № 1. — С. 9–20.

Трепавлов В.В., Горский А.А. Посланцы папы римского в Монгольской империи. — № 3. — С. 17–28.

Экономика

Архипова М.Ю., Сиротин В.П. Подходы к изучению качества и уровня жизни населения в России. — № 4. — С. 34–44.

Логинов Д.М. Проблемы и перспективы российской молодёжи на современном рынке труда. — № 3. — С. 43–54.

Философия. Социология. Политология. Правоведение

- Абрамов Р.Н., Быков А.В.* Социологическое понимание профессиональной и организационной этики. — № 1. — С. 38–47.
- Дементьев А.Н.* Проблемные аспекты экономико-правовой экспертизы нормативных правовых актов. — № 1. — С. 48–56.
- Дмитриев И.С.* Извилистые тропы научных карьер. — № 4. — С. 69–79.
- Дорская А.А., Дорский А.Ю.* Историческая память как объект международно-правового и национального регулирования. — № 2. — С. 85–96.
- Душина С.А., Куприянов В.А.* Идея и реальность научной коммуникации в академических социальных сетях. — № 3. — С. 81–91.
- Левашов В.К.* Потенциал развития гражданского общества в России. — № 3. — С. 64–80.
- Лекторский В.А. Э.В. Ильенков* – классик отечественной философии. — № 3. — С. 55–63.
- Попова В.С., Пушкарский А.Г., Сироткина Л.С.* Феномен логической культуры в России: прошлое и современность. — № 4. — С. 55–68.
- Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л., Фадеева Т.А.* Восточный вектор — приоритетное направление демографического развития России. — № 4. — С. 45–54.
- Скрипник К.Д.* Дебаты в отечественной и зарубежной философии по основаниям, истории и идентичности аналитической философии. — № 2. — С. 67–84.

Филология. Искусствоведение

- Алимов И.А.* Заметки о сяошо: «Бао гуан лу». — № 1. — С. 71–78.
- Вишрова Н.Н., Переписка И.С. Аксакова с женой* как источник для изучения консервативных идей второй половины XIX века. — № 2. — С. 97–109.
- Вятчанина Т.Н., Смирнов Г.К.* Два дворца Ф. Растрелли по чертежам из коллекции Бергхольца в Национальном музее Стокгольма. — № 3. — С. 106–120.
- Зыкова И.В.* Идиоматика русского авангарда сквозь призму лексикографии. — № 4. — С. 80–91.
- Калугина О.В.* Границы реализма: к проблеме терминологии. — № 4. — С. 92–100.
- Крылова А.В., Кисеева Е.В.* Музыкальный театр на рубеже XX–XXI веков: проблема обновления жанров. — № 2. — С. 110–122.
- Панова О.Ю.* Пять путешествий Уильяма Дюбуа по СССР. — № 3. — С. 92–105.
- Романов Д.А., Лингвопоэтика Л.Н. Толстого* в научном ракурсе начала XXI века. — № 1. — С. 57–70.
- Штольдер Н.В.* Стиль Либерти в Турине. — № 1. — С. 79–92.

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

- Ананьева К.И.* Особенности межличностного восприятия в коммуникативной ситуации. — № 2. — С. 123–133.
- Андреева А.Д., Данилова Е.Е.* Психологический образ детства у российских родителей: традиция и современность. — № 1. — С. 93–106.
- Бизюк А.П., Кац Е.Э., Колосова Т.А., Сорокин В.М.* Нейропсихологические детерминанты дизорфографии. — № 3. — С. 121–135.
- Логонова Н.А.* Новые страницы истории Петербургской психологической школы. — № 4. — С. 101–112.
- Хватов И.А.* Эволюционные предпосылки орудийной деятельности с позиции концепции самоотражения животных и человека. — № 3. — С. 136–146.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Раскопки на городище Эски-Кермен в 2019 г. — № 2. — С. 134–143.

Бондаренко Д.М., Титорский А.В. Православные Уганды: социокультурные процессы в африканских христианских общинах. — № 1. — С. 124–134.

Соловьёва Е.А., Гнездилова И.С., Нестеркина А.Л., Соловьёв А.И. Изучение погребальных памятников эпохи палеометалла Корейского полуострова и Японских островов. — № 4. — С. 113–128.

Успенский П.С., Албегова (Царикаева) З.Х.-М., Свиркина Н.Г. Археологические исследования в Даргавской котловине в контексте изучения населения Центрального Кавказа VIII–X веков. — № 3. — С. 147–161.

Чернецов А.В., Стрикалова И.Ю. Старая Рязань: новые исследования и находки. — № 1. — С. 107–123.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Акопов Г.Л. VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные аспекты развития воздушного транспорта» (АВИАТРАНС-2019), приуроченная к 50-летию Ростовского филиала МГТУ ГА (Ростов-на-Дону, 21–23 июня 2019 г.). — № 1. — С. 141–145.

Багдасарян В.Э., Федорченко С.Н. Всероссийская онлайн-конференция с международным участием «Исторические итоги Второй мировой войны в актуальной повестке современности» (Москва, 9 сентября 2020 г.). — № 4. — С. 135–140.

Вдовиченко М.В., Антонов Е.Е. Всероссийская научная конференция с международным участием «Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации» (Москва, 2–3 марта 2020 г.). — № 2. — С. 144–147.

Красноженова Е.Е. Третья Международная научно-образовательная конференция «СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти» (Санкт-Петербург, 15–16 октября 2020 г.). — № 4. — С. 129–134.

Сусидко И.П. Международная научная конференция «Опера в музыкальном театре: история и современность» (Москва, 11–15 ноября 2019 г.). — № 1. — С. 135–140.

МИР КНИГИ РФФИ

Аболина М.М. — Литературное наследство. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования: В 4 кн. Кн. 1 / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; Ред.-сост. О.А. Коростелёв, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 1184 с. — № 2. — С. 154–156.

Ахременко Д.А. — Православие на Украине в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Подгот. Л.А. Лыковой. М.: Политическая энциклопедия, 2019. — 511 с. — № 2. — С. 152–153.

Белик Ж.Г. — Бусева-Давыдова И.Л. Русская иконопись от Оружейной палаты до модерна: поиски сакрального образа. М.: БуксМАрт, 2019 — 476 с.: ил. — № 3. — С. 166–170.

Березовая Л.Г. — Пушкины: Генеалогическая энциклопедия / Отв. ред. О.Н. Наумов. М.: Политическая энциклопедия, 2020 — 592 с.: ил. — № 3. — С. 159–161.

Гавриков В.А. — Дударева М.А. Поиски «инога царства» в русской литературе XIX – начала XX века: фольклорная эстетика. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — 352 с. — № 1. — С. 151–154.

Геворкян Т.М. — Цветаева М.И. Творческие тетради. Т. 1: В 2 кн. Кн. 1: Черновая тетрадь 1919 г.; Кн. 2: Черновая тетрадь 1919–1921 гг. / Подгот. текстов Е.И. Лубянниковой и Ю.И. Бродовской. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2018. — Кн. 1. — 192 с.: ил.; Кн. 2. — 192 с.: ил. — № 1. — С. 146–150.

Зеленина Я.Э. — Сипола О.Б. Валаамский монастырь на Ладозге: Художественное убранство церкви XVIII – начала XIX века. М.: Индрик, 2019. — 664 с.: ил. — № 3. — С. 171–175.

Малков С.Ю. — Агеев А.И., Мясоедов Б.А. Суздальская Бастилия. Очерки и комментарии к сказке и письмам Н.Д. Кондратьева к Алёнушке. М.: Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева; Институт экономических стратегий, 2018. — 360 с. — № 1. — С. 155–158.

Павлов А.П. — Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. — 568 с. — № 4. — С. 144–147.

Пигин А.В. — Юхименко Е.М. 25 лет эпистолярного общения И.Н. Заволоко и М.И. Чуванова (1959–1983). М.: Издательский Дом ЯСК, 2019 — 264 с.: ил. — (Studia historica). — № 3. — С. 162–165.

Тульчинский Г.Л. — Золян С.Т. Юрий Лотман: О смысле, тексте, истории. Темы и вариации. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 320 с. — (Studia philologica). — № 4. — С. 148–151.

Тюменцев И.О. — Сталинградская группа войск. 1943–1944: документы и материалы / Под ред. О.А. Гоманенко, М.М. Загоруйко. М.: Политическая энциклопедия, 2019. — 767 с.: ил. — № 2. — С. 148–151.

Федякин С.Р. — Архив А.П. Платонова. Книга 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция / Отв. ред. Н.В. Корниенко; Отв. секретарь Е.В. Антонова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 672 с.: ил. — № 2. — С. 157–159.

Шохин Л.И. — Б.Д. Греков. Письма (1905–1952 гг.) / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2019. — 504 с.: ил. — № 4. — С. 141–143.

Памяти Валентина Лаврентьевича Янина. — № 1. — С. 159.

LIST OF ARTICLES PUBLISHED IN THE “RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH JOURNAL. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES” IN 2020

DEDICATED TO THE 75TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

Davydov A. Yu., Balandina O. A. Soviet Information Bureau in the USSR and Abroad During World War II. — № 2 — P. 13–28.

Zhuravlyov S. V. “Crimea is ours!” New Evidence of Crimea and Sevastopol Liberation from German Invasion in 1944. — № 2. — P. 29–38.

Logunova N. V., Mazitova L. L. “Trench Viewpoint”: Wartime Letters as the Object of Scientific Conceptualization in Linguistic Personology. — № 2. — P. 52–66.

Melnikova N. V. Staff Policy in the Soviet Nuclear Project. — № 2. — P. 39–51.

DEDICATED TO THE 100TH ISSUE OF THE JOURNAL

Panchenko V. Ya. Dedicated to the 100th issue of the journal. — № 3. — P. 9–10.

Congratulations from

Makarov N. A. Vice-President of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Archaeology RAS, member of RAS. — № 3. — P. 11.

Kazansky N. N. Research Director Institute for Linguistic Studies RAS, member of RAS. — № 3. — P. 12.

Gagarina E. Yu. Director General of Museums of Moscow Kremlin. — № 3. — P. 13.

Petrov Yu. A. Director Institute of Russian History RAS. — № 3. — P. 14.

Polonsky V. V. Director Institute of World Literature RAS, RAS Associate Member. — № 3. — P. 15–16.

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

Historical Sciences

Bazarova T. A. Diplomatic Activity of Peter the Great and the Ottoman Empire. — № 3. — P. 29–42.

Gimon T. V., Melnikova E. A. Everyday Practical Texts in Medieval Scandinavia and Ancient Rus'. — № 4. — P. 9–23.

Golovnev I. A. Documentary Films on the Ethnic Studies of the Ainu People in the Collections of Sakhalin Museums and Archives. — № 4. — P. 24–33.

Lepekhin M. P. Publishing of the Russian Historical Society. — № 1. — P. 21–37.

Stepankova E. V. Constantinople Seals in the Collection of the State Hermitage Museum. — № 1. — P. 9–20.

Trepavlov V. V., Gorsky A. A. Emissaries of the Pope in the Mongol Empire. — № 3. — P. 17–28.

Economics

Arkhipova M. Yu., Sirotin V. P. Approaches to Studying the Quality and Standard of Living in Russia. — № 4. — P. 34–44.

Loginov D. M. Challenges and Prospects for Russian Youth in the Modern Labor Market. — № 3. — P. 43–54.

Philosophy. Sociology. Political Science. Jurisprudence

Abramov R. N., Bykov A. V. Sociological Understanding of Professional and Institutional Ethics. — № 1. — P. 38–47.

- Dementyev A.N.* Areas of Concern in Legal and Economic Expert Evaluation of Laws and Regulations. — № 1. — P. 48–56.
- Dmitriev I.S.* Winding Paths of Scientific Careers. — № 4. P. 69–79.
- Dorskaya A.A., Dorskyii A.Yu.* Historical Memory as the Object of International Law and National Regulations. — № 2. — P. 85–96.
- Dushina S.A., Kupriyanov V.A.* The Idea and Feasibility of Science Communication in Academic Social Networks. — № 3. — P. 81
- Levashov V.K.* Prospects of Civic Society Development in Russia. — № 3. — P. 64–80.
- Lektorsky V.A.* Classic Author of the Russian Philosophy. — № 3. — P. 55–63.
- Popova V.S., Pushkarskiy A.G., Sirotkina L.S.* Logical Culture Phenomenon in Russia: the Past and the Present. — № 4. — P. 55–68.
- Rybakovsky L.L., Rybakovsky O.L., Fadeeva T.A.* The Eastern Vector – Priority Course of Russia's Demographic Development. — № 4. — P. 45–54.
- Skripnik K.D.* Debates in National and Foreign Philosophy on the Foundations, History and Identity of Analytical Philosophy. — № 2. — P. 67–84.

Philology. Art Criticism

- Alimov I.A.* Notes on Xiaoshuo: “Bao Guang Lu”. — № 1. — P. 71–78.
- Vikhrova N.N.* Correspondence between Ivan Aksakov and his Wife as a Source for the Study of Conservative Ideas in the Second Half of the 19th Century. — № 2. — P. 97–109.
- Vyatchanina T.N., Smirnov G.K.* Two Palaces by Bartolomeo F. Rastrelli According to Drafts from Friedrich Bergholtz collection, Stockholm National Museum. — № 3. — P. 106–120.
- Zykova I.V.* Idiomatics of the Russian Avant-Garde from the Perspective of Lexicography. — № 4. — P. 80–91.
- Kalugina O.V.* Boundaries of Realism: Terminology Issues. — № 4. — P. 92–100.
- Krylova A.V., Kiseeva E.V.* Music Theatre between the 20th and 21st Centuries: Problem of Genre Update. — № 2. — P. 110–122.
- Panova O.Yu.* Five Times William Du Bois Travelled to the USSR. — № 3. — P. 92–105.
- Romanov D.A.* Linguopoetics in Works of Leo Tolstoy from the Scientific Perspective in the Early 21st Century. — № 1. — P. 57–70.
- Shtolder N.V.* Liberty Style in Turin. — № 1. — P. 79–92.

Complex Human Study. Psychology. Pedagogy

- Ananyeva K.I.* Characteristics of Interpersonal Perception in a Situation of Communication. — № 2. — P. 123–133.
- Andreeva A.D., Danilova E.Ye.* Psychological Image of the Childhood in Russian Parents: Tradition and the Present. — № 1. — P. 93–106.
- Bizyuk A.P., Kats E.E., Kolosova T.A., Sorokin V.M.* Neuropsychological Aspects of Dysorthography. — № 3. — P. 121–135.
- Loginova N.A.* New Chapters in the History of St. Petersburg School of Psychology. — № 4. — C. 101–112.
- Khvatov I.A.* Evolutionary Preconditions for the Use of Tools from the Perspective of Animal and Human Self-Reflection. — № 3. — P. 136–146.

FIELD RESEARCH

- Aibabin A.I., Khairedinova E.A.* Excavations at Eski-Kermen Site in 2019. — № 2. — P. 134–143.
- Bondarenko D.M., Tutorsky A.V.* Orthodox Christians in Uganda: Social and Cultural Processes in African Christian Communities. — № 1. — P. 124–134.

Solovyova E.A., Gnezdilova I.S., Nesterkina A.L., Solovyov A.I. Studies of Paleometallic Era Burial Monuments on the Korean Peninsula and the Japanese Islands. — № 4. — P. 113–128.

Uspensky P.S., Albegova (Tsarikaeva) Z.K.-M., Svirkina N.G. Archeological Studies in Dargavs Basin in the Context of Studying the Population of the Central Caucasus in the 8th–10th Centuries. — № 3. — P. 147–161.

Chernetsov A.V., Strikalov I.Yu. Old Ryazan: New Studies and Discoveries. — № 1. — P. 107–123.

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Akopov G.L. The 8th International Research-to-Practice Conference “Current Aspects of Air Transport Development” (AVIATRANS-2019), timed to coincide with the 50th anniversary of the establishment of Rostov affiliated branch, Moscow State Technical University of Civil Aviation (Rostov-on-Don, June 21–23, 2019). — № 1. — P. 141–145.

Bagdasaryan V.E., Fedorchenko S.N. All-Russian Online Conference with International Participation – “Historic Outcomes of the Second World War in Terms of Current Issues” (Moscow, September 9, 2020). — № 4. — P. 135–140.

Vdovichenko M.V., Antonov E.E. Russian Scientific Conference with International Participants “Archaeological Studies in Russia: New Sources and Interpretations” (Moscow, March 2–3, 2020). — № 2. — P. 144–147.

Krasnozhenova E.E. The Third International Scientific and Educational Conference – “USSR in the Second World War (1939–1945): Historical Memory Issues” (St. Petersburg, October 15–16, 2020). — № 4. — P. 129–134.

Susidko I.P. International Scientific Conference “Opera in Musical Theatre: History and Present Time” (Moscow, November 11–15, 2019). — № 1. — P. 135–140.

THE RFBR BOOK WORLD

Abolina M.M., Korostelyov O.A., Morozov S.N. (compil. eds.). Literary Heritage. Vol. 110: Ivan Bunin. New Sources and Studies: in 4 Books. Book 1 / Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. Moscow, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2019. 1184 p., ill. — № 2. — P. 154–156.

Akhremenko D.A. Orthodoxy in Ukraine during World War II. Collection of Documents and Materials / prepared by L.A. Lykova. Moscow, Political Encyclopaedia, 2019. 511 p., ill. — № 2. — P. 152–153.

Belik Z.G., Buseva-Davydova, I.L., Russian Icon Art from Armory of Kremlin to Art Nouveau: in search of a sacral image. Moscow: BooksMArt, 2019. — 476 p.: ill. — № 3. — P. 166–170.

Berezovaya L.G. The Pushkins: a genealogic encyclopedia / ed.-in-chief O.N., Naumov. Moscow: Politicheskaya Entsiklopedia, 2020. — 592 p.: ill. — № 3. — P. 159–161.

Gavrikov V.A., Dudareva M.A. Search of the “Other Kingdom” in Russian Literature of the 19th — Early 20th Century: Folklore Aesthetics. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. 352 p. — № 1. — P. 151–154.

Gevorkyan T.M., Tsvetaeva M.I. Creative Notebooks. Vol. 1. In 2 books. Book 1: Draft Notebook of 1919; Book 2: Draft Notebook of 1919–1921 / Prepared by Lubyannikova E.I., Brodovskaya Yu.I., Korkina E.B.; Opening chapter, Notes and Appendices by Lubyannikova E.I., Brodovskaya Yu.I. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2018. Book 1, 192 p.: fig.; Book 2, 192 p.: fig. — № 1. — P. 146–150.

Zelenina Ya.E., Sipola, O.B., Valaam Monastery on Lake Ladoga: art decoration of churches between the 18th and early 19th centuries. Moscow: Indrik, 2019. — 664 p.: ill. — № 3. — P. 171–175.

Malkov S.Yu., Ageev A.I., Myasoedov B.A. The Bastille of Suzdal. Essays and Comments on the Tale and Letters of Nikolai Kondratiev to Alyonushka. Pitirim Sorokin and Nikolai Kondratiev International Institute, Institute for Economic Strategies, 2018. 360 p. — № 1. — P. 155–158.

Pavlov A.P. — Dmitrieva Z.V., Kozlov S.A. Taxes and Wars in Russia in 16–18th Centuries. St. Petersburg: Historical Illustration, 2020. – 568 p. — № 4. — P. 144–147.

Pigin A.V. — Yukhimenko, E.M., 25 years of epistolary communication between Ivan Zavoloko and Mikhail Chuvanov (1959–1983). Moscow: LRC Publishing House, 2019. — 264 p.: ill. — (Studia historica). — № 3. — P. 162–165.

Tulchinsky G.L. — Zolyan S.T. Yuri Lotman: On Meaning, Text, History. Themes and Variations. Moscow: YASK PUBLISHING HOUSE, 2020. – 320 p. – (Studia philologica). — № 4. — P. 148–151.

Tyumentsev I.O. — Gomanenko O.A., Zagorulko M.M. (eds.). Stalingrad Group of Forces. 1943–1944: Documents and Materials. Moscow, Political Encyclopaedia, 2019. 767 p., ill. — № 2. — P. 148–151.

Fedyakin S.R. — Kornienko N.V. (ed.). Andrei Platonov's Archive. Book 2: Description of the Manuscript of "Chevengur" Novel. Dynamic Transcription / Executive Secretary E.V. Antonova. Moscow, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2019. 672 p., ill. — № 2. — P. 157–159.

Shokhin L.I. — B.D. Grekov. Letters (1905–1952). / Ed. by V.G. Buchert. Moscow: Historical Thought Memorials, 2019. – 504 p.: ill. — № 4. — P. 141–143.

In the memory of Valentin Lavrentievich Yanin. — № 1. — P. 159.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2020, № 4 (101)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 18.12.2020. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 114.

Отпечатано в типографии ООО «Гран-При».
152900, г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, д. 57